

НЕСТОР МАХНО

**ПОД УДАРАМИ
КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ**

ПОД РЕДАКЦИЕЙ, С ПРЕДИСЛОВИЕМ
И ПРИМЕЧАНИЯМИ Т. ВОЛИНА

ПАРИЖ
1936

6.
2380

НЕСТОР МАХНО

801-13
300

[Воспоминания]

Р5
7

6
2980

КНИГА II

ПОД УДАРАМИ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ

(АПРЕЛЬ-ИЮНЬ 1918 г.)

Под редакцией, с предисловием и примечаниями
Гов. ВОЛИНА
и с портретом Н. МАХНО

Обложка работы художника И. К. ЛЕБЕДЕВА

Издание
Комитета Н. МАХНО
Париж
1936

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

и 7159-08

95-3165

2011122269

Н. МАХНО
в 1918-1919 г. г.

1918-1919

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Я очень сожалею о том, что личный конфликт с Нером Махно помешал мне проредактировать первый том воспоминаний, вышедший еще при жизни автора. Опытные опытной редакторской руки отразилось неблагоприятно на этой первой книжке. А так-как и самое издание ее не представляет еще исключительного интереса, то неудивительно, что появление этой первой части записок Махно вызвало некоторое разочарование.

Незадолго до смерти Н. Махно, мои личные отношения с ним несколько наладились. Я подумывал предложить проредактировать, при его участии, дальнейшие воспоминания. Его смерть помешала осуществлению этого замысла.

После смерти Махно, товарищи, заинтересованные в опубликовании продолжения записок, поручили мне проредактировать их, а также снабдить пояснительным предисловием и некоторыми необходимыми примечаниями к тексту. (Примечания эти читатель найдет в конце книги).

* * *

Считаю необходимым, прежде всего, отметить, что редакторская задача сводилась исключительно к приданию запискам Махно минимально литературной формы. Я никоим образом не делал в тексте никаких изменений, которые могли бы отдаленно повлиять на смысл, но больше того: насколько это было возможно, я сохранял нетронутым и самый текст подлинника, своеобразный и местами очень красочный. Поправки и исправления имели в виду исключительно

но удобочитаемость книги. Для непосвященного читателя добавлю, что Н. Махно обладал лишь элементарным образованием, а литературным языком не владел и в малой степени (что, впрочем, — как уже сказано, — не мешало ему иметь собственный характерный «стиль»). Местами, — в особенности там, где он увлекается пространными теоретическими рассуждениями, — его рукопись становится синтаксически безграмотной. Гораздо лучше удаются ему описания конкретных событий. Страницы, посвященные живому рассказу о тех событиях, могут оставаться почти нетронутыми.

* * *

По своему содержанию, настоящая, II-ая книга воспоминаний интереснее первой. Наблюдения Махно во время поездки через всю Россию летом 1918 г., его встречи и разговоры, его размышления, огорчения, разочарования и, наконец, его окончательное решение — посвятить себя целиком организации крестьянского восстания на Украине для борьбы за новый, безвластный общественный строй — все это необычайно характерно и ярко. Пребывание Махно в Москве его беседы с Лениным и Кропоткиным — описаны очень живо. Читатель отчетливо видит постепенное нарастание новой идеи Махно. Приближаясь к концу книги, мы постепенно понимаем психологию автора. Перед нами всплывает яркий образ человека, целиком и бесповоротно преданного своей идее. Конец книги исполнен большой душевной напряженности.

* * *

Настоящий, II-й том воспоминаний Махно доведен до конца июля 1918 г. Автор останавливается как-раз в преддверии того огромного крестьянского восстания, главным вдохновителем и организатором которого он делается в июле. Следующий, III-й том («Украинская революция») доведенный до конца 1918 г., еще более интересен и значим. Он дает полное представление о первой, подготовительной стадии движения «махновщины». Он выйдет в свет непосредственно за II-м томом.

— 4 —

К сожалению, на III-м томе записки Махно обрываются болезнью и смертью помешалца ему довести работу до конца. Потеря невознагражденная, так-как никто, лучше его не мог бы рассказать о движении.

Написанные им три книги дают, однако, достаточное представление, во-первых, о личной роли и о психологии Махно, во-вторых, о как-раз наименее известном периоде «махновщины»: о ее первых шагах и первых успехах. Начиная с 1919 года, движение лучше известно. Прежде всего, имеется книга П. Аришинова: «История махновского движения», вышедшая в 1923 г. и ведущая последовательный рассказ, идущая именно с 1919-го года. Затем, живы некоторые источники событий 1919-1921 г. г., способные подробно описать и рассказать. Наконец, существуют, несомненно, и многочисленные документы, хотя они, в данное время, и рассеяны в разных частным руками.

Надо сознаться, что, сравнительно с необычайным значением и значением самого «махновского» движения, литература о нем до сих пор чрезвычайно бедна, что объясняется, во-первых, тем, что целого ряда серьезных помех и препятствий. Некоторые товарищи намерены в ближайшем будущем продолжать историю движения и довести ее до конца. В этих условиях было бы очень желательно, чтобы лица, имеющие на своем интересе материалы (воззвания, приказы, коммюнике, газеты, брошюры, фотографии, протоколы и т. д.), представили их, в оригинале или в копии, в распоряжение существующей в Париже Комиссии по собиранию и изданию материалов, касающегося махновского движения и имеющего общественный интерес. Переписку по этому поводу, равно как и запросы материалов, следует направлять заказными пакетами по адресу: Librairie Franssen, 11, rue de Cluny, Paris (5), France, с припиской: Pour Commission Makhno. По желанию, использованные материалы могут быть возвращены владельцам.

* * *

Я не нахожу ни нужным, ни возможным давать в настоящем предисловии критическую оценку махновщины или замечаний Н. Махно. Но-какие замечания, касающиеся некоторых его суждений в настоящей работе, читатель найдет

— 5 —

в примечаниях к соответственным главам, в конце книги. Ч
же касается критического очерка движения, то я пр
полагаю в ближайшем будущем выпустить небольшую ра
ту, посвященную оценке движения и вытекающим из н
— для анархистов и для интересующихся народными дви
жениями — урокам.

Волин.

Июль, 1936 г.
Париж.

Глава I.

НА ПУТИ ОТСТУПЛЕНИЯ.

В апреле месяце 1918 г. я вызван был в штаб Егорова — штаб красногвардейских войск. В указанном мне месте штаба, однако, уже не оказалось: он отступил под натиском немецко-австрийских войск, и где остановился, пока не было известно. За время, что я ездил по линиям железных дорог, в Гуляй-Поле произошли крупные перемены. Оно было занято врагами революции — герmano-австро-венгерскими экспедиционными частями и их проводниками, отрядами Украинской Центральной Рады.

Красноармейские и красногвардейские отряды бегут. За ними бегут и другой формации революционные отряды. Жит местами и население, к злорадному удовольствию врагов.

Весть о занятии Гуляй-Поля застала меня на станции Царево-Константиновка и потрясла. А бегство революционных сил я видел сам. Тяжело было смотреть на это бегство. Что-то непонятное, тяжелое сдавило мне сердце и лишило меня возможности яснее представить все то, что произошло там, в Гуляй-Поле, за мою двух-дневную отлучку от него. Все совершившееся настолько потрясло и сковало меня, что я оказался совершенно не в состоянии противопоставить свои физические силы этой тяжести. Тут же, на станции, я прилег, положив голову на колени одного из красногвардейцев, и бессознательно выкрикивал:

— Нет, нет, я этой изменнической роли шовинистов не забуду! Может-быть и стыдно революционеру анархисту думать в себе мысли о мести, но они поселились во мне, и я сделаю из них для дальнейшей своей революционной деятельности необходимые выводы...

Об этом мне красноармейцы рассказали впоследствии. Говорили они еще, что я заплакал и уснул в вагоне, на ко-

лениях все того же красногвардейца. Однако я этого не помню.

Мне казалось, что я не спал и лишь чувствовал себя в какой-то тревоге. Это чувство было тяжело, но я мог ходить, говорить. Помню, что я никак не мог сообразить, где я... Лишь когда я вылез из вагона и увидел, что все еще нахожусь на станции Царево-Константиновка, я извинился перед окружающими меня красногвардейцами и направился к вокзалу.

По дороге я встретился с несколькими товарищами и своим братом Саввой Махно, бежавшим из Гуляй-Поля. Это свидание меня обрадовало. Я набросился на них с распросами о том, при каких обстоятельствах было сдано Гуляй-Поле, какие жертвы понесли отряд анархистов и другие революционные организации.

Но товарищи, увидев меня полубольным, нервным, уклонились отвечать подробно, ограничиваясь самыми краткими фразами, вроде: «Гуляй-Поле сдано, но не все в нем погубили», и т. п.

Это меня очень бесило, но делать было нечего. Я не мог принудить их рассказывать мне подробности, так как знал, что все воинские поезда были на отходе, и нам нужно было успеть найти в одном из них себе место. Я сказал об этом брату, и он нашел нам места.

Через 5-10 минут мы сидели уже в одном из красногвардейских вагонов и обсуждали, во всей широте и со всей ясностью, создавшееся для революции положение на Украине. Это обсуждение не могло бы быть для нас полным, если бы оно велось вне связи с Гуляй-Подем, с его широким и просторным районом, с той колоссальной работой, какую нам, живя, растя и развивая в нем свои идеи, уже пришлось проделать на пути революционного действия.

Да и сама тема связывала нас с Гуляй-Подем. Занятия врагами этого пункта мысленно уносило нас туда, к нашим упущениям в деле организации «вольных батальонов» революции против контр-революции, несшейся на штыках грозных экспедиционных немецко-австро-венгерских армий и жалких по своей боеспособности, но подлых по своим делам, отрядов их прислужницы — Украинской Центральной Рады.

Упущения эти заключались в том, что, при формиро-

вании «вольных батальонов», нами было допущено свободное вступление в них всякого желавшего, без какой бы то ни было проверки. Это привело в ряды «вольных батальонов» сторонников Украинской Центральной Рады и ее пресупного против революции союза с немецким и австро-венгерским правительствами. Правда, лично я в этом упущении не находил большого зла. Большое зло видел я в совершенно другом упущении, как со стороны Революционного Комитета, так и с нашей стороны: упущении, которое помогло пяти-шести сознательным подлецам сыграть на руку немецко-австро-венгерскому командованию и Украинской Центр. Раде в деле занятия Гуляй-Поля без боя и, затем, в осуществлении расправы над многими тружениками. Упущение это заключалось, по-моему, в слишком поспешной и стратегически неразумной (хотя, морально и тактически, по отношению к остальным отрядам, оправдываемой) высылке из Гуляй-Поля на фронт отряда анархистов-коммунистов. Отряд этот нужно было держать в Гуляй-Поле, в непосредственном ведении Революционного Комитета и секретариата группы анархо-коммунистов, до тех пор, пока другие вооруженные революционные части находились здесь же. Лишь в момент общего выступления вооруженных сил на революционный фронт надо было вывести и отряд анархистов, выдвинув его в авангард. В самом деле, очевидцы происшедших в мое отсутствие Гуляй-Польских событий мне рассказали, что арестом Революционного Комитета, членов Совета Рабочих и Кресть. Деп. и секретаря группы руководили пять человек, пользуясь в кое-каких случаях поддельными документами, а также вооруженной силой «еврейской роты», неустойчивой, в массе своей склонной приспособляться. Находясь отряд анархистов в то время в Гуляй-Поле (пусть даже в мое отсутствие), заговорщики ни за что не решились бы заменить вне очереди одну из рот по гарнизону роту другою, именно — «еврейскую». Командир этой роты, не еврей, склонен был, особенно в тревожное время, ориентироваться в сторону сильных. Он, с помощью самих заговорщиков и при молчаливом подчинении роты, произвел нападение на Революционный Комитет и арестовал его, а затем пустил роту на поимку отдельных членов Совета, стариков-крестьян и рабочих анархо-коммунистов...

Будь отряд анархо-коммунистов в это время не на фронте против экспедиционных армий и отрядов Украинской Центр. Рады, а в Гуляй-Поле, он не допустил бы агентств командования этих армий и отрядов организовать вооруженное нападение на Революционный Комитет и сорвать его работу в деле организации фронта против контр-революции. К сожалению, все то, о чем мы говорили, свершилось. Помню, я говорил тогда своим товарищам: — Теперь в Гуляй-Поле, да и во всем его районе, можно ожидать со стороны крестьян и рабочих крайне нежелательной для дела Революции, недостойной ненависти к евреям вообще. Со знательные и бессознательные враги революции могут эту ненависть использовать, как они захотят. И мы, так много потрудившиеся над тем, чтобы убедить тружеников не евреев, что еврейские рабочие им братья, что их необходимо втянуть в дело общего социально-общественного строительства на равных и свободных началах, — мы можем очутиться перед фактом еврейских погромов. Об этом мы должны тоже подумать, и подумать серьезно...

— Совершенно верно, ненависть крестьян и рабочих к евреям сейчас сильная, — отвечали мне друзья: — но мы виноваты в этом... Евреи никогда в Гуляй-Поле не были изолированы от общественной жизни не-еврейского населения. И лишь акты еврейской роты 15-16 апреля поставили не еврейское население на путь ненависти к евреям. Покидая Гуляй-Поле, мы не можем не видеть, что в нем появился дух антисемитизма... Но что сделаешь, мы бессильны теперь бороться с ним. Наши силы все в подполье и, в значительной степени, из-за действий еврейской роты...

— Вот в том-то и дело, — настаивал я, — что с торжеством контр-революции, и благодаря глупой выходке еврейской молодежи, над Гуляй-Подем веет дух антисемитизма. И наша прямая обязанность — не дать ему осесть укорениться в Гуляй-Поле. Гуляй-Поле — сердце нашей новой борьбы против контр-революции. Мы должны возвратиться в него, чего бы это нам, как группе революционеров-анархистов, не стоило. Находясь в Гуляй-Поле, мы сможем, — и это прямая наша обязанность, — предупредить ало, нашедшее себе место в гуще крестьян и рабочих, последние действий еврейской роты... А предупредить его мы сможем тем, что своевременно разясним революционным тружени-

никам, кто виноват в произведенных арестах... Если мы не проявим надлежащего действия в этой области нашей борьбы, то, помните мое слово, друзья, трудовое еврейское население будет избиваться...

— Ты совершенно прав, — отвечали мне друзья, — но мы здесь не при чем. Не из-за нас же все это совершится... Мы не оспариваем того, что нам об этом нужно подумать серьезнейшим образом, что нам придется против всего этого бороться... Но все это будет тогда, когда мы будем в Гуляй-Поле. Сейчас же мы должны подумать о том, где мы задержимся на временное жительство, чтобы собрать всех своих товарищей, которые будут пробираться к красному фронту и искать тебя...

Мы решили задержаться на некоторое время в г. Таганроге. Последний в это время являлся центром Украинского большевистско-лево-эсеровского правительства. Сюда сбегались со всех мест южной Украины агенты этого правительства. Сюда же отступали в большинстве своем красногвардейские отряды. Здесь, в г. Таганроге, одним из бегущих указывались маршруты дальнейшего перекочевывания, над другими производились аресты, насильственные разоружения и суды.

Итак, в г. Таганроге мы задержимся недельку-две. За это время с'едутся остальные наши товарищи. Здесь мы устроим конференцию, на которой и разрешим окончательно: какими путями и в каком порядке мы начнем возвращаться обратно в свои районы, для подпольной работы против восторжествовавшей контр-революции.

Тем временем, что мы обсуждали этот вопрос, эшелон отряда Петренко получили распоряжение в спешном порядке покинуть железнодорожный Цареконстантиновский узел и двинуться по направлению к Таганрогу, под которым красногвардейское командование группировало свои силы, с целью дать повторное генеральное сопротивление немцам и Центральной Раде.

Эшелоны тронулись... Тяжело и больно было расставаться с районом, среди населения которого мы так много работали. Однако, другого исхода не было. Расстаться с ним на время было необходимо не только физически, но и нравственно. Ведь только со стороны можно было теперь проверить все то, во что мы верим, с чем переплеталась ве-

дикая надежда, что торжество контр-революции не прочно; что пройдут месяцы, и Украинское революционное трудовое население, дезорганизованное сейчас, с одной стороны — большевистским Брестским договором, а с другой — гнусной, провокационной политикой немецко-мадяро-австрийского вассала — Украинской Центральной Рады, опомнится и поймет гнусную роль этих вершителей судеб его и Революции. Трудовое население организуется на сей раз самостоятельно, у себя на местах, и низвергнет своих палачей, без опеки провокаторов из лагеря социалистов-шовинистов...

Зная настроение тружеников деревни, с каким они готовились к неудавшейся своей борьбе против нашествия немецко-австро-венгерского юнкерства и банд Украинской Центральной Рады; зная и веря, что это настроение в них было естественным настроением, которое не может измениться только потому, что основанная на нем организация тружеников на первых порах потерпела тяжелые неудачи, и глубоко в себе питал надежду на возрождение этой организации и на новое воспитание, на сей раз более выдержанное в своей тактике и более сильное духом. И я, и мой друг — Савва Махно, Степан Шепель, Ваня Х., которые были присланы ко мне навстречу из Гуляй-Поля, чтобы предупредить меня ни в коем случае не предпринимать попыток возвратиться нелегально в Гуляй-Поле, — все мы приняли живое участие в переоценке вчерашнего. Мы пришли к тому, чтобы доспешить как можно скорее собрать наших товарищей по группе в городе Таганроге и сообща наметить план организованного возвращения в Гуляй-Поле и его район, с целью продолжать в нем подпольную работу. Правда, мы сознавали всю опасность, которая грозила жизни каждого из нас, как в пути, так и на месте нашего возвращения. Но мы сознавали и то, что разгром немецко-украинской контр-революции, при лояльности к ней, в силу Брестского договора, со стороны русских большевиков, их «пролетарской революционной власти» и организованной этой властью военной силы, может осуществиться лишь в том случае, если планы его будут построены на внутренне содержательном революционном настроении трудовых масс, и притом построены самими тружениками. И мы не останавливались ни перед чем в своем стремлении снова очутиться в своих местностях, в рядах этих тружеников.

Но — повторяю — перед нами было задание предварительно собрать всех отступавших разными путями от контр-революции товарищей и сообща разработать и утвердить планы, как нашего возвращения в свои местности, так и нашей подпольной работы в них.

С этой целью, мой брат Савва Махно выехал из г. Таганрога в зону военно-революционного фронта, вестах в семидесяти от города, разыскивать товарищей и направлять их в Таганрог.

Я же пока связался с некоторыми членами федерации Таганрогских анархистов, а также с другими друзьями, и занялся нашумевшим в те дни в г. Таганроге делом командира одного из анархистских отрядов, тов. Марии Никифоровой.

Глава II.

РАЗОРУЖЕНИЕ ОТРЯДА МАРИИ НИКИФОРОВОЙ.

Как делали все большевистские красногвардейские отряды, которые, спасаясь от ударов организованной силы немецко-австро-венгерских экспедиционных армий, находили возможным искать более или менее продолжительных передышек в глубоком тылу, на приличном расстоянии от линии боевого фронта, так поступали и многие анархистские отряды. В этом проявлялся тот дух разгильдяйства и безответственности, который многими, — о, как многими! — из революционеров молча чтился, в результате ли предательства революции в Бресте, — предательства, в котором виноваты и русские большевики, и украинские социалисты, — или в силу других причин, о которых говорить в данной главе я не считаю нужным. Но такое разгильдяйство и безответственность в рядах революционеров, борющихся против контр-революции за революцию, — было. Думаю, и даже убежден, что по причине этого отвратительного «духа», я очутился в далеком от линии боевого фронта тылу, наряду со многими большевистско-лево-эсеровскими красногвардейскими отрядами и анархистским или, вернее, анархистующим

шим отрядом анархистки Марии Никифоровой. Больше-
вистско-лево-эсеровская власть, как и всякая власть, не
могла простить отряду его окраску и, в связи с этим, придра-
лась к его отступлению в тыл. Власть ведь ставила своей
задачей использовать анархистов-революционеров в борь-
бе против контр-революции так, чтобы эти носители непри-
миримости духа Революции оставались на боевых фронтах
до издыхания; а тут вдруг перед нею отряд, под командой
анархистки, вместе с ее большевистскими отрядами, в тылу.
Задачи власти дерзко нарушены, и она взялась за дело вос-
становления нарушенного. Время для этого черного ее дела
было благоприятное: это ведь было время, когда Ленин и
Троцкий разнуздались совершенно, разгромили анархиче-
ские организации в Москве, об'явили поход против анархи-
стов в других городах и селах. Левые социалисты-револю-
ционеры в центре этому не противились. Вот почему и ук-
раинская, большевистско-лево-эсеровская власть поспешила
действовать против отряда анархистки Никифоровой, ощу-
тившегося вместе с их красногвардейскими отрядами в г.
Таганроге.

Украинское правительство приказало своему, бежав-
шему с фронта, красногвардейскому отряду под командой
большевика Каскина арестовать анархистку Марию Ни-
кифорову, а ее отряд разоружить. Солдаты Каскина арес-
товали анархистку Марию Никифорову на моих глазах, в
здании УЦИК Советов. Когда ее выводили из этого здания
в присутствии неизвестного большевика Затонского, Ма-
рия Никифорова обратилась к нему за раз'яснением — за
что ее арестовывают? Затонский лицемерно отнекивался:
«Не знаю, за что». М. Никифорова назвала его подлым ли-
цемером. И так, М. Никифорову арестовали, а ее отряд раз-
оружили.

Однако, отряд М. Никифоровой не разбрелся и не по-
шел на служение в отряд большевика Каскина. Он настой-
чиво требовал от власти имущих ответа, где они спрятали
Марию Никифорову, и за что его разоружили.

К этому его требованию присоединились все отступив-
шие из Украины в г. Таганрог и таганрогские анархисты.
Таганрогский комитет партии левых социалистов-революцио-
неров поддержал анархистов и бойцов отряда М. Ники-
форовой.

Я в спешном порядке дал, за своей и Марии Никифоро-
вой подписью, телеграмму Главнокомандующему Украин-
ским Красным фронтом — Антонову-Овсеенко, с запросом
его мнения об отряде анархистки Марии Никифоровой и
просьбой сделать распоряжение куда следует, чтобы осво-
бодить т. М. Никифорову, вернуть ее отряду оружие и
указать участок боевого фронта, куда отряд должен отпра-
виться по получении своего вооружения и снаряжения.

Главнокомандующий Антонов-Овсеенко на нашу теле-
грамму дал ответ властям, осевшим в г. Таганроге, с копией
вам, по адресу федерации анархистов.

Телеграмма носила чисто-деловой характер опытного
командира: «Отряд анархистки Марии Никифоровой, как
и т. Никифорова, мне хорошо известны. Вместо того, чтобы
заниматься разоружением таких революционных боевых
отрядов, я советовал бы заняться созданием их». (Подпись).

В то же время много телеграмм, протестующих против
поступка властей или просто сочувствующих М. Никифоро-
вой и ее отряду, поступило в Таганрог с фронта, от заре-
комендовавших себя в боях большевистских, лево-эсеровских
и анархистских отрядов и их командиров.

Екатеринославский (Брянский) анархистский броне-
отряд, под командой анархиста Гарина, прибыл в Таганрог,
чтобы выразить свой революционный протест зарвавшимся,
всплывшим с поверхности революционного фронта, властям.

Все это было не на-руку как тем, кто распоряжался
арестовать Марию Никифорову и обезоружить ее отряд,
так и тем, кто выполнял это распоряжение. Такое положение
дела побудило центральную власть, — власть, кочующую
от тыла, — собрать ложные данные против Марии Никифоро-
вой и ее отряда: данные, уличившие ее яко-бы в раз-
рушении Елисаветграда, когда она заняла его в марте
1918 г., выгнав из него украинских шовинистов. Таким
образом ей создали уголовное дело.

Нужно сказать правду: большевики — хорошие масте-
ра на измышление лжи и на всякие подлости против других.
Они насобирали больше, чем нужно было, данных против
Марии Никифоровой и ее отряда, и дело было создано.

В двадцатых числах апреля состоялся революционный
суд над Марией Никифоровой. По партийности, суд пред-
седательствовался двумя левыми социалистами-революционерами

таганрогской федерации, двумя большевиками-коммунистами таганрогской организации и одним большевиком-коммунистом от центральной большевистско-лево-эсеровской власти на Украине.

Суд происходил при открытых дверях и носил характер суда революционной чести. Здесь следует отметить, что все социалисты-революционеры выявили себя настолько же беспристрастными по отношению к обвиняемой Никифоровой, насколько беспощадными в отношении обвинителей-агентов со стороны власти.

Центральная власть намеревалась из беглецов сделать свидетелей против Никифоровой, стараясь всеми правдами и неправдами нацепить ей уголовное преступление и вменить. Но суд был по-истине революционный, беспристрастный и, главное, политически и юридически, в большинстве своем, совершенно независимый от провокации правительственных наемных агентов.

Суд исполнял в качестве свидетелей многих из свободных посетителей зала заседаний, придав разбирательству этого дела чуть не характер трибуны, с которой можно было все говорить свободно.

Помню, как сегодня: одним из знавших Никифорову и ее отряд по фронту выступил перед судом тов. Гарин. Он в горячей речи сказал судьям и всем, присутствовавшим на суде гражданам, что он убежден в том, что если Никифорова и сидит на скамье подсудимых сейчас, то только потому, что она видит в большинстве судей прямых революционеров и верит, что, выйдя из суда, она получит оружие свое и своего отряда оружие и пойдет сражаться против контр-революции. Если бы она в это не верила и предвидела, что революционный суд пойдет по стопам правительства и его провокаторов, то я об этом бы знал, и заявлял, сказал тов. Гарин, от имени всей команды бронепоезда, мы освободили бы ее силою...

Это заявление тов. Гарина возмутило революционных судей. Тем не менее, они ответили ему, что суд сформирован на началах полной независимости от власти и доведен до логического конца. Если тов. Мария Никифорова окажется виновной, она свое получит от тех, кто ее арестовывал. Если данные против нее окажутся неверными, суд примет все меры к тому, чтобы Никифорова получила

оружие и снаряжение и выехала из Таганрога на фронт туда куда она захочет...

В результате разбирательства, суд постановил, что осудить Никифорову за ограбление г. Елисаветграда нет никаких оснований. Суд постановил немедленно освободить из-под стражи и, возвратив ей и ее отряду отобранное оружием Каскина оружие и снаряжение, предоставить возможность составить себе эшелон и выехать на фронт, и более, что она и отряд ее к этому стремятся.

На следующий день, т. Никифорова была уже в федерации таганрогских анархистов. Мы выпустили листовку под подписью Совета анархистов, которая изобличала Центральную Украинскую большевистскую власть и командира Каскина в фальсификации дела против Никифоровой лицемерно подлым отношением к самой Революции. Листовка эта была написана лично мною и не одобрялась некоторыми из товарищей за ее резкость против Каскина.

Затем, пока отряд Никифоровой формировался, я, Никифорова и один товарищ из таганрогской федерации организовали от имени федерации ряд больших митингов: на таганрогских кожевенных и металлургических заводах, в центре города, в театре «Аполло» и в других районах города. Тема митингов была: «Защита Революции на фронте против экспедиционных контр-революционных, немецко-австрийских армий и Укр. Центральной Рады, и в тылу — против реакции власти, которая сильно в тылу помогает на фронте». Всюду, на афишах и на митингах, я выступал под псевдонимом «Скромный» (мой псевдоним на фронте). В этом вопросе на многих митингах нас поддерживали таганрогские левые эсеры. Мы имели колоссальный успех.

Помню, на один из митингов (на кожевенных заводах) приехали большевистские «знаменитости» Бубнов и Каскин, от эсеров «центра». С каким разочарованием большевики принуждены были прекратить свои речи и кричать: «Довольно засыпать нас вопросами! Мы просим тов. Скромного на трибуну, он вам ответит!...»

Когда я ответил, главным образом, Бубнову (Каскин отвечала Никифорова), массы рабочих оживились Буб-

нова и Каскина, крича: «Товарищ Скромный, гоните их на трибуны».

После таганрогских митинговых выступлений, т. Никифорова занялась приготовлением своего отряда к выступлению на фронт.

Я же занялся приготовлениями к конференции Гуляевых, которые по одиночке начали уже прибывать в Таганрог.

Глава III.

НАША КОНФЕРЕНЦИЯ.

Как только мой брат Савва Махно добрался в условленные участки Красного фронта, он встретил там товарищей Алексея Марченко, Исидора (он же Петя) Лютого, Бориса Веретельника, С. Каретника и многих других. Всех он направил по указанному адресу в г. Таганрог, а сам оставался некоторое время на фронте. Когда все разысканные нами товарищи с'ехались в Таганрог, мы назначили день нашей конференции, в Доме Федерации Таганрогских анархистов. Она состоялась в конце апреля 1918 года. Я открыл ее предложением всем присутствующим товарищам высказаться о том, какие мы сделали промахи в организации вольных батальонов и еще о том, замечал ли кто-нибудь заранее признаки того, что агенты Украинской Центральной Рады и немецкого командования решатся на арест Революционного Комитета, членов Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов и членов нашей группы вообще?

Общий обмен мнений привел нас к тем же выводам, какие я делал в разговорах с некоторыми товарищами в Царе-Константиновке, а именно: не вышли Революционный Комитет отряда группы анархистов-коммунистов на фронт, а держи его при себе до дня выступления всех боевых частей заговор провокаторов не имел бы никакого успеха, да если бы я отсутствовал из Гуляев-Поля. Еврейская рота была бы вызвана, вне очереди, сменить преемственность неокончившую своего дежурства другую роту. Да и вообще

еврейская рота, при всей ее обывательской склонности к соображениям к чему бы то ни было, никогда не решилась выступить против Революционного Комитета в пользу немцев и Украинской Центральной Рады, если бы она знала, что в центре Гуляев-Поля расположены еще, кроме других вооруженные части. Но заговорщики убедили ее, что в других частях в центре Гуляев-Поля нет, что она должна начать дело, а завершать его будут немецкие полки и отряды Центральной Рады, которые, дескать, кругом обеспечат победу и находятся уже недалеко от Гуляев-Поля. Евреям-обывателям это было на руку, — говорили они, — они ведь так падки на прощание их, да еще кем! — высшим начальством завоевателей. Немецко-австро-венгерское командование их действительно поблагодарило, равно как и главарей этого контр-революционного заговора.

Очевидно, это правдивое освещение роли еврейской роты в заговоре было криком душевной боли тех, кто так потрудились в борьбе против антисемитизма, и кого не только арестовывали, идя рука-об-руку с антисемитами на это гнусное дело, но готовы были «охранять» до конца в Гуляев-Поле немцев, австро-венгерцев и шовинистов — прямых погромщиков — украинцев, чтобы затем отправить их на казнь палачам. Заглушить эту душевную боль товарищей было невозможно, находясь в бездействии. Многие на конференции эта боль была так сильна, что некоторые просто плакали. Но никто, конечно, не помывшил о мести евреям за это гнусное дело некоторых наших. Вообще, все те, кто называют махновцев погромщиками, лгут на них. Ибо никто, даже из самих евреев, не так жестоко и честно не боролся с антисемитизмом, как махновцами на Украине, как анархо-махновцы. Мои заявления докажут это неопровержимыми фактами.

Идя, что душевная боль и настроение отчаяния, охватившие почти всех моих друзей, начинают все больше отходить на второй план дело обсуждения задач, в которых наша конференция должна была разобраться; сам начинал той же болью, я употребил все свои усилия на то, чтобы преодолеть этот наплыв чувств, и снова поставил перед конференцией один, основной вопрос: — Возвращаем ли мы на Украину, в свои районы, или же мы остановимся

борьбе за Социальную Революцию, за расчистку неомоглого для этой последней широкого пути, за возможност творческой, созидательной деятельности коммунистич го анархизма.

Но как возвращаться? Группами или же одиноч

Разрешить этот вопрос мы предоставили ка из нас самостоятельно. Важно лишь, чтобы к концу или в первых числах июля, мы все встретились в Поле, или возле него. Это — время полевых работ. В стьянство в поле: косит хлеба. Мы легко сможем с кр нами встречаться. Говорить, о чем нужно. Узнава мнения, истинное настроение. Выбирать из них более ких и преданных делу освобождения, объединять их, пируя из них авангард для всего Гуляй-Поля и его р Мы знали, что только Гуляй-Поле может стать центр волюционной инициативы в деле поднятия повсеме восстания крестьян. Мы знали, что, несмотря на пров ский акт агентов немецкого командования и Центра Рады в апреле месяце, население Гуляй-Поля и р верит в революционную инициативу Гуляй-Польцев. В лю Гуляй-Польцев ложится прямая обязанность во первыми и позаботиться о том, чтобы двинуть на это все трудовое население других районов, ясно опре те цели, во имя которых это население должно на него пить.

— Выработанные Конференцией положения в пунктах, — говорил я товарищам, — до некоторой ст уже приближают нас к определению перед трудовым лением тех целей, к которым оно может прийти толь рез повсеместное восстание — восстание крайнего люционного напряжения, как по своей отважности, по своей непримиримости. Но положения эти только близкают нас к определению этих целей. Окончатель мы определим эти цели вместе с трудящимися, на м в процессе развертывания, сообщая с ними, нашего пр действия против контр-революции...

Затем товарищ Веретельник поднял вопрос о нашей группы, Льве Шнейдере, и его гнусной измен ской роли в момент Гуляй-Польских событий 15 апреля.

Т. Веретельник осветил эту роль члена группы, ка

тельскую, и по отношению к группе, и по отношению к ее анархизма. — «Лев Шнейдер, — сказал т. Веретельник, — растерялся ли он в эти дни, или же его революционность незаметно для него самого подменилась обывательской психологией, — так или иначе, он был на стороне тех, где сила... Но этого мало, — продолжал Веретельник:

Лев Шнейдер стал на сторону силы и внутренне: он не только был в рядах еврейской буржуазии, встречавшей немцев и хулиганов из отрядов Украинской Центральной Рады с хлебом-солью, но и первый выступил перед контр-революционерами с речью на украинском языке, — контро-волюционной речью, — и первый, среди гайдамаши, вкочил в бюро нашей группы; первый начал рвать знамена, рвать и топтать портреты Бакунина, Кропоткина, Александра Семеновы, которого, по его же заявлениям, он так любил... Вместе с шовинистским хулиганьем он разломил групповую библиотеку, и это тогда, когда даже в рядах шовинистов были люди, которые тут же подбирали эту литературу, книги, газеты, прокламации, и уносили себе, а некоторые передавали потом нашим товарищам, то подобранная ими литература, когда угодно, может быть нам возвращена.

— И я, — волнуясь, заявил т. Веретельник, — я настаиваю на том, чтобы члены нашей группы, присутствующие на конференции, высказались определенно об изменении Шнейдере. Роль его — провокаторская роль; и я считаю, что Лев Шнейдер должен быть убит за нее...

Все, что говорил тов. Веретельник о Шнейдере, товарищи подтвердили. На вопрос о том, как все мы, или каждый из нас в отдельности, должны поступить при встрече со Шнейдером, мы оставили открытым, считая, что окончательно вопрос этот разрешится в Гуляй-Поле, и всей группой. Сама конференция единогласно полагала, что вопрос может решиться только в смысле убийства Шнейдера.

Закончилась наша конференция предложением всем присутствовавшим на ней товарищам исползовать остающиеся полтора месяца на то, чтобы ознакомиться с положением крестьян и рабочих на Дону, поскольку это позволяет военное положение и условия переезда через него. Решено было также посетить ряд больших городов в центре России: Москву, Петроград, Кронштадт и др., и посерьезнее присмо-

третья к тому, что делают там, как большевистско-ленинские власти, так и сами труженики, которые, хотя и много крови пролили и продолжают проливать в борьбе за новое свободное общество, но не закладывают (нам, крестьянам-анархистам, так казалось) истинного фундамента для этого общества, сами, непосредственно, своими руками отдают это прямое свое дело в руки новым властителям.

С этой целью, мы разделились по группам. Я и т. Веретельник решили посетить Москву, Петроград и Курск. Мой брат, Савва Махно, т. т. Степан Шепель, С. Караник решили пойти на фронт, так как думали, сквозь фронт этого боевого участка, пробираться в Гуляй-Польский район.

Т. т. Ваня «Степановский», П. Краковский, Коростелев, А. Марченко, Исидор Лютый, Х. Горелик, Коляда решили тоже посетить Москву, а оттуда повернуть на Орел и Курск. В последнем городе они предполагали задержаться до тех пор, пока я и Веретельник возвратимся к ним, чтобы вместе пробираться на Украину через фронты, в Курско-Харьковский направлении.

Раз'ехались мы при общем твердом желании в конце июня, не позже первых чисел июля, встретиться в своем Гуляй-Польском районе, чтобы ликвидировать там севшую в нем контр-революцию.

Глава IV.

ОТСТУПЛЕНИЕ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ КОММУН И ПОИСКИ ИХ.

В то время, когда мы с Веретельником покидали Таганрог, я получил сведение, что чрез Таганрог проследовали эшелоны, в которых отступали члены сельско-хозяйственных коммун, организованных в Гуляй-Польском районе нашей группой. (В первом томе своих записок я уже писал, что был членом одной из них и выполнял в ней известные работы). Получив эти сведения, я расстался с т. Веретельником и поехал в догонку за отступавшими коммунарами. Хотелось

идаться со своей подругой, которая, как член коммуны, вместе со всеми ее членами отступала, и вообще хотелось встретиться со всеми, хотелось обменяться с ними своим мнением о дальнейшем нашем общем деле. Хотелось подбодрить их и искренно, не скрывая ничего, поделиться с ними тем, что я мог предвидеть на пути, намеченном нашей Таганрогской Конференцией. Я был одним из первых их вдохвителей в деле организации коммунальной жизни и чувствовал на себе известную ответственность за это. Теперь я управлял все свои мысли им вслед, чтобы нагнать их, обрести, расцеловать — за их смелое начинание, связавшее на деле с одним из чистейших, прямых революционных исторических задач трудящихся.

Перед выездом из Таганрога в Ростов-на-Дону, встретился с матросом Полонским, командиром Гуляй-Польского вольного батальона, и его братом. Теперь наш полонский заявил мне, что он не хочет ни идти снова в свою большевистскую партию, ни оставаться в рядах анархистов, пытается изучить большевизм. Если же и в нем не увидит той силы, которая могла бы свернуть голову вооруженной контр-революции, то он становится на обывательский путь нейтральности, так-как, дескать, жалует свое здоровье, *которого жить нельзя, в рамках существующего*.

Я изрядно посмеялся над ним и, дав ему просимые 50 рубль из сумм Революционного Комитета, уехал в Ростов-на-Д. В Ростове-на-Д. я три дня лазил по линиям железной дороги, искал своих коммунаров, — но тщетно. Там же я встретился снова с начальником Красных Резервных войск «Юга России», тов. Белинкевичем, который снабдил Гуляй-Поле вооружением (см. том 1-ый моих Записок). Без всяких обиняков, откровенно поговорили об общих причинах столь быстрого отступления красногвардейских отрядов и, в частности, о Гуляй-Польских событиях 15-16 июля.

Т. Белинкевич был человеком особенно прямым и открытым, и эта черта придавала ему вид подлинного солдата революции. Однако, он — большевик, который не только не противится, но и действует по программе своего центра из трех «владык». Это обстоятельство вызывало во мне прощание, так-как я успел уже пережить, на пути солдата революционного, несколько таких моментов, когда необходимо действо-

вать не по указке из центра, а так, как того требует конкретная обстановка, лишь бы, конечно, эти действия не шли вразрез с руководящей идеей революции.

Белинкевич сообщил мне, что он лично распорядился подать отдельный эшелон нашим коммунарам, чтобы они были свободны в своем отступлении. По его словам, они пружали здесь. «Сейчас, очевидно, направились далее, в другую страну, но трудно определить, — сказал тов. Белинкевич — по Северо-Кавказской ли линии ж. дороги они направились, или же через Лиски и Воронеж. Пускаться в дорогу за ними в направлении на Лиски—Воронеж Белинкевич мне не советовал, так-как, по его словам, на этой линии очень часто казачьи контр-революционные отряды останавливали поезда и всех мало-мальски подозрительных из пассажиров расстреливали...

Эта предупредительная любезность Белинкевича задела меня на несколько дней в г. Ростове.

Глава V.

МОЯ ВСТРЪЧА С РОСТОВО - НАХИЧЕВАНСКИМИ И ПРИЕЗЖИМИ В РОСТОВ АНАРХИСТАМИ

Не знаю, чем занимались наши Ростово-Нахичевские товарищи в эти тревожные дни г. Ростова дни. До того, весь 17-ый год и минувшие месяцы 18-го, эти товарищи издавали серьезную еженедельную газету «Анархист». Газете видно было, что товарищи имели идейное влияние на трудящихся города и окрестностей и вели среди них воспитательную и организационную боевую работу, пытались одновременно ввести в строго-организационные формы анархистское движение. Теперь же, в первые дни моего пребывания в Ростове, я не нашел этой газеты и не встретил ни одного из товарищей Ростово-Нахичеванской группы.

Зато, в первый же день, как только я потерял всякую надежду разыскать членов сельско-хозяйственных комитетов Гуляй-Польского района и остановился в Ростове, с целью разыскать анархистов, я натолкнулся на вечернюю газету

«Черное Знамя», формата в 1/16 печ. листа, с информационными сведениями на обеих страничках, исключительно о положении фронта революции против контр-революции, с неполными, в большинстве случаев неточными и даже ложными сведениями.

Редакция этого пресловутого анархического органа перемещалась из одного отеля в другой и это затрудняло не только меня лично, но и многих анархистов, прибывших в Ростов из Одессы и других городов Юга Украины, желавших разыскать ее, выяснить лиц, представлявших ее.

Помню, я проходил по базару-толкучке, с намерением купить исподнее белье, чтобы после трех недель переодеться. Я встретил на этом базаре товарища Григория Борзенко — серьезного товарища, работавшего в свое время в Одессе и Харькове. Лично мы друг-друга, до этой встречи, не знали. Но при первой же встрече (нас познакомила тов. Рива, один из членов Мариупольской группы анархо-коммунистов) первым моим вопросом к нему было: Не знаете ли вы, тов. Борзенко, кто издает уличную вечернюю газетку «Черное Знамя»?

Ответ товарища Г. Борзенко был курьезный: «Говорят, что эту газетку какие-то три анархиста издают. Но, мне кажется, ее издают люди, желающие пристроиться возле сильных: стало-быть, наши враги».

Встретиться с издателями этой спекулянтской вечерней «анархистской» газетки мне так и не удалось. Видимо, и многим другим нашим товарищам это не удалось, хотя многие между собой говорили об этой газетке и о ее издателях; говорили, что издают ее люди, которые имеют в кармане деньги и хотят иметь их еще больше. Для меня лично, после прочтения двух-трех номеров этой газетки, было несомненным, что она издается людьми предпримчивыми именно в области торговли, и вещами, и своей совестью: людьми, которые через фронт только проехали, а крестьян и рабочих видели вероятно только тогда, когда, в силу революции и роли в ней трудящихся, последних никак нельзя было обойти, ибо они всюду были впереди, и в часы побед Революции, и в часы смерти за нее.

Но предпринять против этих лже-анархистов сейчас ничего нельзя было. С одной стороны, потому, что наше движение, будучи разрознено на множество групп и групп

пок, не связанных между собой даже единством цели, не говоря уже о единстве действий в момент Революции, — встало в свои ряды всех, кто уклонился от ответственности момента и бежал из своих лагерей, делая, под прикрытием анархического принципа: «свобода и равенство мнений есть неотъемлемое право каждого человека», от имени анархизма все вплоть до шпионства в пользу большевистско-лево-эсеровской власти за денежное вознаграждение. А, с другой стороны, еще и потому, что в это время поход против анархизма Ленина и Троцкого не был еще прекращен, и наше выступление против людей, именовавших себя анархистами, могло быть ложно истолковано, могло сыграть на-руку преследовавшей нас власти.

Беда была в том, что, будучи разрозненными, не имея за собой организованных широких трудовых масс, русские анархисты растерялись и в большинстве своем вступили на путь — полумолчаливый путь — симпатии по отношению к делам большевистско-лево-эсеровской власти. Все это властью учла с особым удовлетворением и с намерением извлечь из такого положения известные выгоды, так-как самыми опасными оппозиционерами для нее были революционные анархисты.

Власть, шаг за шагом, начала допускать снова выход анархистской прессы; начала разбираться, с какими анархистами следует считаться, а с какими не следует. Отсюда заметно начинает появляться в наших рядах мысль о приспособленчестве, некрасивом, иезуитском приспособленчестве. Наиболее сведущий в области торгашеского приспособленчества элемент перестает думать об организации сил своего движения; он перебегает к большевикам, оставаясь с званием анархиста. И эту свою перебежку часто смешивает с принципом «свободы мнений», с которым он дескать, ничуть не порывает связи, а, наоборот, стремится укрепить его в анархических рядах.

В самый тяжелый и для революции, и для анархизма момент, — момент, требующий тяжелых усилий анархического коллективного ума и энергии, — анархисты, получившие образование за счет трудящихся еще до их вступления в анархические ряды, научившиеся как-будто кое-что понимать, научившиеся красиво говорить и писать, потянулись

к большим вереницами, по-над фронтом борющихся с оружием в руках трудящихся масс, в большевистские культурно-просветительные отделы консультантами... И создавалось впечатление, что, для этого рода анархистов-революционеров, жизнь анархического движения чужда, ибо для движения нужно было слишком тяжело, и с большими опасностями на тяжелом пути, работать. А они призваны, ведь не работать, а только советовать другим, как надо работать. Таким своим грубо неверным пониманием задач революционно-анархизма в момент революции, когда, помимо фронтов контр-революции, появляются и на теле самой революции язвы, ведущие к ужасам политического, а иногда и физического взаимостреления самих носителей ее идеалов, наши товарищи, с именем и сознанием (в большинстве случаев, безизвестно только чего), нанесли удар за ударом не только своим единомышленникам, но и тем широким революционным трудовым массам, которые частенько в революциях бывают более чуткими, чем те, кто хотел бы им только советовать, не беря на свои плечи никакой ответственности, даже не задерживаясь на более или менее продолжительное время среди тех, которым советуют. Правда, не лучше понимали задачи революционного анархизма в революции и наши товарищи рабочие, в особенности же рабочие, которые, в силу тех или других условий и обстоятельств, в большинстве своем чисто случайных, тоже возомнили, что они полны сил и знания, чтобы только советовать своими братьям по труду, не беря и не неся за свои советы никакой ответственности. Эти товарищи были еще более наглы в своем профессионализме. Но можно ли их за все это винить? Нет, нельзя. В их поведении виновата та расхлябанность, дезорганизованность нашего движения, которая порождает в нем всевозможные отрицательные силы, губительно отражающиеся на его росте и развитии.

Моя недолгая жизнь в Ростове-на-Дону, мои встречи с анархистами, в особенности с анархистами приезжавшими в Ростов, а также ежедневный просмотр спекулянтской черной газеты «Черное Знамя», все более привлекали мое внимание к этим, развертывавшимся на моих глазах отрицательным сторонам, силой обстоятельств укрепившимся в нашем движении и раз'едавшим его здоровый революционный организм. Однако, несмотря на все это, и даже на

то, что дом ростово-нахичеванской группы, при наступлении на Ростов контр-революции немцев и Белого Дона, был окончательно разграблен отступавшими, с участием, — говорили нам, — тех, кто называли себя анархистами и только поэтому получили в нем приют, чтобы неделями, без всякого стеснения, свободно, как приезжий, уставший, заслуженный работник движения, валяться на его роскошной мебели, поплывая в потолок, — несмотря на все это, я был полон веры и надежд, что впереди я встречу несравненно лучшее среди своих близких, дорогих товарищей. Вера и надежды эти во мне усилились после того, как я побывал на митинге, организованном местными ростово-нахичеванскими анархистами в Ротонде. Мысли, высказанные ими на этом собрании, показали мне, что и здесь имеются наши здоровые силы. Момент общего отступления революции приковал их к своим групповым планам подполья. И не их вина, если заслуженные приезжие работники нашего движения, в спокойное время находившие братский приют в доме анархистов, в момент тревоги и отступления не смогли отстоять этот дом, а пошли по течению грабежа и содействовали разграблению его обстановки и украшений.

С верой и надеждами на лучшее впереди, я, с 30-35-тью товарищами из разных городов Украины, в дни эвакуации революционного города Ростова-на-Дону, пристроился при артиллерийской красной базе, под командой симпатизировавшего анархистам товарища Пашечникова, и ожидал выезда из Ростова на Тихорецкую, откуда артиллерийская база должна была пройти по Северо-Кавказской линии железнодорож., через Царицын и Балашов на Воронежский боеучасток фронта.

Все мы были зачислены, как команда эшелона, и многие товарищи несли дежурства по охране его. Будучи уже при эшелоне, я еще раза три выступал перед рабочими ростовских заводов и фабрик, от имени крестьянской группы анархистов, с целью отвлечь ту позицию, какую занимала спекулянтская вечерняя «анархистская» газетка «Черное Знамя», а также осветить роль революционных анархистов по отношению и фронта против контр-революции, и всех тех явлений, которые разрушали его. Однако, момент для таких выступлений был неблагоприятный. Революционный Ростов, в спешном порядке, готовился к эвакуации. Командир

Ростовским округом, Подтелкин, переселился уже в вагон, при двух паровозах на полных парах. Примеру последовали и другие революционные учреждения. Само собой разумеется, что тревога власть имущих вызвала тревогу и среди населения, поддерживавшего революцию. Приезжее население и разные учреждения в Ростове начали первые бежать из него подальше. За ними погнались военные и гражданские власти Ростова и его округа вместе с ними и то местное население, которое активно поддерживало дело революции.

Картина отступления, одних по направлению Лисковке, других на другую сторону реки Дона в Батайск, красное командование воздвигало фронт и думало держаться до последнего, картина была поистине кошмарная. Более, что при отступлении, среди населения, и казачьего населения в особенности, которое в это время в массе еще на раздорожке красной левизны и белой правизны быстро рождались кадры воров, которые поддерживались профессиональными ворами, вообще раз'езжавшими по стране, хватая то там, то сям рыбку в мутной водичке, грабежи росли с необыкновенной быстротой и в чудовищном темпе, росли под влиянием исключительно низменных интересов грабежа и мести: мести и тем, кто радовался победе контр-революции, и тем, кто по-обывательски занимал выгодную позицию...

Наблюдая, поскольку это можно было, за чуждыми явлениями, я не один раз задавал себе вопрос: почему с этими явлениями нельзя справиться?

И находил ответ: Да, в такие минуты, как поспешное отступление авангарда революции, почти невозможно обещать свои взоры туда, где не можешь и на минуту задержаться и устыдить тех, кто пользуется неограниченным правом свободы, не неся никакой ответственности в борьбе за реальное воплощение в нашу практическую социальную жизнь. А между тем, чтобы впитать в себя эту свободу, эта жизнь нуждается в прямом и искреннем содействии со стороны людей, которые одни только и могут осуществить и защищать для себя и для своего общества и через общество, такую свободу.

Вставали передо мной и другие вопросы при наблюдении за ростовскими явлениями в дни эвакуации революцион-

ного Ростова. Например: не создаются ли эти явления «официально» подпольными организациями контр-революции? Ведь это так возможно и так выгодно в смысле комбинирования революции в глазах масс, так полезно для подкрепления контр-революционных сил. Но... режут глаза факт вагонов, переполненных всевозможными пассажирами, переезжавшими на сторону отступавшего фронта, в тыл революционного фронта, не позволили сделать заключение по этому вопросу. И с победой на своем полном силе и боевой энергии революционера-анархиста простился с Ростовом, с которым духовно был так связан через газету «Анархист», которая у нас, в Гуляйполе, читалась всегда с особым интересом и крестьянами и рабочими...

Глава VI.

В ПУТИ С ЭШЕЛОНОМ КРАСНОЙ Артиллерийской Базы.

Вследствие загромождения ж.-д. линии отступающих мы ехали от Ростова до Тихорецкой около двух суток. Так как у нас не было запасов хлеба и других продуктов, Тихорецкой командир эшелона послал наших товарищей на базар купить эти продукты, рассчитывая на недавнее еще право каждого красногвардейского отряда и совсем не платить торговцам, а если платить, то одну треть стоимости.

Товарищи пошли, потянув и меня с собой. Накупили список всего, с расчетом, чтобы хватило до города Царицына, в который мы рассчитывали прибыть через неделю.

Лавочки сами погрузили товар на извозчиков, но когда дошло до расчета и они увидели, что товар у них реквизируется, они резко запротестовали. Протест их опираясь на шаткое, беспочвенное положение большевистско-казачесеровской власти в этом районе. То было время, когда этой местности оперировали сотни белогвардейских отрядов и население молчаливо стояло на их стороне. На этот

момент лавочки сбегались красные власти. Они приказали Тихорецкому гарнизону оцепить эшелон артиллерийской базы и далее не пропускать, до их особого распоряжения.

Когда эшелон был оцеплен верноподданническими войсками (которые, видно было, сами еще не поели своих западаже не реквизированных, а просто набранных у разного рода торговцев), тихорецкие «революционные» власти вызвали от команды эшелона артиллерийской базы двух офицеров, для выяснения вопроса о попытке реквизировать эшелон ввиду первой необходимости.

Командир Пашечников упрямил меня и тов. Васильева (командир артиллерийской организации) пойти на вызов местных властей и объяснить с ними.

Мы пошли, а власти нас арестовали и в вежливой форме заявили, что мы подлежим расстрелу в военном порядке. Сначала думал, что представитель власти шутит, и ответил ему: «Хорошо, что мы попадаем под расстрел в военном порядке, а не прямо к стенке»... Но, вижу, с нами не шутили, нам приставили двух вооруженных преглулейших солдат, которые, без всякого стеснения, вслух, говорят со мной, что на нас хорошая одежда, и жаль только, что одна из них, моя одежда, будет мала на них.

Товарищ Васильев говорит мне: «Нужно требовать Председателя Революционного Комитета. Ибо может статься, что ему доложат, что задержали из какого-то эшелона двух грабителей, а он ответит: «Расстрелять их». Никакие протесты не помогут. Нас сразу же сплавят»... Мы тут же начали требовать председателя Ревкома. Ответ нас обвиняли в контр-революции. На шум и прерывания наши со стражей прибежал какой-то «революционный» индеек, накричал на нас и на стражей. Последние, оправдываясь, избили нас прикладами. Это так вывело из себя, что я дал пощечину одному из стражей и нарочито во весь рот: «Давайте сюда товарища председателя Революционного Комитета. Я хочу знать, что это за хулиганье собралось и под знаменем революции издевается над своими гнусными, контр-революционными делами...» Крик и ругань мою услышали во всех комнатах Ревкома, и многие представители власти выскочили к нам. Но никто ничем нам не помог. Нам пришлось еще око-

оказывается бессильной понять, что, урезывая права аристократической мысли на свободу и связанную с ней творческую революционную деятельность среди крестьян, власть самым становится на путь контр-революции. А на этом пути, вынужденная в дальнейшем прикрывать свое истинное существо, она уже не может сознать свои ошибки, ведущие к гибели и революции, и ее самое. Правда, все газетные сведения о дурной — по моим заключениям — деятельности революционной власти казались мне несколько сгущенными. А то обстоятельство, что действия революционных властей на местах не находили себе истинных сторонников в недрах широкой трудовой революционной массы Украины, мне казалось, окажется хорошим уроком для Петра, и я смогу еще встретить в России события, которые меня обрадуют и которым я отдам свои, полные энергии революционно-боевые силы. Да, да, — говорил я себе: должно быть так... И у меня появлялась надежда, что и белешки, и левые эсеры, как революционеры, не откажут от того, чтобы серьезно подумать о положении революции о тех силах разрушения и созидания, которыми она живет и, благодаря которым, может еще, при всем своем нынешнем уродстве, выравнять свою линию и оправдать великую надежду трудящихся...

Воодушевляясь этой мыслью, я, при стоянке в Венковской станице, выступил на одном митинге казачьего населения, призывая его порвать всякие связи с прошлым и осудить акты восстания белого казачества и активно выступить на защиту Революции.

— Казачество Дона, — говорил я, — должно раз и навсегда осудить свое прошлое, которое делало казаков участниками всякой свободы, всякого свободного начинания в жизни русского народа. Вместо жалких царско-помещичьих привилегий, которые казачество получало за свою дикую удаль в позорной кровавой борьбе с трудовым народом, казаки должны взять в руки оружие против тех, кто награждал их до сих пор этими привилегиями, кто дурачил их, пользуясь их боевые силы против народа и его стремления к свободе, к новому свободному обществу...

Казаки говорили: — «Мы все стоим за Революцию». Некоторые из толпы однако выпривкивали: — «Мы до сих пор не пойдем, за что нам быть: за Революцию или за тех,

которые Революция у нас отымает, за те косяки (косяки, табуны лошадей), которых мы растили, а у нас их забирал». — «Это не у нас коней забирают, их забирают у набуржуазии», — перебивали их третьи глоса из казачьей толпы... Долго беседовали мы потом на эту тему. Но только что беседовали, а решений никаких. Это и понятно. Казаки того периода Революции в общем держались еще крепко за идеи своего старого наказного атамана и Войскового атаманства, которые еще верили во внутренние русские контр-революционные силы и, в надежде на их поддержку, поднимали большую часть казачества против Революции, под предлогом обусловленной конституцией царской короны Рольных.

* * *

В дальнейшем пути по линии Северо-Кавказской железной дороги, на одном из полустанков перед ст. Котельниково эшелон был задержан на несколько часов по случаю нападения белогвардейского казачьего отряда на близкое от станции расположенные хутора. К эшелону собралось много казаков. Все они суетились, высказывая соображения о том, чтобы общими усилиями отбить возможное нападение отряда, как на станцию, так и на эшелон артиллерийской базы. Наша команда вооружилась. Установили на платформах в разные стороны легкие полевые орудия, так как отступить назад от количественно незначительного кавалерийского отряда мы не думали. Тем более, что само население хуторов с нами. Оно быстро и аккуратно сообщало нам, где и где этот отряд останавливался и в какую сторону двигался. Однако, странная суетливость толпы настоятельно внушала, что у меня неволью явилась мысль: нет ли в этом какой-либо провокации?

Я предложил командиру артиллерийской базы двинуться вперед, высказав ему свое подозрение, как по поводу черезчур уж аккуратных сообщений нам о белогвардейском казачьем отряде со стороны казачьего населения, так и по поводу того, что толпа казаков, не отходя от нашего эшелона, что-то уж больно суетливо переговаривается между собой. Мое подозрение сводилось к тому, что это казачье население является сторонником восстания белых и поэтому нас обезуружить.

Выслушав меня, командир эшелона расстроился и стосердечно сознался, что он теряется, не знает, что делать, чтобы население, сгруппировавшееся на полустанке слева и сбоку нашего эшелона, отошло подальше, в стороны, как, дескать, если оно намерено нас разоружить, то при первом же нашем свистке отхода, бросится на нас, будет лишняя кровь, будут лишние жертвы, — жер главным образом с нашей стороны, если первый наш отход окажется несвоевременным и не по цели. — «Помогите мне, — сказал командир: — Я буду рад. Ваша помощь понадобится мне. Я буду решительнее». Я предложил командиру во-первых, немедленно распорядиться, чтобы артиллерия перенести у боевых орудий (с целью пристрелки по горизонту туда куда может появиться белогвардейский отряд), а, во-вторых, предупредить машинистов локомотива, а также дежурного на станции: первых — о том, чтобы, раз тронувшись с места, останавливались уже до следующей станции, а вторых — о том, что мы, де, снимаемся с места для продвижения вперед только версты на две-три, чтобы сделать хорошую прицепку по всем сторонам и возвратиться обратно. (Только в случае можно было ожидать со стороны дежурного по станции правдивого сообщения о том, свободен ли путь).

Командир сделал все, что я предложил ему, во мне не было сомнения.

Затем мы попросили казаков, толпившихся в полустанке спереди и сбоку нашего эшелона, удалиться в сторону, противоположную той, куда будут идти снаряды. И мы тронулись вперед с редкой стрельбой из пулеметов в пространство. Когда полустанок, с многочисленными возле него казаками-ротозеями (которые, быть может, и не думали о том, чтобы обезоружить нас), остался позади, наши локомотивы запыхтели сильнее и чаще, и мы поехали уже полным ходом по направлению к ст. Котельниково, убеждая друг друга в том, что если бы мы остались на полустанке до ночи, то были бы обезоружены и истреблены, если не все, расстреляны.

Командир эшелона зазвал меня и тов. Васишьевых в купе и с особым уважением изливал мне свои слова благодарности за то, что я натолкнул его на решительное действие. Нельзя сказать, чтобы эта его благодарная раскала моих эгоистических чувств. Но я тут же с

ал о том, как неподготовлены революционеры к практическим, разнообразным по характеру, самостоятельным действиям в революции, несмотря на то, что они всю свою трудовую жизнь проводят в подготовке революции.

Прибыв на станцию Котельниково, мы узнали, что сюда редко какой отряд пробивался далее. Все отряды, распоряжению из центра, здесь задерживались и разоружались, подвергаясь тщательной проверке: из кого они состоят, каким пропитаны духом, и т. д.

Отряды, которым удавалось воспротивиться разоружению здесь, далее г. Царицына все же не продвигались. Царицыне они разоружались. И отряды, в которых не оказалось «контр-революционного», с точки зрения власти, элемента, снова вооружались и вливались в какую-либо военно-армейскую часть. Отряды же, в которых обнаружилось «контр-революционность» (а для этого достаточно было, чтобы командир его был анархистом или беспартийным, имеющим свое суждение о делах новой власти революционером), разгонялись, а то и расстреливались, как это было, например, с Петренко и частью его отряда в Царицыне.

За неумелость и беспомощность новой социалистической власти заинтересовать широкие трудовые массы делом доблестной вооруженной защиты революции, на которую со всех сторон двигались вооруженная контр-революция, в первую очередь расплачивались отряды, которые были скомандированы из украинского элемента. С этими отрядами шевкистско-левоэсеровская власть абсолютно не церемнилась. Благодаря своей «дальновзоркости», она видела в этих отрядах то, чего в них не было. И она опасалась допустить их на Курск и Воронеж, откуда украинские контр-революционные рабоче-крестьянские отряды, отступавшие с Украины, думали, с помощью сил русской революции, вернуться обратно в центр Украины, чтобы снова, при помощи уже некоторого опыта, сразиться с контр-революцией немецко-австро-венгерского юнкерства и Украинской национальной Рады. Сердце обливалось кровью, когда приходило наблюдать за черным делом власти, совершавшимся над людьми, в которых было так много революционного духа, но к которым нужно было уметь подойти, чтобы пробудить в них этот дух и помочь ему пробиться на поверхность, не мешая его свободным творческим выявлением в

общем деле трудящихся, в деле подлинного экономического и политического и духовного освобождения.

Здесь же, на ст. Котельниково, усердные агенты цензуры поспешили предложить сложить оружие и артиллерию. Для нас, анархистов, ехавших с этой базой, это было показательным примером того, как глупцы бывают даже звездами на лбу и орденами красного знамени на груди. Они даже не подумали запросить, что из себя представляет наш эшелон, чей он и куда направляется, а просто прислаивая человека заявить командиру эшелона сложить оружие.

Служая заявление сложить оружие (в противном случае, дескать, силой разоружат), командир эшелона, выполняя свои обязанности, имея при себе распоряжение красной командования во-время быть в г. Воронеже, с ума сходе и в отчаянии готов был возвращаться назад, по направлению Тихорецкой.

Мы, анархисты, пришли ему на помощь. Мы убедили его в произвольном, преступном действии агентов цензуры по отношению к революции. И, на этом основании, мы предложили ему открыть оружейный и пулеметный отдел по станции, разрушить ее и расстрелять власти, которые подло действуют во вред делу защиты революции.

Когда команда эшелона заняла свои места у оружейных пулеметов, и властям был пред'явлен ультиматум — очистить эшелону путь дальнейшего продвижения или оказавшись под нашим огнем, то гнусные контр-революционные агенты и со звездами на лбу) заправили по разоружению разбитый эшелон. Путь для дальнейшего нашего продвижения вперед по направлению к г. Царицыну был свободен. И мы, оставшись на ст. Котельниково «неприкосновенной», двинулись дальше.

В пути, командир эшелона очень беспокоился, что убежит к таким крайним мерам на ст. Котельниково (по отношению, по-моему, контр-революционных властей). Но другого выхода не было. Это он сознавал. И это сознание подтолкнуло его стать пред судом власти — если придется — с достоинством революционного солдата, призванного, как он выражался, сознательно служить делу революции.

* * *

На пути от Котельниково до Сарепты (станция, расположенная в 24 верстах от г. Царицына), я тоже начал

орить. В голове стали появляться какие-то несурзные мысли о том, что революции суждено погибнуть по вине самих революционеров; что на пути ее развития стоит палач в рядах революционеров, имя которому — Правительство: правительство двух революционных партий, которые, при всех своих погутах, подчас колоссальных и достойных жертв, не могут вместить в рамки своих партийных доктрин ширь и глубину жизни трудящихся. В связи с ростом развитием революции, — думалось мне, — трудящиеся все яснее и определеннее проявляют свой интерес к ней, к той интерес к тому, чтобы найти в ней тот простор, ту свободу, которая позволила бы им реорганизовать свою жизнь на совершенно новых началах, независимо от тех или других агентов, не живущих их жизнью и, следовательно, способных понимать ее, давать ей то или другое направление... Сперва я думал, что эти мысли о положении революции и о вытекающих из него последствиях — случайные мысли, порожденные контр-революционными явлениями, с которыми я встретился на своем пути с эшелонами артиллерийской базы. Но скоро я убедился, что мысли эти не случайны. Контр-революция жила всюду, где только могла: жила она и в массах, жила она и в тех, кто сидел в центре приказами заставлял революцию на местах вращать свое историческое колесо. Я ее видел ясно. И от этого мои надежды встретить впереди лучшее начали расстраиваться и уползать. И больно, и тяжело становилось на сердце. Иногда делался зол на всех и вся, притом на себя в первую очередь, за все те промахи в деле организации вольных батальонов против контр-революции на Украине, которые теперь мне более были мне чувствительны...

Но вот мы на станции Сарепты. Вокруг нее большие лесопильные заводы. Здесь тысячи рабочих. Загораюсь страстью побывать на их митингах и в пылу этой страсти забываю все, о чем только-что болел сердцем. А когда командир эшелона сообщил мне, что станция закрыта распоряжением из г. Царицына, в силу которого эшелон на Царицын закрыт для всяких воинских эшелонов, то мы задержимся здесь видимо на несколько дней, и я со мной подпал под влияние внутренней, бессознательной, но сильной страсти побывать среди рабочих на их митингах; выдохать, что они думают о революции, о ненормальных яв-

лениях в рядах ее носителей и защитников, и т. д., и т. д. Наши товарищи разбрелись всюду по поселкам... Они узнали, где и когда рабочие собираются. И на другой день (это был день отдыха) мы, несколько человек, выступили на митинге сарептских лесопильщиков-рабочих. Здесь мы выяснили, что рабочие тесно связаны с делом революции, что они все стоят за Советы, в которых первое место и руководящая роль должны принадлежать им, рабочим; что все прочие партийные представители могут участвовать в этих Советах в том лишь случае, когда рабочие сознательно считают себя родственно связанными с их идеями...

Мы узнали от рабочих на этом митинге, что они извещают процент своих товарищей уже проводили на фронте вооруженной борьбы против «Белого Дона» (так называлось казачье контр-революционное движение).

— «Одного мы никак не можем понять, — говорили нам на этом митинге рабочие: — мы здесь все стремимся к организации своих сил для развития и защиты революции и тех идей, которые двигают революцию. А в Москве и в других больших городах нет такого единства. У нас и большевики и левые-эсеры, и анархисты организованно стоят за то, чтобы разбить контр-революционное движение казаков. Даже, по инициативе анархистов, мы начали практиковать выделение известной части наших сил на фронт, против этого дикого казачьего движения, — с таким расчетом, чтобы заводы не стояли. А там, в Москве и других городах центральной России, анархистские организации разгоняются, некоренные их представители расстреливаются... И тут каждый из рабочих берет старый номер уже потерятой большевистской газеты и просит одного из моих друзей прочесть вслух статью о разгроме анархистов на Малой Дмитровке (в Москве).

— Чем об'яснить все эти действия нашей советской власти? — кричали голоса из толпы.

Надо представить себе наше сознание, что мы стоим перед революционными рабочими, среди которых было мало большевиков, эсеров и анархистов, безыменных борцов за свои идеалы; борцов, умевших в минуты дискуссионной страсти, ненавидеть друг друга, кричать друг на друга, топтать ногами и махать чуть не под носом руками, но умевших в то же время и понимать друг друга, признавать

каждым право на свободную проповедь «своего», выступать, бороться за «свое»...

Они, эти безыменные, вышедшие из трудовой семьи, революционные борцы понимали значение для революции проповедываемых ими идей лучше, чем воцарившиеся за счет их труда и усилий верхи, заседавшие в Кремле... Они, эти безыменные борцы, с большим достоинством, чем их верхи, оценивали роль своих идей в революции. Поэтому они признавали равное право за каждым революционером проповедывать свои идеи. Они ценили жизнь этих людей... И поэтому их революционное чувство не могло не тревожиться за гнусные действия своих верхов в центре. Их совесть была неспокойна, ибо она была чиста по отношению к революции, порожденной и двигающейся так или иначе всеми революционными идеями. А анархическая идея в этом смысле занимала чуть ли не первое место. Сознательные рабочие-революционеры не могли этого не сознавать. И поэтому, когда они услышали о гнусных деяниях своих вождей против анархистов, они болели за это их постыдное хамство.

С особой резкостью против разгрома анархистских организаций в Москве и преследования всюду активных анархистов (как о том сообщила большевистская печать) выступили товарищи Васильев и Тар. Рабочие большевики и л.-эсеры с болью в сердце сознавали право за анархистами на такие выпады против зарвавшихся их любимцев — Ленина и Троцкого. Мне же, отлучившемуся из Украины, мне, которому приходилось в таких трудных условиях работать во имя торжества революции, которую теперь оседлали государственники и пытались задуть, — мне было еще больнее, так-как я предвидел последствия разгрома анархистских организаций: я предвидел, что теперь всякий неустойчивый и недоброкачественный элемент начнет перебегать из анархических рядов на сторону сильных, отрекаться трижды от анархизма, и под диктовку сильных будет топтать и грязнить анархизм. Это вызовет еще большую дезорганизованность. Лучшие работники анархизма очутятся в В. Ч. К. и за смелое утверждение высшей социальной справедливости и индивидуальной неприкосновенности человека умрут с великими мучениями по застенкам В. Ч. К.

Но не все то, о чем я думал во время выслушивания моих товарищей, я говорил на митинге. То был момент, когда я

фанатически горел. Революция, выявление в ней анархического бунтарства и его творческих начал в деле практического социально-общественного строительства, были для меня главными путеводителями. На этом деле я надеялся, все таки, встретить если не всех, то громадное большинство своих идейных товарищей в центре России. Мне казалось, что задача спасения революции поможет анархистам твердо стать на путь выявления тех творческих задач, которые анархизм поставил себе в этой, чуждой буржуазно-республиканского либерализма, Русской Революции. Я верил, что большинство анархистов будут жить надеждой если не разрешить полностью эти задачи, то, во всяком случае, сроднить с ними трудящиеся настолько, чтобы трудящиеся поняли эти задачи не в извращенном большевиками смысле и поспешили бы, в новой решительной борьбе за свое политическое освобождение, разрешить их вместе с анархистами так-как от своевременного и правильного их разрешения будет зависеть весь дальнейший процесс революционного продвижения вперед на пути творческих достижений освободительного движения трудящихся. Поэтому, выступая перед рабочими сарептовских лесопильных заводов, я оставался главным образом на мысли найти общий революционный язык с широкой массой революционных трудящихся, осадить зарвавшихся Ленина и Троцкого и призывать к спасению, общими усилиями, революции, с одной стороны, изнемогавшей под ударами организованной контр-революции, а, с другой, задыхавшейся в петле новой государственности.

Рабочие все были на моей стороне. Ни один из большевиков не протестовал, кроме провокаторов, донесших об этом нашем выступлении в Царицынский Революционный Комитет...

После этого митинга, рабочие обещали устроить еще ряд собраний и просили нас придти и выступить с продолжением того, что мы затронули на этом митинге. Но нам больше не удалось посетить этих рабочих. На другой же день после митинга, на станции Сарепта прибыл Мад'ярский большевистский конный отряд из г. Царицына и, оценив эшелон артиллерийской базы, предложил командиру эшелона, тов. Пашечникову, «выдать ему всех анархистов, которые, по их сведениям, пробираются в этом эшелоне в г. Царицыну».

аидат на арест анархистов был подписан командиром Царицынского фронта Гулаком и, если не ошибаюсь, председателем Революционного Комитета, Мишиным.

Командир нашего эшелона заявил скороиспеченным мад'яр-коммунистам (они все были пленные солдаты австро-венгерской монархической армии): «Под моей командой нет никакой анархической организации. Арт. база обслуживает революционный прислугу, убеждений которой я не знаю, и не знаю, что прислуга эта достойна звания революционеров, и с ней я пробираться на Воронежский фронт».

Коммунисты-мад'яры тотчас же выстроились в колонну, рассчитавшись по порядку номеров, уехали обратно в Царицын.

Мы все недоумевали: — Почему они так быстро снялись? Потому ли, что командир своим ответом их удовлетворил? Или потому, что как-раз в это время на станцию Сарепта начали прибывать эшелоны чехословаков, которые держали управление на Сибирь, и которых красное командование свободно пропускало, не подозревая, что они объединяются контр-революцией Колчака и окажут ей помощь в борьбе против революции?

С чехословаками мад'яры ссорились, когда были еще на положении пленных; а теперь, когда и те, и другие были вооружены, они, видимо, как следует поскандалили бы.

Я лично считал, что коммунисты мад'яры поспешили оставить наш эшелон в покое по случаю прибытия чехословаков, ибо ответ командира нашего эшелона, как он ни был хорош по тону, не мог удовлетворить тех, кто имел в руках аидат для ареста анархистов. Этот ответ оказался удовлетворительным для них только тогда, когда прибывавшие мад'яры, увидя мад'ярские шапочки, начали кричать, гикать и свистать на них.

Через сутки после посещения нас коммунистами - мад'ярами, мы тоже оставили приветливую Сарепту и прибыли в Царицын. Здесь мы расстались с эшелонным артил. базой, но надеялись встретиться с анархистами и узнать о действительном положении революционных дел вообще в стране.

Командир и команда эшелона очень грустили. Многие из команды, как и сам командир, хотели бы, чтобы мы вместе с ними продвигались далее, к Воронежу, а там и на фронт. Многие из нас решили в Царицыне разбиться по два-три

человека и раз'ехаться по своим организациям, если таковые еще уцелели по городам. Мы простились с командой эшелона и, заручившись разрешением в первые дни, пока мы не найдем себе квартир, а эшелон будет стоять на станции, приходил в него на ночь спать, разошлись по городу.

Г. Царицын был, видимо, в какой-то тревоге: возле Совета — пост с автоброневиком; к Революционному Комитету трудно подойти, стоит усиленная охрана. Красные слышат, в то время еще не столь опытные, но уже многочисленные всдуто спуют, что-то обнюхивают, кого-то как-будто ищут.

Казалось, над городом нависли черные тучи грозы. Многие мои подорожные товарищи, мне неизвестные, но называвшиеся анархистами, были в недоумении: Что бы это значило, что Царицынские революционные власти так себя охраняют, что трудно добраться до них?...

Всюду: по паркам, в столовых, возле вокзала и в других общественных предприятиях, слышен разговор о герое, не позволившем себя разоружить соплякам, которые сидят в городе, словно кем-то избранные боги.

В чем дело? Это нас интересует. Начинаю ближе и серьезнее прислушиваться. Начинаю расспрашивать, кто это герой.

— «Да какой-то сибиряк Петренко! — отвечают мне — Наши то правители, никем не избранные, захотели покачать, что они сильная власть и могут все сделать. Они выехали навстречу какому-то красногвардейскому отряду под командой сибиряка Петренко. Так он вот какого зада перцу нашим правителям!... Ну, вот они, кто остался целым хоньким, прибегли и весь город взбунтовали: говорят, шутят, кричат на митингах, что этот сибиряк Петренко идет боем на Царицын. Нужно-де его обезоружить...»

Зная отряд Петренко, а также то, как власти по линии Северо-Кавказской железной дороги поступают с каждым красногвардейским отрядом, я в живых чертах представил себе весь рассказ обывателей Царицына. А через сутки жители Царицына и облегающих его поселков-хуторов пережили на себе столкновение красногвардейского отряда Петренко с Царицынскими красными правителями и красноармейскими частями.

БОЙ ОТРЯДА ПЕТРЕНКО С ЦАРИЦЫНСКОЮ ЧАСТЬЮ. ХИТРОСТИ ВЛАСТИ И АРЕСТ ПЕТРЕНКО.

Как известно из первой книги моих записок («Русская революция на Украине»), красногвардейский отряд под командой Петренко отступил (под натиском немецко-австро-германских армий) от красного фронта Мелитопольского управления самым последним.

Этот отряд последним отступил и из-под Таганрога. Отряд был боевой и числился в рядах первых по боеспособности красногвардейских отрядов, какими были анархистские отряды под командой Мокроусова, Марии Никифоровой, Гарина, и большевистские, под командой Полупанова и Степанова. Теперь, отряд Петренко, по примеру многих отрядов, направлялся на другие красные фронты. По непроверенным данным, Петренко был из Сибири и получил разрешение из Центра переброситься на Сибирский красный фронт, против контр-революции генералов Дутова-Колчака.

Но власти «Царицынской Советской Республики» приказали разоружить его еще в пути, до Царицына. Отряд Петренко не подчинился этому приказу и, разбив высланные против него красные части, подошел к Царицыну в надежде выяснит недоразумение, тормозящее его передвижение вперед, и поехать далее. Однако, власти, во главе с *Миним* и *Гулаком* (Ворошилов тогда только подымался и мною не казался еще таким великим, как первые два, хотя и был уже тогда умнее и выдержаннее их), решили разоружить отряд Петренко во что бы то ни стало. Носились слухи, что Военный Народный Комиссар Троцкий тоже был согласен на разоружение этого отряда. Это еще более раздражало Царицынских правителей в их выступлении против отряда Петренко.

Но Петренко, как и его отряд в целом, сознавая за собою крупные революционные боевые заслуги на Украинском фронте против контр-революции, не мог примириться с тем, чтобы их — ничем противореволюционным себя не считавших — имели право разоруживать те, кто, до того времени, революционного боевого фронта даже не видел,

а со спокойной совестью сидел себе определенные часы в Ревкомитетах, по городам, и подписывал не всегда дела революции полезные бумажки, а в свободное время преспокойно прогуливался в парке, или на катере по широкому раздолью Волги, с одной-двумя «свободными рабочими революции», как их называли грубоватые, но честные сотоварищи Петренко по оружию.

Поэтому отряд Петренко и на сей раз запротестовал против того, что власти приказали ему сложить оружие и запротестовал так, как может протестовать революционный боец, веривший в идею солидарности равных, но увидевший власть и ее подлое поползновение оседлать революцию, загнать ее в чисто партийные рамки, кастрировать в интересах политического господства партии.

Отказ отряда Петренко сложить оружие пред властью Царицынского Ревкома вызвал вооруженное наступление против него. Из города потянулись красноармейские части, которые всего несколько дней как сбросили с себя и красногвардейских и как-будто стройнее шли на бой, поддерживая престиж армейщины. За ними тянулись пулеметы, орудия. Жители города насторожились. Кто не знал в чем дело, спрашивал другого.

А контр-революционная сволочь всюду рыскала в толпе и нюхала: не подошли ли казачьи белогвардейские отряды к Царицыну, не время ли начать в тылу Революции свои грязные контр-революционные делишки решительнее и более открыто. И когда эта сволочь узнавала, что казачьи белогвардейские отряды от Царицына слишком далеко, а бой затевается между своими, она, хотя и радовалась, но решительность свою теряла и натягивала поплотнее свои маски.

Какая-то жуть охватывала нас, украинских революционеров, отступивших из Украины и надевавшихся встретиться в России всех тружеников за прямым своим делом — за революционным строительством, свободным и самостоятельным, чуждым какой бы то ни было политической авантюры со стороны тех, кто подошел к ним под флагом социализма и на словах стремился помочь им избавиться от векового рабства. Мы встретили всюду ложь, приказы и окрики начальников, поддерживающих эту ложь.

Вооруженное наступление против отряда Петренко

но подчеркивало торжество лжи над правдой, — правдой на основе которой трудящиеся, с первых дней революции пытались закладывать фундамент своего нового общества и с этой целью распределяли свои силы, группируя их в армии построения этого общества и защиты. Хотелось броситься навстречу шедшим против отряда Петренко красноармейским колоннам и кричать: — Куда вы идете? Вас ведут убивать своих, — тех, кто честно бою на фронте революции и не по своей вине отступает, чтобы с другой стороны, на другом участке, ударить против контр-революции... Хотелось тем более остановить колонны, что они были в шесть-семь раз многочисленнее отряда Петренко и лучше вооружены. Однако, то общество, что части уже дезорганизованы и двинулись вперед, что их уже никто и ничто со стороны не может остановить, меня удерживало от вмешательства, и я, с тяжелой душой, постыдно остановился и стал в ряды нейтральных наблюдателей за черным делом власти: власти новой, революционной и воспитывающейся под влиянием «социали-

стических» красноармейские войска проходили уже по Кавказскому вокзалу г. Царицына, вытесняясь в направлении хутора Ольшанское, где остановился еще один отряд Петренко. Казалось, они его сотрут. Но... опытные в длительных боях с отрядами Центральной и немецко-австро-венгерскими армиями, рабочие и солдаты отряда Петренко верили в свою правоту, и эта уверенность в них дух стойкости революционных бойцов, державших в своих руках оружие не по принуждению, а добровольно и во имя подлинного освобождения трудящихся. С этой здоровой мыслью, — говорили мне впоследствии члены из отряда Петренко, — мы шли на фронт против контр-революции Украинской Центральной Рады и ее агентов — немцев, мад'яр и австрийцев. С этой же мыслью мы пришли встретить и людей, продавшихся власти, шедших навстречу нам здесь убит».

Я наблюдал начало боя. Я видел, как отважно сражались обе стороны. Видел также, что на стороне отряда Петренко было все население хутора Ольшанское и прилежащих к нему других хуторов. Оно возило воду, хлеб, патроны к отряду Петренко. Оно собирало винтовки и патроны

для него, все время и во-время ставя его в известность, откуда его обходят и откуда могут обходить войска в

Я видел, наконец, как отряд Петренко, в 6-7 раз превысивший числу своих убийц, обратил этих последних в бегство, заставив бросить не только подбитые автомобили, но и целые, с ранеными и убитыми бойцами.

Однако, отряд Петренко, как и сам Петренко, эти годным для себя положением не воспользовались. революционный отряд, до сего времени действовавший в солидарности с революционной властью, он хотел только справедливого разрешения случившегося; или же она стыдится разрешать в справедливой форме то, что сама же натворила, то от нее требовали только от отряду свободное продвижение через Царицын в требуемом направлении.

Тогда власти прибегли к иезуитской хитрости: они предложили переговоры отряду Петренко. А когда переговоры приближались к концу и Петренко нечего было уже сказать (как утверждали бойцы из его отряда), власти схватили Петренко и заточили в тюрьму, а от отряда потребовали, яко-бы даже за подписью самого Петренко, сложить оружие. Этот иезуитизм Царицынской власти помог ей разоружить отряд и, раздробив его, влить в красноармейские части, некоторое время не давая разбитым по частям бойцам оружие на руки.

* * *

Как-раз в то время, когда Петренко был схвачен и заточен в тюрьму, а его отряд безоружен и разбит на группы по верноподданническому красноармейским частям, в разгромленном в эшелонах на Северо-Кавказском Царицынском вокзале, я посетил некоторых из этих бойцов, с целью узнать о характере переговоров, которые велись последние с властью, а также о судьбе арестованного их командира. Бойцы эти знали меня еще из Украины: вместе с нами я и мои товарищи гуляй-польцы отступали до г. Таганрога. Они не ожидали от меня злонамеренных подходов. Они знали, что я анархист-коммунист, и были откровенны в своих раз'яснениях сути дела.

Все они с особой радостью рассказывали мне о том, что они переживали на Украинском фронте, когда бо-

под высшим командованием Антонова-Овсеевко, прогнав наступавшие контр-революционных немецко-австро-венгерских армий и отрядов Украинской Центральной Рады, которая действовала на Украине против тружеников, в защиту революции. При этом, радость их иногда соединялась с чувством счастливого удовлетворения и сознания, что труженики села и города, поняли, наконец, что освободить себя они могут только силою оружия и сами, своею волею и смелостью непосредственных действий в осуществлении своих целей. Но когда речь переходила к настоящему положению, на положение уважаемого ими командира Петренко, радость на их лицах быстро сменялась грустью. Некоторые, понуриив головы, замолкали. Другие же рассказывали мне, что к их отряду власти начали обращаться от самой ст. Тихорецкое. Придирижки эти выражались в саботаже своевременной отправки эшелона, в нежелании закупке провианта, в несмелых, но понятных попытках вооруженными по России: они должны разрушить, объявив себя беженцами, и т. д.

— Для нашего отряда, — говорили они, — хотя он и состоит в большинстве из украинцев, крестьян и рабочих, в отношении русских, такое отношение революционных властей в Украине обидным. Ибо мы прежде всего — революционеры-труженики. Мы взяли в руки оружие и боремся за революционные цели тружеников. И нам казалось, что мы имеем право ехать по революционной стране, не складывая оружие, тем более, что наш командир Петренко ходатайствовал перед высшим командованием о том, чтобы последствием за разрешение нам переброситься в Сибирь против генералов Ва-Колчака, и высшее командование, яко-бы, не произошло.

— А правда ли, что ваш командир — житель из Сибири? — спросил я у бойцов.

— Родственники его переселились, яко-бы, в Сибирь, для поселения. Сам Петренко и его отец живут на Украине. Мы же из нас его знают, — ответили мне мои собеседники.

— А что грозит ему? — спросил я их.

— Нам об'ясняют, что он будет освобожден. Но мы не верим и думаем, что как только получим на руки оружие, мы употребим все свои силы, чтобы освободить его.

Произнесший эти слова повернулся к своим товарищам как-бы за подтверждением, и его слова были подхвачены хором: — «Да, мы не остановимся ни перед чем, когда мы будем вооружены. Наш Петренко должен быть с нами. Это наша гордость. С ним мы пойдем на самый опасный фронт против контр-революции. Вы, — говорили мне мои собеседники, — были с нами на Украине, кажется на ст. Царь-Константиновке. Вы видели, что все чисто большевистские кадры почти первые бежали из этого боеучастка, боясь отрезанными немецкими отрядами. А мы оставались на фронте. Наш Петренко сказал нам, что немцы отрезали Бердянском анархический отряд матроса Мокроусова, старались втянуть в дело все проходившие мимо нас отряды, чтобы помочь Мокроусову выбраться из кольца. И хотя нам не удалось это выполнить, мы оставались на фронте до последней минуты, пока можно было. За это время мы только выяснили, что отряд Мокроусова прорваться в направлении, куда отступают все красногвардейские отряды, может, и поэтому грузится в Бердянском порту на баржу и будет к Таганрогу отступать по морю. Когда наш Петренко получил точные сведения, что тов. Мокроусов уже покинул и благополучно отчалил из Бердянского порта, тогда только мы, петренковцы, снялись с фронта, на протяжении нескольких дней оставались одни-одинехоньки, и направлялись по направлению к Таганрогу».

— Вы, товарищ комиссар, — обращались мои собеседники ко мне, зная меня по пред'явленному мною еще на Украине, на ст. Царь-Константиновке, документу: «Глава Комиссар Временного Комитета Защиты Революции должны знать, чем занимались, в то время, когда мы воевали на фронте, такие хваленые большевистские, в том числе и между с анархистами, отряды, как отряд матроса Попова. Он был далеко от фронта, в г. Мариуполе, и воевал с инвалидами фронтовиками, которых вся вина была в том, что они выявили свое недовольство революционной властью, отказавшейся заботиться об этих калеках, жертвах преступного самодержавия. И вот, этот, сомнительный в смысле революционной чистоты, красногвардейский отряд выдвигается на почетном месте у революционной власти. Но так подло власти не поступает, как поступили с бесстрашным революционным героем Петренко и его отрядом».

тот выкрик рядового бойца из отряда Петренко был душой всего отряда. Тяжело было дальше говорить о нем, безымянными носителями идеи самостоятельности, которая зашевелилась в проснувшейся от векового рабства широкой массе трудящихся села и города. За ним, за этим отрядом, скрывалось слишком много гнева массы против власти, кто не может, или может, но не хочет ее понять.

К тому же бойцы, услышав сигнал к обеду, начали собираться и спешно уходили на обед. Лишь один из них подошел ко мне на плечо руку и на ходу, подавленным голосом, сказал мне: «Не говорите ни с кем на стороне отряда, что вы услышали от нас. Время опасное, нас прежде всего могут, как кур, перестрелять...»

— Я, конечно, нигде об этом не займусь, — ответил я откровенно красногвардейцу: — Но советую вам всем быть осторожными. И если вы думаете силою освободить своего пленника из тюрьмы, вы должны точно выяснить, что именно кому грозит, а затем уже, когда узнаете, что обезумевшие власти хотят над ним потешиться, думаю расстрелять, вы должны выяснить, как ваш командир охраняется, каковы шансы могут быть у вас на то, чтобы его сейчас же вывезти из г. Царицына. Ибо ваши действия на этом пути могут принести слишком большой вред и самому Петренко, и отряду, в особенности, если они окажутся несвоевременными и недостаточно решительными.

— «Спасибо за совет, — сказал мне на все это красногвардеец Б., — но я должен вам сказать, что мы и не думаем об этом, чтобы, когда освободим Петренко, вывезти его сейчас же из Царицына. Мы думаем, что мы теперь не остановимся перед тем, чтобы весь город занять; и мы это сделаем, только наш боевой командир Петренко будет нами охраняем. Мы знаем теперь настроение в Царицынском районе, знаем его и среди тех красноармейцев, с которыми мы находимся. Мы уверены, что эти красноармейские отряды, среди которых мы находимся, мы разоружим в тот момент, когда выделенный из нас отряд пойдет за Петренко. Это все уже обсуждено и рассчитано.

— Я не верю в успех вашего дела, — заметил я своему собеседнику: — Я убежден, что вы провалитесь на этом деле уже по одному тому, что вы ставите задачей занятие города, вместо того, чтобы отважно налететь на тюрьму,

близкими, и тогда мы подойдем к делу более решительно. Приходите завтра к трем часам на вокзал. Я вас буду ждать с двумя хорошими своими товарищами. Мы еще о чем посоветуемся с вами. Вы только не говорите, луйста, об этом ни с кем на стороне...

Это были последние его слова о «деле». Он стиснул мне руку своей крепкой крестьянской мозолистой рукой и, тяжело вздохнув, с тоскливой улыбкой, повернулся и ушел...

Я долго смотрел ему вслед, ожидал, что он оглянется. Но вспомнив, что украинские крестьяне всегда и всегда наковы в своей прямоте, я пошел, также не оглядываясь в своем направлении.

* * *

По дороге, я продумал все слышанное из уст гвардейца и ощущал сильную боль на сердце за все, что И в первую очередь за то, что мы, анархисты, так бесны в смысле организованности... Это делает нас так беспомощными, в смысле влияния на ход революционных событий в стране, что становится стыдно... Стыдно мне было не только перед широкими трудовыми революционными массами, которые в настоящей революции видели средство их подлинному освобождению от экономического и политического рабства, но и перед самим собою. Я вполне четко сознавал, что в настоящей революции можно было лишь создать подлинные средства для такого освобождения тружеников. И нужно было питаться глубокой верой и преданностью ею надеждами, что анархисты опомнятся и проявят себя в этой области так, как этого требует время, чтобы преодолеть в себе ощущение этой боли.

Ведь будь мы способны организованно войти в ряды трудящихся и оказывать им в их прямых действиях в тылу и на фронтах за Революцию надлежащую организованную помощь, то разве воцарившаяся за счет этих борющихся масс большевистско-лево-эсеровская власть позволила бы себе заниматься совершенно безнаказанно такими черными делами, как присвоение себе права, по своему усмотрению одних революционеров разогнать, другим запретить высказывать свое мнение о ней, третьих, под всевозможными предлогами

безоружить, расстрелять? Никогда, ни за что! При всей силе соблазненных ею латышских, китайских и мадьярских пинжков, эта власть не осмелилась бы так поддичать по отношению к революции, питающей свое широкое русло всеми революционными идеями, всеми на них воспитанными и всеми созданными трудовыми силами...

Размышляя об этом, я вдруг почувствовал острую боль по Гуляй-Полю, по его трудовому революционному району, который теперь был занят настоящими палачами революции на Украине: немецко-австро-венгерским юнкерством и бандами Украинской Центральной Рады. Я мысленно, по тем отрывочным сведениям, которые получал из Гуляй-Полянского района, будучи еще в Таганроге, представлял себе дикий разгул этих палачей. Все это еще сильнее помогло мне почувствовать справедливое возмущение красногвардейцев-петренковцев деяниями Царицынских революционных властей против как самого Петренко, так и его боевого революционного отряда.

Однако, планы этого отряда освободить Петренко, занять город, разогнать из него всех представителей власти, что, по моему мнению, могло быть успешно осуществлено лишь при поголовном уничтожении сопротивлявшихся, эти планы Петренковского отряда меня тревожили. Зная бойцов этого отряда, видя их и беседуя с ними, я ничуть не сомневался в том, что они, если решат действовать, будут действовать, как львы, с убеждением, что они борются за цель, за которую не жаль и умереть. Но цель эта, по моему мнению, должна была создать для них такие условия, из которых им было бы не выбраться: они все погибнут с запоздалым резким осуждением самих себя.

Поэтому я, учитывая все те опасности, какие могли обрушиться на меня за мое посещение петренковцев, решил все же, во что бы то ни стало, видясь с ними на другой день в условленные часы и еще раз подчеркнуть им, чтобы они воспользовались лишь освобождением из тюрьмы Петренко и увезли его подальше от Царицына, не думая о бессмысленном занятии всего города и о сведениях счетов с его правителями...

На такое решительное отговаривание петренковцев от их планов занять город и посчитаться с его правителями, — помимо того, что в этих планах петренковцев я видел необузданную жажду мести, бессильную оправдать себя,

меня толкало еще и то обстоятельство, что я в этот же день наткнулся на Ворошилова, в то время создававшего 10-ю Армию. Он выступал перед массой портовых рабочих, освещая им положение Царицынского фронта революции при наступлении контр-революции. По речи, — чисто деловой, но сильной, речи Ворошилова, я понял, что на фронте революции неслучайно, что его нужно поддержать свежими силами. Я тут же выступил, после речи Ворошилова, и осветил этим трудящимся то, что творят немецкие юнкера и отряды Украинской Центральной Рады над революционными украинскими тружениками. Я тоже призывал их оказать помощь вооруженному фронту революции против казаков, которые своей ближайшей задачей ставили занятие г. Царицына как центра группирования революционных сил.

Помните, Ворошилов тогда имел большой успех. Рабочие вынесли резолюцию, что они пойдут на фронт...

Итак, нарисованное Ворошиловым на митинге портовых рабочих тяжелое положение на Царицынском фронте ускорило во мне решение во что бы то ни стало отговорить красногвардейцев-петренковцев от мысли нападения на Революционный Комитет и Совет Раб., Крест., Солд. и Казачьих Депутатов г. Царицына с целью овладения городом и разгрома, как петренковцы выражались, засевших в нем правителей. Поэтому, на другой день, в указанный час я был в месте. И когда красногвардейцы петренковцы встретились со мной (их было на сей раз пять человек), я без стеснения заявил им, что я серьезнейшим образом обдумал их планы и нашел их никуда негодными, а последствия их выступления вредными для нашего общего революционного дела.

Я объяснил им положение на Царицынском фронте, пояснил, какой удар этому положению они нанесут своим выступлением в городе и упорно настаивал, при этом, чтобы они и сами высказались по этому вопросу.

В конце концов, петренковцы сказали мне: — Мы долго обдумывали то, о чем вы вчера говорили с Алексеем, и считаем, что вы правы. Мы решили, что нельзя нам делать то, что и не под силу, и может оказаться непоправимо вредным для всех нас, для нашего общего дела и революции... На этом мы определенно остановились... Но мы не покидаем мысли о нашем командире, Петренко. Мы хотим его освободить. У нас есть люди, которые рискнут на все, и они в

му готовятся. Беда лишь в одном, что нам до сих пор не выдают на руки оружия. Мы до сих пор болтаемся среди разоруженных без оружия, хотя представляем часть вооруженных.

На мой вопрос: — Ходите ли вы к Петренко на свидание? — я получил ответ: — «Этого нельзя делать: нам говорят, что над ним скоро будет формальный суд, после которого он будет освобожден... Мы этому не верим. Поэтому мы выделяем из себя людей, чтобы освободить его силой».

— Вот об этом, на мой взгляд, вы должны позаботиться — освободить Петренко от казни — ваш прямой долг, чем скорее вы его исполните, тем лучше будет для Петренко и вы будете спокойны за его жизнь.

На освобождении Петренко силою из тюрьмы я упорно настаивал. На мой взгляд, это могли сделать 8-10 человек, даже без винтовок, а с револьверами и бомбами. А так-как петренковцев охотников на это дело было, по их уверениям, более двухсот человек, то дело обстоило еще лучше. Из этого количества можно было выбрать 10-25 человек самых дельных, и они бы все сделали... Это я советовал петренковцам. На этом я настаивал, так-как считал освобождение Петренко и петренковцев зазванным революционными властями актом справедливости, которым они отняли свою революционную честь. Наоборот, незуитские переговоры этих властей с Петренко и затем предательство западно для него, с помощью которой они уверили Петренко, что конфликт между ними совершенно ликвидируется, и что он через день-два сможет свободно уехать на фронт, а затем схватили его и посадили в тюрьму, готовя для него смертный приговор, я считал хамской наглостью и истинной именно подлым иезуитам. А ведь Царицынские власти были революционерами в то время! И это возмущало меня; это побуждало меня советовать петренковцам взять от него командира силою оружия из-под стражи этих властей, хотя бы это стоило больших жертв со стороны революционных палачей.

В этом акте я усматривал лучшую и показательнейшую метку над властями, думающими тюремной стеной и счетками сбить с пути чувство долга и справедливости. Освобождение Петренко самими петренковцами убедило воочию Царицынские революционные власти, что, хо-

тя, по глупости, поддерживаемой подкупленными штыками можно затеять все, что угодно, но — сила долга и строгости ведливости тех, против кого власти что-то обдумывают, могут всегда предотвратить то, что властями затеваются.

Я слышал среди «революционных» кругов, отступивших из Украины вместе с Центральной Украинской Советской властью или под ее покровительством до Царицына и где-то вылеживавшихся, а с 4-х часов пополудни появлявшихся разодетыми и подпудренными в Царицынском парке среди публики, прогуливавшейся вокруг клумб, — слышал я в этих кругах разговоры о том, что Петренко давали расстреляли или, если еще не расстреляли, то не сегодня завтра расстреляют...

Несколько раз я был у председателя Революционного Комитета — Минаина. Пытался заговаривать о Петренке с ним и его приближенными. Но в Революционном Комитете я ни разу не слышал таких авторитетных сведений о Петренке, как в «революционных» кругах Царицынского парка. В Революционном Комитете я слышал всегда один и тот же монотонный ответ: «Петренко предается трибуналу. Какие будут решения трибунала, сейчас трудно сказать»...

В парке же, от уставших на Украине в «тяжелой борьбе» (скорее всего, с дамами, и тоже по паркам) «революционных» кругов, отдыхавших теперь в гостеприимном доме Царицыне, я всякий раз слышал о Петренке хотя и мнящиеся, но зато более утвердительные сведения. Это говорило мне, что отдыхавшие «революционные» круги гораздо лучше осведомлены о деле Петренко, — обстоятельстве, которое увеличивало их престиж и давало им, как всегда, право быть более смелыми в своих рассказах, как о самом Петренке, так и о том, что над ним уже свершилось, или, если еще не свершилось, то *не сегодня-завтра свершится*.

Все это меня, правда, только злило, но не говорило мне ничего определенного, на основании чего можно было бы дать петренковцам материал, который заставил бы их поспешить забрать Петренко из-под стражи.

Я советовал им спешить с этим делом, и они приняли мой совет во внимание. Они спешили. Но... власти их опередили. Петренковцы, разбитые по группам и влитые в другие

ряды по духу, красноармейские части, были высланы на фронт... а Петренко был убит в подвале чеки!... И, характерно, убит он был не как красный командир, не подчинившись красным правителям, по глупости своей требовавшим от него сложения оружия, а как злостный контр-революционер.

Для меня этот позорный акт революционной власти был настолько злостным по отношению и к самой революции, и к чести носителей ее идей, что я не находил ему никакого оправдания и на минуту усомнился в том, что эта власть преследует вообще какие бы то ни было революционные цели...

Этот позорный акт Царицынской революционной власти, — акт, клеймивший Петренко злостным контр-революционером, запечатлелся в моей памяти с такой же силой, как акт агентов немецкого юнкерства и Украинской Центральной Рады в Гуляй-Поле, в апреле месяце (см. первый том моих записок), хотя эти акты позора по существу не равнялись. Но оба они всегда терзают мою душу, напоминали мне о том, что они *были*, и что имеется почва для их повторения.

Глава VIII.

ВСТРЕЧА С ЛЮДЬМИ ИЗ «РЕВОЛЮЦИОННЫХ» КРУГОВ.

Часть коммунаров, из-за встречи с которыми я отстал от т. Б. Веретельника (с ним я должен был посетить гг. Москву, Петроград и Кронштадт), прибыли, недели полторы тому назад, в г. Царицын и, не выгружаясь из вагонов, переезжали с одного вокзала на другой: постоят день-два в одном тупике, а затем их перегоняют в другой. Они, мои близкие, дорогие, за которыми я гнался из г. Таганрога и след которых потерял в Ростове-на-Дону, они теперь в Царицыне. Кто-то из «революционных» кругов, отдыхающих в Царицыне, видел кого-то, кто сказал, что Гуляй-Польские коммунары тоже здесь.

Бегаю, словно угорелый, ищу этого «кого-то»...

С трудом напал, наконец, на след — не своих коммунаров, нет! — на след этого «кого-то». В парке, среди прогуливавшихся «революционных» кругов, отдыхающих Царицыне, я нашел кой-каких осведомленных лиц. Я подробно расспросил их о том, не знают ли они, кто из них видел Гуляй-Польских коммунаров здесь, и где именно.

Мне ответили: — Гуляй-Польских коммунаров видеть здесь люди из «революционных» кругов. Подробности можно узнать лишь завтра, на «базаре-толкучке». И тут же указали мне, где я могу найти этот базар.

Поблагодарив любезных представителей «революционных» кругов, я пошел к себе, в отель. По дороге я подумал: лучше всего сейчас же разыскать этот базар, чтобы утром идти туда прямо, не затрудняя ни себя, ни милиционером расспросами.

Пошел и нашел...

В отеле я встретился с Александровскими людьми. Они принадлежали тоже к «революционным» кругам. Иных женщины торговали своим телом, а мужчины получали от Царицынского Совета для себя и для этих женщин бесплатные номера в отеле и занимались какой-то другой профессией — какой, за один вечер трудно было определить. Среди этих представителей «революционных» кругов нашлось много таких, которые меня узнали. Они видели меня, в январские дни, в городе Александровске, в Революционном Комитете, на могиле видного большевистского работника, убитого в те дни из пулемета в Александровском Революционном Комитете. Эти люди напомнили мне даже некоторые подробности: например, после кого я на этой могиле выступал (мы, анархисты, как члены Революционного Комитета, принимали участие в похоронах этого молодого, но славного большевистского работника, нашего сотоварища в Александровском Революционном Комитете). Такие данные этих людей обо мне привели меня к мысли, что я встретился, действительно, с людьми революционных кругов, несколько поопустившимися, вследствие тяжелых условий. И я, не задумываясь, набросился на них с расспросами о том, не видели ли они здесь кого-либо из Гуляй-Польских коммунаров. — Как-же, видели, и даже ели у них вареники, — получил я в ответ.

И эти люди рассказали мне, что на берегу реки Волга, на одном из тупиков линии железной дороги, стоят целены с беженцами: «Мы там были и наткнулись на Гуляй-Польских коммунаров, которые варили на треножниках, в больших чугунных казанках, вареники с сыром. Эти вареники нас заинтересовали, и мы обступили костер, и они варились, а потом попросили попробовать вареников, нам их и дали. — О, чудные вареники! — кричал один. Я хотел их все закупить для наших людей, так не пропали, сказали: мы не продаем, — кричал другой.

Это повествование о людях, с которыми я вместе росли в годы жил под гнетом самодержавия, от которых тем был оторван тюрьмой, каторгой, и с которыми снова встретился в дни революции на деле организации сельскохозяйственных коммун, — это повествование сорвало меня с места. Я уприсил одного из рассказчиков сесть со мной в извозчика и поехать к тому месту, где он ел вареники у Гуляй-Польских коммунаров. Уприсил я его с трудом. По моему мнению, именно он был наиболее свободен в 12-ом часу ночи. Остальные были чем-то особо важным заняты.

Вышли из отеля, прошли саженей с тридцать, взяли извозчика, поехали к пароходным пристаням. У места, выехали к одному эшелону, соскочили, разбудили в одном из вагонов спавших беженцев. Спросили, откуда? Оказалось не те, кого ищем. И так к другому, третьему, четвертому эшелонам. Всюду нас бранили, но мой проводник дал все дневные и ночные порядки г. Царицына: он поочередно покрикивал на ругавших нас, разбуженных нас, беженцев, и те умолкали. В четвертом эшелоне нам сказали, что Гуляй-Польские коммунары вчера переведены куда-то на другую линию. Но мы дальше не могли уже их разыскивать. Человек из «революционных» кругов предупредил меня, что он должен спешить обратно в отель, он должен приготовиться к базару. Поэтому мы возвратились в отель.

По дороге в отель, я уговорился со своим проводником, об вместе с ним пройтись на базар, и уже не заходил к людям из «революционных» кругов, — людям, имевшим право всю ночь жечь свет в номерах, орать, как кому вздумается, и прочее. Я зашел в свой номер, заперся и лег прилечь.

На утро я поднялся, сбегал в столовую позавтракать и заполнил пропущенную часть дневника. Затем поднялся к людям из «революционных» кругов, узнал, когда мой новый проводник пойдет на базар, вышел во двор, сел на скамейку и начал поджидать его. А когда он вышел с какими-то пачками под руками, мы пошли на базар.

Базар на половину уже собрался. Мой проводник быстро присел возле одного торговца, по виду тоже из «революционных» кругов, но который, как более практичный, успел уже откупить себе на базаре постоянное место и раскладывал на нем всевозможные товары. Товары были различные: здесь лежали мужские и дамские шляпы, часы, ботинки, портмоне, очки и пенсне, всевозможные, — правда, в небольшом количестве, — парфюмерные товары.

Мой проводник быстро развернул свои пачки, вынул из них свои товары. Они заключались в мужских и дамских кожаных и парусиновых полясах, подтяжках, различного качества и величины цепочках и браслетах. Он обвешал себя ими и сказал мне: — Пока до свиданья. Мне нужно поторговать. А вы поищите здесь людей, которые, вероятно, знают, где ваши Гуляй-Польцы.

Я не удержался и спросил своего проводника: — Да вы что, и в Александровске торговали этими вещами?

— Что вы, что вы! В Александровске мы работали в продовольственной управе... Эти товары мы приобрели в Ростове, во время отступления. Мы как знали: на них здесь большой спрос, мы их сбываем, — ответил мне, не краснея и не смеясь, мой проводник.

Я смутился. Бывший мой проводник, сейчас торговец «красивым трудом» приобретенными, пусть даже у грабителей буржуа, товарами, заметил мое смущение и поспешил меня подбодрить следующими словами: — Вы, товарищ Махно, смущаетесь, что видите меня торговцем... Теперь такое время. Все наши, отступившие от контр-революции этим занимаются...

— Тем позорнее для них, — сказал я ему.

— О, что с вами, тов. Махно, — говорит: — Вы не хотите подумать, как жить. Вы думаете, легко здесь жить? Э-э-э, это не дома. Если бы мы здесь не трудились, мы бы

люди и оборваны уже, как жулики. А впрочем, погоди об этом после... Сейчас некогда, нужно подработать. Виданья! Ищите здесь знающих, где ваши коммунисты... Яключил мой бывший проводник и исчез в базарной массе.

«Вот так революционные люди», — думал я в ту минуту. Но думы мои быстро сменились новыми впечатлениями. На глаза начали попадаться десятки людей из «революционных» кругов с разнообразнейшими товарами на руках и плечах. Всех их я видел раньше в Царицынском в качестве обсуждавшими ежедневно вопросы о революции, о успехах и поражениях на многочисленных фронтах борьбы против вооруженной контр-революции...

Среди встреченных мною на этом базаре новых торговцев из «революционных» кругов я видел многих, которых Царицына встречал среди большевиков, социалистов и анархистов. Это причиняло мне глубокую боль, — мне, бывшему в революцию, как в единственное средство победить трудящихся от власти капитала и государства, до фанатизма зараженному верой, что в момент революции все угнетенные примут сильное участие в той борьбе за свободу и этим самым помогут ей проявить себя в полном трудовом народном духе и творчески завершиться без политических уклонов, без смертельных поражений... И я страдал болью этого фанатика революционного анархиста. Но в то же время я был счастлив этой встрече с торговцами из «революционных» кругов, отступавших от Украины и нашедших себе отдых с правом торговли и вся в гостеприимном г. Царицыне. Я был счастлив тому, что не видел среди них ни одного из своих братьев по классу: крестьян.

Эти люди в большинстве своем были ремесленники, мелкие лавочники, еврей-торговцы, всякие полубуржуа, в меньшинстве — оторвавшиеся от своего прямого дела революции рабочие или, по крайней мере, бывшие рабочие. Ни одного крестьянина среди этих людей из «революционных кругов» не было. И это, действительно, поддерживало меня морально. Это делало счастливым меня, верившего в крестьян и надеявшегося с ними еще и еще раз выпрямиться во весь рост в практическом деле революции и справиться с врагами ее.

Среди всех этих людей я встретил, наконец, человека, который видел моих «коммунистов» (как он выражался, закупавшими на этом базаре продукты. Этот человек тот самый, который привел меня на базар и час тому убежал от меня. Теперь, со стыдом, изменившим его, он свернул свои товары и провел меня в одну из улиц по которой и никуда не сворачивая, я наткнулся на железной дороги, пролегающей над рекой Волгой. Стояли вагоны, в которых помещались Гуляй-Поля коммунарны. Еще не дойдя до места, я встретился с одним из коммунарнов, т. Василевским, который и довел меня к месту.

Глава IX.

ВСТРЕЧА С КОММУНАРАМИ, РАЗМЕЩЕНИЕ ИХ ХУТОРЕ ОЛЬШАНКОЕ И МОЙ ОТЪЕЗД ОТ НИХ

Никто из коммунарнов не думал встретить меня в Ростове. Все они знали, что сидеть без дела я не буду ни в Ростове, ни в Гуляй-Поле. И все предполагали, что я вернулся уже на Украину, в родной район, и если не попался немцам, то что-либо вошло для них ужасное, как для палачей революции.

Лишь моя подруга, милая Настенька, — она была кануне родов, — и слышать не хотела о том, что я не поспею встретиться с нею перед родами. Она ожидала меня каждый день. Иногда она тосковала о том, что ее ожидание по рассказам коммунарнов, могут оказаться напрасны. Теперь ее ожидания сбылись. Теперь, оставив тов. Василевского далеко позади себя, натянув шляпу и понурился, я подходил к вагонам, в которых жили коммунарны, и увидел, что к моему вагону подошел умышленно некий коммунар. Он сказал, обращаясь к коммунарнам: «Как-же вы, друзья, здесь поживаете?», то все друзья, мужчины и женщины, и их подростки-дети, бросились ко мне, хватая меня в обятия искренние, какие могут иметь только крестьяне, обнимали и целовали меня. В это время из другого вагона выскочил

друга и за нею все другие коммунарны, и радости всех было предела...

Начали обмениваться новостями, какие кой-кто привез из Гуляй-Поля, из окружающих коммун, а также тем кому тот кой-кто пережил уже на пути отступления.

Первое, что я услышал от своих дорогих и близких, это новость (для меня) о их отъезде из коммуны No 1 (Классовой экономии). Коммуна эта была расположена в 8-ми километрах от Гуляй-Поля. В дни переворота в Гуляй-Поле коммунарники захватили, при помощи еврейской роты, дальнейшие орудия и, как-раз в то время, когда коммунарны пытались на подводки, чтобы выбраться из коммуны, открылся в коммуне ураганный артиллерийский огонь. Все думали, что к коммуне подошли немцы, и потому бросали все, что было из одежды, и, под взрывами снарядов, вытаскивая своих детишек, никогда не слышавших такой бешеной артиллерийской канонады и кричавших, заглушая оханья, и крики своих матерей...

Теперь все — и матери и дети — смеялись, рассказывая об этом, но тогда они не сознавали, кто что делал, и кто и на что бросался...

Далее, мои близкие рассказывали мне, как они отступили с какими красногвардейскими отрядами, как панически покидали Ростов (они, оказывается, отступали в тот день, что и я, из Ростова), где и как скитались после Ростова. Все их рассказы носили потрясающий характер. Дорожке много наших друзей, — говорила за всех коммунарнов одна женщина, — осталось. Не могли переносить ужаса, какой выпадал на нашу долю в каждом городе отступления от немцев. Но мы, вот эти несколько человек, решили держаться до тех пор, пока не узнали бы, где вы находитесь, Нестор Иванович, а потом пошлелись к вам, чтобы вместе с вами идти на свою батьковщину. Хотели завоевывать ее широкие степи и богатые зеленые нивы. Эти слова молодой коммунарки, окруженной тремя маленькими детками, меня сильно тронули. Но я старался кому не показывать этого и ограничился на сей раз уверением, что ни один из нас не должен и не будет здесь болтать без дела: все пойдем на вооруженный фронт революции, чтобы спасти ее, ибо только через революцию отвоюем мы широкие украинские степи и богатые зеленые нивы, на

ли перевес над разумом и она, словно дитя, рыдала. В создавало во мне удручающее состояние духа. Все талкивало меня на мысль взять ее с собою, ибо вдвоем с ким, дорогим, легче умирать у дела... Но такое решение она и сама считала безумием. Она уже мало ходила, б лежала в постели...

Наконец, под стоны и всхлипывания моей под под плач некоторых матерей-коммунарок и всех детей, звуки песен моих славных товарищей мужчин-коммунар распрощался со всеми и думал сейчас же оставить Царицын. Но по дороге, сопровождаемый своими рицами, я наткнулся на один из царицынских киосков красовалась газета под заголовком «Анархия» (то была дневная газета наших московских анархических организаций). Я ее сейчас же купил и в ней прочел, что в Москве организовался «Союз идейной пропаганды анархизма», а декларация этого союза подтверждала этот факт.

Эта весть привела меня и моих товарищей в неопределимую радость. Правда, с идейной стороны, эта газета — нашему — далеко уступала газете Ростово-Нахичеванской группы наших товарищей, газете «Анархист». Но одно из достоинств этой газеты — ее доступность. Она выходит — анархических организаций в Москве на Малой Дмитровке 12-го апреля, все-таки выходит, радовало нас. И под влиянием этой, опять-таки чисто крестьянской искренности радости, я вместе со своими товарищами-коммунарами вернулся обратно на хутор Ольшанское.

Среди коммунаров мы прочитали газету еще раз и долго думали о том, чтобы хоть мысленно представить себе позицию анархического движения в целом, по отношению к катастрофическому положению революции. И мы рассуждали и спорили о том, что анархическое движение, поскольку оно не организовано, является беспомощным в поднятии масс против зарвавшихся правителей из Крестьянской партии. Но что сейчас оно проявляет себя только в лубочной, безответственной литературе, на деле же оно — жалкое, тщедушное. Для того, чтобы оно было могучим в действительности, нужно его организовать и вооружить средствами социального действия, соответствующими времени и техническому прогрессу, из которого черпают средства враги революции в своей борьбе с нею. — Анархисты, нужно сказать пр...

говорил я тогда же своим товарищам, проявили себя настолько бесшабашными за год революции, что надеяться на то, что мы увидим свое движение организованным и могущим в смысле влияния на развитие и плодотворные результаты революции, можно лишь, если мы сами имеем силу воли. Мы сами будем работать для этого. А наши силы известно...

...больно было за свое бессилие и за силы тех, которые имеют, но тратят не на то, на что, по-моему, нужно было бы их тратить...

Товарищи и друзья-коммунары заметили мое расстройство при беседе на эту тему и осмелились предложить мне куда-то уехать, отдохнуть возле них. Я не понял их предложения, а усталость чувствовал большую и лег отдохнуть. Товарищи думали, что я отложил свой отъезд, и радостно этому. Но через три часа их радость кончилась. Как только проснулся и увидел, что время уже позднее, уже второй мой пароход ушел, — я, вторично уже ни о чем не прощаясь, кроме своей подруги, покинул хутор Ольшанское.

У царицынских паромных пристаней я встретил своих товарищей из анархистов других городов Украины. Они пропустили два парохода, в ожидании меня, и за это дело меня выругали.

Теперь мы взяли билеты до города Саратова и уехали на пароход.

Еще час, и мы были в дороге к краевому в то время губернскому Поволжья — Саратову.

Глава X.

САРАТОВ. АНАРХИСТЫ ПРИЕЗЖИЕ И САРАТОВСКИЕ. МОЕ БЕГСТВО С РЯДОМ ТОВАРИЩЕЙ.

Только по прибытии в город Саратов, я определенно узнал, что Украинская «Социалистическая» Центральная

Рада, приведшая шестисот-тысячную немецко-австро-венгерскую контр-революционную армию, под верховным руководством барона фон-Эйхгорна на Украину, 22 апреля 1918 г. была низвергнута украинской и русской буржуазией при прямом содействии этих ее же союзников в борьбе против революции.

По газетным сведениям (правда, уже старым для меня), я узнал, что как-раз в то время, когда эта пресловутая Рада была низвергнута, она заседала, принимая проекты земельной реформы, утверждавшей право (для кулаков и помещиков, нужно понимать) собственности на землю свыше 30-40 десятин, и что с 29 апреля Центральной Радой вообще не существует на Украине. Теперь там «выборный царь» — гетман Павло Скоропадский.

Все эти сведения лишний раз подчеркивали правильность моей позиции по отношению Центральной Рады и ее политики. Но во всем совершившемся на Украине в пользу гетманщины виноваты были, по-моему, и большевики и левые социалисты-революционеры. Первые своей политикой брестского договора с немецкой контр-революцией. Вторые — тем, что не разорвали сразу же своего блока с правительством Ленина, не выступили из ВЦИК советской и не повели борьбы против оккупации Украины немецкой контр-революцией вместе с массами, непосредственно, на местах. Это был момент, когда Украинские революционные трудовые массы шли на всякие жертвы во имя недопущения на свои земли, в свои села и города, немецких и австро-венгерских контр-революционных армий, а также разведывательных отрядов, шпионов и провокаторов Центральной Рады, которые указывали этим армиям сокращенные и верные пути передвижения, доносили и помогали пороть шомполами, вешать на телеграфных столбах, загонять в тюрьмы, а затем расстреливать по ночам непокорных и революционных украинских крестьян и рабочих.

Перечитывая все, какие мне попадались, газеты, и видя из них, что свершилось на Украине, я обвинял в происшедшем все политические партии: в первую очередь украинские, а затем и кремлевские, т.-е. большевиков и левых социалистов-революционеров. Принимая все происшедшее близко к сердцу, как, вероятно, каждый революционер, понимающий, что революция совершается не для привилегий партии

для экономического равенства и социальной и духовной независимости трудящихся от их поработителей капитала и их слуги, государства, роль которого выражается в организации грабежа и насилия меньшинства над большинством, я остро почувствовал в себе смесь гнева и жалости по отношению к революционерам всех направлений, и к коммунаркам, оставшимся в хуторе Ольшанское. В них я обобщал подробности низвержения Украинской Центральной Рады и восстановления на ее место гетмана, окруженного и поддерживаемого Украинской и Российской контр-революционной нечистью, с одной стороны, и немецко-австро-венгерским юнкерством, с другой.

— Палач воссел на трон Украинского самодержца, — писал я коммунаркам, — и ставит своей задачей закончить неоконченную Центральной Радой казнь над Революцией на Украине. Время самое тяжелое для Революции. Я пишу на Украину. Вы же, друзья, постарайтесь оставить своих жен и детей, идите сейчас же добровольцами в отряды 1-й Красной Армии. При ликвидации контр-революции, — вы извне, мы, подпольщики, изнутри, — встретимся и вместе отпразднуем торжество подлинной народной Украинской Революции...

Когда я оторвался от просмотра по газетам событий на Украине, я разыскал Саратовский «Дом Коммуны». Это — дом-ночлежка для всех приезжих революционеров. В этой ночлежке я встретил анархистов из Екатеринослава: Озерского и Тарасюка.

Первому из них было простительно валяться в ночлежках в домах коммуны. Он из революционера-анархиста превратился в короткое время, чуть ли даже не за время отлучения, в крайнего пацифиста, осуждавшего всякое насилие, даже при обороне себя от нападающего.

Второй же оставался революционером анархо-синдикалистом. Над ним я подтрунил, и дошло чуть не до скандала. Правда, я не оправдываю себя целиком. Но мне казалось странным, в дни жестокой схватки революции с контр-революцией, валяться в постели ночлежки до 16 часов в сутки, пусть даже и во время гонения на нас со стороны ополчивших в то время Ленина и Троцкого с большевистскими лево-эсеровскими чекистами. Я, в своем миропонимании,

мыслил революционера действующим в гуще народа. Видеть товарищей валяющимися по неделям в ночлежных домах доставляло мне много боли. И я страдал, хотя и отдавал себе отчет, что не одиночки повинны в создавшемся положении. Не сами по себе одиночки повинны в том, что они, словно испуганные вороны, мечутся с места на место, зачастую без всякого дела, просто потому, что, де, «в таком-то городе что-то нашими делается, поеду туда»... И едет такой одиночка иногда недели и месяцы, палец о палец не ударяет, и даже на месте не думает ударять, во имя дела нашего движения... Нет! Не сам этот одиночка повинен в том. Виновата форма и внутреннее содержание наших анархических организаций. Организации эти нездоровы в своем существе. Они сами приемлют и развивают неправильное понимание цели не только всего нашего движения в целом, но даже своей маленькой организации. «Нет, от подобного рода формы и внутреннего содержания анархической организации надо бежать», — убеждал я себя: «Момент требует идеологического и, в особенности, тактического объединения анархических сил, ибо только тактическое единство поможет нам творчески выявить среди заинтересованных в успехе революции трудовых масс практические начала анархизма от которых, в свою очередь, почти полностью зависят рост, развитие и защита революции в том ее понимании, которое приемлемо для ее прямых творцов; а таковыми всегда являются сами трудовые массы в своих непосредственных действиях у себя на местах».

Тут же, в эти дни, я встретился с членами нашей Гуляевской Польской крестьянской группы анархо-коммунистов: тов. Павлом Сокрутой, Владимиром Антоновым и Петровским. Они искали этот Дом Коммуны, надеясь в нем узнать что-либо о том, что они хотели знать.

Я рассказал им о том, что мы устраивали конференцию в г. Тагадрог, и к чему на ней пришли. Все они признали целиком постановление конференции и решили возвратиться как можно скорее на Украину, поближе к Гуляевскому Полю, вера в революционный дух населения которого во всех них жила, как и во мне.

Вместе с этими своими друзьями и товарищами по группе, а также с рядом других, съехавшимися в г. Саратов анархистами, при участии наших саратовских товарищей

мы устроили в Саратове конференцию, пытаюсь, во-первых, поддержать общими усилиями саратовскую анархическую газету «Голос Анархии», которая была в это время накануне своей смерти; во-вторых, мы хотели определить более точно свое отношение к позорным актам Ленина и Троцкого, а через них и всей советской власти на местах по отношению к нашему движению вообще; и, в-третьих, мы надеялись использовать газету «Голос Анархии» для коллективного призыва ко всем анархистам, отступившим под натиском контр-революции из Украины в Россию: призыва установить единство тактики в своих анархических действиях и поспешить возвратиться на Украину, где повсеместно, общими силами, начать организацию свежих сил для организованной борьбы за революцию, за выявление в ней более конкретно ее практической цели.

В этих видах мы все, приезжие анархисты, пожелали выслушать доклад от Саратовских анархистов: Каково положение анархистов и их работы в Саратове, и не будет ли с их стороны помехи нам в намечаемом деле?

Доклад об этом мы заслушали из уст Макса Альтенберга (он же Авенариус). В своем выступлении докладчик сперва объяснил нам, что газета «Голос Анархии» вряд ли будет выходить дальше, из-за отсутствия денег. На это я со своими товарищами по группе ответила тем, что дали редакции денег на один номер.

Далее, докладчик объяснил нам положение анархической работы среди рабочих в городе и среди крестьян по селам. Оно было печальным. Работа Саратовских анархистов в городе и по селам, облегчающим его, была очень слабой и для момента неудовлетворительной, так-как она выражалась в освещении теории анархизма и только; практические же стороны его в момент революции, когда с анархическим движением революционные власти считались, а трудовые массы к нему прислушивались, в него верили и надеялись, что из-под боевых знамен анархизма начнется их организация и в деле потребления, и в деле производства, и в деле защиты тех насущных свободнических творческих начал, без которых формулировать, развивать и разрешать эти три основных задачи нового социально-общественного строительства немислимо, — эти стороны почти не затрагивались. А если и затрагивались, то, благодаря неподготовленности

К ним анархистов, последние не могли ни сами как следует воодушевиться ими, ни воодушевить ими трудящихся, кровно заинтересованных в торжестве свободы над произволом, равенства над безправием и в переходе к ним, труженикам, завещанного им историей общественного капитала: земли, фабрик, заводов, железных дорог, и т. д., и т. д.

Докладчик, Макс Альтенберг, бессилён был удовлетворить с'ехавшихся в г. Саратов анархистов, как своим пониманием момента революции, так и своим освещением роли нашего движения в ней. Не мог он удовлетворить их и своей осведомленностью о том, в каком направлении и как город Саратов соприкасается с фронтом контр-революции. В этом вопросе докладчик старался затушевать и скрыть от аудитории свою неосведомленность. Не раз повторял он, что он очень близок к «Саратовским Смольным» (Революционный краевой комитет) и бесцеремонно лгал нам, что, дескать, город Саратов — накануне эвакуации. К нему, де, со стороны городов Балашова и Калача, продвигаются чехо-словаки, а потому, мол, «вы раз'езжайтесь из Саратова», — просил нас докладчик.

Большинству аудитории нашей конференции было ясно, что докладчик, предлагая нам покинуть Саратов, выполняет поручение его близких, врагов анархического движения, из «Саратовского Смольного». Из-за этого пункта, многие товарищи, в том числе и я, поссорились с докладчиком. Мы хорошо знали, что чехословацкие воинские части в этой области в то время не предпринимали вооружённых действий против большевистско-лево-эсеровского блока. Поэтому для нас неопровержимо ясно было, что докладчику и его товарищам, после разгрома большевиками анархических групп в Москве и других городах, выгодно было приспосабливаться к тону «Саратовского Смольного». Докладчик, как и «Саратовский Смольный», не хотел, чтобы с'ехавшиеся из Украины анархисты занялись делом анархического движения в Саратове. Чувствуя неопровержимую правильность этого объяснения, ряд товарищей обрушились на докладчика с резкими нападками, и на этом Саратовская Конференция закончилась. Многие товарищи в тот же день раз'ехали по другим областям России.

Здесь, в г. Саратове, я впервые встретился с анархисткой Аней Левин. Помню, товарищи сказали мне, что она

— бывшая каторжанка. Последствия режимов царской казни дают себя чувствовать. Она лежит в больнице. Я не замедлил посетить ее. В группе товарищей, отступившей из Украины, оказался товарищ Аня Левин — Рива (член Мариупольской группы анархо-коммунистов). С нею и я пошел в больницу навестить товарища.

Т. Аня приняла нас и долго мило беседовала с нами о прошлом и о настоящем. Помню, как сегодня, я спросил ее о состоянии здоровья, а она в ответ просила рассказать ей, что делается нашими анархическими группами и организациями. Это меня радовало. Я сознавал, что жить и болеть тем, что делается всюду в стране нашими группами и организациями, может только испытанный и искренний товарищ. Именно таким она мне казалась, и я от всей души желал ей как можно скорее окрепнуть и выписаться из больницы. — Наше движение, — говорил я ей, — могуче, но дезорганизовано; его нужно организовать и вооружить новыми средствами, свежими и здоровыми волею силами.

Попрошавшись с Аней, мы оставили ее в больнице. И больно было на сердце, что в такое время, и таким именно товарищам, приходится валяться по больницам, залечивать раны — последствия прошлого строя.

* * *

Товарищи мои по Гуляй-Польской группе анархо-коммунистов — Павел Сокурта, В. Антонов, Петровский — выехали тоже, в направлении Украины.

Я же, державший направление на Москву, остался с рядом товарищей, пока-что, в Саратове. Из Мариупольской группы со мной остались тов. Любимов (матрос) и Рива; из Юзовских товарищей — Васильев; из Екатеринославских — т. Гарин. Фамилии и места проживания многих других, оставшихся со мною товарищей я забыл.

Тем временем мои друзья завязали связи с организацией моряков-матросов Кронштадтцев и Черноморцев. Эта организация была в то время в г. Саратове единственной силой, которая могла помешать развитию самодурства красной Саратовской власти. Она и готовилась к выступлению против Чеки и за раскрепощение свободы слова. Мне лично эта организация матросов казалась свободой слова. Мне лично Я об этом говорил своим товарищам. Но в ее требованиях,

во имя которых она готовилась к вооруженному выступлению против Чеки, было так много справедливого, что кричать против нее открыто я стыдился. Чека была явно контрреволюционной силой, по сравнению с этой организацией.

В это же время прибыли в город Саратов отряд «Одесских Террористов». Он насчитывал до двухсот пятидесяти человек. Все были вооружены с ног до головы. Все те бойцы из этого отряда, с которыми я виделся в городе (отряд со своим эшелонном остановился в городке-поселке при г. Саратове), заявляли себя «одесскими анархистами-террористами». Этот отряд, как и многие другие, отступил из Украины, не остановился на фронте и не дал разоружить себя под г. Царицыном. Он пробирался теперь через Центральную Россию на противо-немецкий и гетманский фронт, на Украину, и считал наиболее удобным переход границы в Курском направлении.

Когда этот отряд прибыл в Саратов, он остановился в городке. Но отдельные бойцы его начали шататься по городу, в Саратове. Бдительная краевая «советская» власть, которая в это время уже нацупала организацию матросов Балтики и Черноморья, обратила свое внимание и на этот отряд «террористов»... Помню, некоторые матросы говорили: «Наша организация почти раскрыта. Вследствие этого, многие из нас на время покидают г. Саратов...» «Террористы» же из Одесского отряда заявляли: «А мы не боимся власти. Если она нас затронет, мы ее разгоним из Саратова»...

Все эти обстоятельства заставили меня прибегнуть к некоторой осторожности. Я с т. Васильевым и т. Ривой перешли из гостиницы «Россия» на частную квартиру, подальше от центра города. Остальные наши товарищи остались в «России». Они имели знакомых среди «Одесских террористов». Последние манили их в свой отряд, и они, хотя и осуждали название и поведение этого отряда, продолжали с ними встречаться...

Как-то раз, когда ряд «Одесских террористов» ранним утром зашли в гостиницу «Россия» посетить своих знакомых из наших товарищей — попутчиков от самого Ростова, гостиницу оценили чекисты и обезоружили «террористов», среди которых оказался и сам командир их, а заодно с ними и всех наших товарищей.

Обрадовавшись тому, что среди обезоруженных «терро-

ристов» находился и сам их командир, по прозвищу «Миша», Саратовские чекисты, оставив всех обезоруженных в гостинице «Россия» под охраной двенадцати вооруженных карабинами красноармейцев, сами, схватив этого командира Мишу с собой на извозчика, окружили себя конными коммунистами-чекистами и быстро помчались в направлении городка, чтобы разоружить весь отряд «Одесских Террористов».

По дороге к «городку», чекисты наткнулись на троих бойцов из отряда «террористов», которые шли в город, — видимо, тоже в гостиницу «Россия». Чекисты решили их схватить. Но люди эти, заметив, что останавливающие их чекисты везут с собою их командира, не задумываясь, начали бросать в гущу чекистов бомбы, в результате чекисты, и пешие, и конные, разбежались, оставив командира отряда «террористов» связанным, но невредимым, на извозчике. Таким образом, и эти три человека, которые метали бомбы в чекистский отряд, пытавшийся их задержать, и их командир, спаслись.

Акт трех человек из отряда «террористов» во мгновение ока стал известен в центре города, в частности в гостинице «Россия». Услышав о нем, обезоруженные «террористы» и наши товарищи, оставшиеся в этой гостинице под охраной 2-ти конвоиров, напали на последних, быстро обезоружили и повязали их, вышли из гостиницы и скрылись.

Через полчаса, двое из них прибежали на одну из квартир наших товарищей и сообщили через эту квартиру мне о случившемся в гостинице «Россия», — в частности, об акте трех человек из отряда «террористов». А еще через час-два, мы, в числе 15-20 человек, по одиночке и по два, сходились у парходной пристани «Русь», где уселись на один из отходивших пароходов (кажется, по имени тоже «Русь») и в после-обеденное время, плыли уже вниз по течению Волги, в город Астрахань, без всяких, конечно, гарантий за то, что нас чекисты не схватят на пароходе и не расстреляют без всякого опроса и разбора. Правда, одна гарантия у нас была: это — револьверы, бомбы и сила воли, чтобы, в случае чего, овладеть пароходом и причалить к берегу там, где нам нужно. Но оказалось, что мы уселись на пароход никем из чекистских сыщиков не замеченные и дое-

Г. АСТРАХАНЬ. МОЙ УХОД ОТ ПОПУТЧИКОВ ПОИСКИ РАБОТЫ. ВСТРЕЧА С АСТРАХАНСКИМИ АНАРХИСТАМИ И ВЬЕЗД ИЗ Г. АСТРАХАНИ.

Как только мы все вступили на мостовую г. Астрахани мы в первую очередь обратились в Астраханский Совет с просьбой дать нам квартиры. В Совете нам дали списки на занятие номеров в одном отеле, в котором я и переночевал одну ночь. А затем я, с товарищами Любимовым и Ривой, пошли искать работы, чтобы с неделю-две прожить, навлекая на себя никакого подозрения. Да и хотелось познакомиться с населением Астрахани, с его отношением к революции и к новой власти.

Товарищ Любимов нашел себе работу матросом на частном пароходе. Я познакомился с одним из местных максималистов, который осветил мне положение астраханского фронта и посоветовал мне обратиться в Краевой Астраханский Совет, который помещался в это время в Астраханской крепости, в архиерейском доме. Там, дескать, мне посидеть, стуют найти подходящую работу. Товарищу же Риве работы на пишущей машинке не попадалось, и она, оставив поиски работы, возвратилась к остальным товарищам.

Добился я пропуска в Краевой Астраханский Совет. В Совете меня принял товарищ председателя — максималист Авдеев. Долго говорил он со мною, расспрашивая меня то о том, кто я — большевик или социалист-революционер (правый, левый), или максималист, или анархист, то о положении противомемского фронта, то о том, как украинские труженники встретили немецкие армии, и т. д.

Обо всем я говорил с ним совершенно свободно и открыто; лишь не сказал, к какой революционной группировке принадлежу. На желание тов. максималиста узнать это я ответил тремя десятками слов: — Зачем вам лезть в мою душу? Документы мои говорят, что я революционер и говорю о том, какую я играл роль в известном районе на Укра-

е. К контр-революционерам я не принадлежал и не принадлежу.

Товарищ Авдеев несколько смутился моим ответом, однако был мил и искренен в дальнейшем разговоре. Он спросил меня, не желаю ли я остаться, пока-что, в агитделе при Краевом Совете?

Я ответил: — Я хочу работать и буду работать где угодно, кроме чрезвычайки и милиции.

Он вызвал председателя агитотдела, который через 10 минут прибыл. Последний был грузин. Авдеев познакомил меня с этим грузином, «левым» большевиком по убеждениям, и я был зачислен членом агитотдела, на пакк хлеба на бесплатную квартиру. От квартиры я отказался, так как уже нанял с тов. Любимовым.

В тот же день я перешел от своих товарищей из отеля поселился вместе с тов. Любимовым. Помню, мои попутчики были недовольны, что я от них ухожу. Но я хотел удивиться, хотя бы в ночное время, от споров и крика. Я велел им о своем отступлении из Украины, о связанном с ним путешествии; и поэтому, на возмущение товарищей, я не обращал внимания, тем более, что эти мои товарищи нашли себе дешевые номера и решили задержаться в г. Астрахани несколько месяцев, тогда как я должен был, во что бы то ни стало, быть к 1-му июля на Украине, если и не в самом Губин-Поле, то обязательно в его районе. Сперва товарищи завязались и моему уединению, и моему бесчувствию к их воплю; но когда узнали, в чем дело, они начали посещать меня, во всем советоваться вплоть до моего отъезда.

За те дни, что я числился в агитотделе, я разыскал астраханскую группу анархистов-коммунистов. Она издавала газету: «Мысли самых свободных людей». Товарищи этой группы показались мне очень славными работниками; но они не могли развернуть своей работы; они были связаны чекой. Им нельзя уже было свободно выступать публичной критикой против всех ужасов, творившихся чекой. В их бюро всегда находились чекисты — правда, не официально, а под видом рабочих или интеллигентов, разочаровавшихся в той или иной идее и теперь ищущих себе душевного удовлетворения в анархизме. Большинство дней моего пребывания в г. Астрахани я и проводил то с тем, с другим товарищем из группы астраханских анархистов.

Тут же, в Астрахани, в газете «Мысли самых свободных людей», я поместил первое свое стихотворение, написанное на московской каторге, под названием «Примы» и за подписью «Скромный» (мой псевдоним на каторге).

За эти дни я имел возможность походить по городу свободно осмотреть развалины его зданий. — Почему так разрушен? Что здесь жестокие удичные бои были, или? — спрашивал я и у своих товарищей, и у официальных максималистов и большевиков. И получал один ответ: — Во время революции здесь восстание против царской власти и власти временного правительства делали казаки. В их представлениях, революция тесно связана с ее практической стороне, с грабежом. Они жгли буржуазные дома, жгли магазины. Требовалась большая организационная сила и энергия со стороны революционеров, чтобы очистить от этой примеси принципы революции.

И, действительно, кто мог взглянуть на этот город в то время, тот мог бы сказать, что спасение другой его части от разрушения стоило колоссальных усилий тех, кто вел за собой массы угнетенных властью, оскорбленных и униженных обратным грабежом со стороны буржуазии всех видов, которая, под покровительством власти, совершала его над этими массами.

Однако, возвращаясь к моему агитотделу. За неделю что я в нем числился и ходил на его совещания, я заметил, что за мною следят, что-то подмечают. Но, не показывая виду, я набрался нахальства: наравне с другими видными членами агитотдела, вносил свои поправки по тем или другим вопросам, вмешивался в споры об экономической и политической стороне жизни страны. И это, как-будто, проходило мне. Но проходит день, другой, третий, — я сдержанно, но определенно, говорю красногвардейцам, ухаживающим на Петровский боеучасток фронта революции, что в задаче нас всех, трудящихся, входит одна цель: это — полное экономическое и политическое раскрепощение себя. Революционный солдат должен над этой целью серьезнейшим образом подумать и провозгласить ее лозунгом дня. Это воодушевит трудящихся во всех уголках страны, и наша победа над контр-революцией завершится празднеством мира, равенства и свободы, на основе которых и начнется строительство нового свободного коммунистического общества...

За то, что я осмелился говорить с революционными властями не по программе агитотдела, я получил особое задание, с выдачей мне на дорогу денег, и с запросом: — «Вы хотите стремиться в Москву?»

— Да, да, я должен пробираться в Москву, — ответил своим коллегам из астраханского агитотдела. А затем я пошел в группу астраханских анархистов и, поцарапавшись с ними, взглянул к товарищу Любимову на работу: спросил его пойти и купить мне на какой-либо пароходной пристани билет до Саратова, а сам начал укладывать свои вещи в чемодан с расчетом, чтобы сегодня же покинуть разрушенный, на взгляд социально-демократический, город Астрахань.

Товарищ Любимов пошел за билетом, но не купил его. Вернулся ко мне без билета и заявил, что я ошибся, дав денег на билет до Саратова: — Тебе, — говорит, — билет нужен до г. Царицына; ведь твои друзья-коммунары и моя жена находятся под Царицыном... Слово кипитком ошарил меня тов. Любимов, не взяв билета потому, что я, дескать, ошибся, куда мне нужно было ехать.

Я с ума сходил от досады, тем более, что пароходы были, теперь уже ушли. Я должен был оставаться еще на сутки в Астрахани.

Итак, я остался, не поехал. Тов. Любимов был рад и скрывал этого.

Лишь когда я ему объяснил, что могу опоздать во-время вернуться на Украину, и что мне теперь не до коммунаров и не до жены, поселившихся на крестьянских квартирах и живущих в мирной обстановке, он смутился. От злобного терпю равновесие, тычу ему под нос кучу газет, кричу: На, смотри и читай, что делается на Украине: всюду понодуют, стреляют, вешают революционных крестьян и рабочих, а ты мне говоришь, что я ошибся в названии места, которого нужно было купить мне билет. Ты говоришь, что я думал взять билет до Царицына, а сказал до Саратова. Сумасшедший ты, дружище!

А когда мы оба успокоились и сели за стол поужинать, я снова прочел сведения из Украины о том, как возвращаются «свои» усадьбы бежавшие из них во время революции и

помещики, и как, с помощью солдат немецкой и австрийской армий, у крестьян отбирают живой и мертвый инвентарь, как крестьян наказывают... Параллельно с этим вспомнил я и сопоставил все те наказания, которым я лично подвергался на каторге за непокорность режиму. Это не помнило мне мое обещание, данное сидя еще в гнусных и зематах тюремных стен, вырваться на волю и отдаться воцело делу борьбы трудящихся с их бесправием соответствующими времени средствами.

Я перебирал мысленно причины нашего отступления из Украины, все те практические соображения, которые мучили меня, после таганрогской конференции, двинутые с рядом товарищей, на известное время из Таганрога далеко вглубь России, благодаря чему я теперь путаюсь в подразабужденной Астрахани. Я передумывал все это и жестоко укорял себя за выезд из Украины. А время неслось своим чередом. И мне казалось, оно так быстро и так много уносит от меня того, что, быть-может, другие будут передавать, на чем, быть-может, многие погибнут там, на Украине, в вооруженной схватке революции со своими палачами.

Все это меня возбуждало, усиливало во мне гнев и ненависть к самому себе, к товарищу Любимову, ко всем, с кем я связан в пути следования на Москву... Но больше всего злило меня на большевистско-лево-эсеровскую власть, которая казалась самой главной виновницей того, что трудовой организм страны разорван на разного рода политические группировки, благодаря чему народ оказался беспомощен и не способен поднять все свои силы на борьбу с вооруженной контр-революцией и помешать ей овладеть Украиной. Во имя антипартистических целей отдельных политических шовинистов во имя их власти над украинским трудовым народом, истощившись теперь все лучшее в революции, вырвались из рядов самые преданные революционные сыны, убивали они, а с ними и надежды многомиллионных украинских тружеников села и города на победу революции. Правда, и дейшая Центральная Рада сдала уже в это время свою власть гетману. Вся эта контр-революционная сволочь, которая, видимо, сама не замечала, куда шла до сих пор и куда вела своих союзников, — немецких и австрийских сатрапов, — была теперь в плену у этих самых союзников. Она уже не могла сама творить того гнусного дела

в революции, которое она творила и позволяла от своего имени творить этим своим союзникам. И эти «добрые, славные» помещики, на которых Центр. Рада, так надеялась в своей борьбе с большевиками, левыми социалистами-революционерами, анархистами, в борьбе со всей революцией, теперь низвергли свою союзницу и предали Украину буржуа водрузить на ее место Гетмана. Теперь он, этот новоиспеченный царь-бандит, дал свое имя немецким и австро-венгерским бандитам, чтобы они могли творить свое гнусное дело над Украинским трудовым народом. Бандит-гетман обязался перед Вильгельмом II немецким и Карлом австро-венгерским продолжать в союзе с ними дело Украинской «социалистической» Центральной Рады, и продолжать ее определено и с еще большими гарантиями, чем можно было ожидать от Центральной Рады. Немецкие и австрийские цари и буржуа так нуждались в украинском хлебе и мясе, так желали расцвета Украинской Монархии, помощи от нее не только хлебом и жировыми веществами, но и живым человеческим мясом, если не против республиканской Франции, то хотя бы против Русской Революции, и ради рассадины революционных бурь и пожаров, предвещавших гибель буржуазному классу и, в первую очередь, царям и их коронам!...

На этом деле бандиты нашли общий язык. Украинский бандит, судя по газетам, принял все планы немецко-австрийского военного командования, и в отношении Украинского трудового народа, и в отношении его богатств. Предвиделось полное ограбление тружеников, — ограбление, начатое немцами и австрийцами еще вместе с Радой. Теперь оно имело шансы еще более разрастись. Но неужели Украинские революционные труженики не воспрепятствуют ему?... Нет, они опомнятся, они положат конец этой подлости. Нужно ехать к ним, нужно быть среди них...

Так, освещая товарищу Любимову положение на Украине, каким оно мне представлялось по последним сведениям, просидел почти до утра.

Тов. Любимов заявил мне, что и он едет со мною, но я ему советовал, мотивируя тем, что я сам еще не знаю путей через границу, которая, по сведениям, на всем своем протяжении бдительно охраняется немцами.

Мы условились, что я из Москвы, а в крайнем случае из Курска, напишу ему подробности о границе, и он немедленно покинет Астрахань.

На утро, я, в сопровождении тов. Любимова и Васильева, был уже на пароходных пристанях и в последний раз наблюдал всероссийское богатство, выражавшееся в безпрерывном движении тысяч пароходов, шхун, лодок и лодочек прибывавших и отбывавших с товарами во всех направлениях. Это живописное движение сочеталось с природной красотой дельты реки Волги, окаймленной песчаными берегами и черными заметами на диком пустыре по-над берегом. А в десять часов утра, мы все трое пожали друг друга, облобызались, обещая встретиться на Украине, и я встал на палубу парохода «Кавказ и Меркурий». Был час отправления. Понюхав пароход, отчаливал, мы еще раз перекликнулись двумя-тремя фразами, перебросились, словно дети, двумя-тремя братскими поцелуями, махнули платочками, от чего я расчувствовался... А далее, я выскочил на палубу парохода и устремил взор в оставляемую Астраханскую пристань, на всю ширь Волги, подходящей здесь к Каспийскому морю, и не отрываясь от этих видов, пока движение парохода не скрыло их от меня.

Глава XII.

В ПУТИ ОТ АСТРАХАНИ ДО МОСКВЫ.

Против течения пароход шел не так быстро, как я представлял себе. До Саратова путь далекий, и это дало мне возможность наедине сосредоточиться и подумать о том, куда я еду и зачем.

Куда я еду — это было просто и понятно. Я еду до Саратова пароходом, а там сяду в поезд и от'еду в Москву. В центре бумажной революции я увижусь, с кем пожелаю поговорю, о чем захочу, и направлюсь на Украину. Так же ведь решали на Таганрогской Конференции!... Кажется, тоже все просто и понятно. Однако, я о чем-то тревожился. Что-то нагоняло на меня какую-то навязчивую боязнь о

ответственности перед тем, что предстоит мне с рядом товарищей начать на Украине, в связи с борьбой не на жизнь, а на смерть, со всеми явными и тайными силами контр-революции. Вот, я еще раз пересмотрел газеты с сообщениями о действиях немцев и гетманщины на Украине; еще раз продумал цель, во имя которой я и многие мои близкие, дорогие друзья и товарищи по группе должны быть к первым числам июля на Украине. Во всем, что я продумывал, я сознавал великое дело, — в особенности, если мы начнем это удачно, если разовьем и предохраним его от искажений, которые могут найти себе место в нем, хотя бы уже потому, что мы растворимся в массе тружеников, сбросим белые перчатки с рук и слашавую идеализацию с уст, и поведем собой в бой против контр-революции широкие массы, действие которых встретит жестокое противодействие со стороны наших врагов, врагов подлинной революции, а это обстоятельство придаст нашей борьбе всевозрастающий, неуничтожающий, на пути противодействия, характер. В этой жестокой борьбе моральные стороны преследуемой нами цели неизбежно будут уродоваться и будут такими подливыми казаться всем до тех пор, пока связанное с этой целью намечаемое нами дело борьбы не будет признано всем населением своим делом и не начнет развиваться охраняться непосредственно им самим... Да, да, все это так... Но правилен ли подход к этому делу? — задавал себе вопрос. — Можно ли, посредством отдельных групповых выступлений против помещиков, немецко-австрийского гетманского командования и устанавливающихся под военной охраной учреждений, поднять на борьбу широкие трудовые массы? Ведь прошло уже больше месяца с тех пор, как над украинскими тружениками села и города царит тишина упомянутых палачей. Неизвестно, какие психические изменения произошли в среде тружеников за это время. Ведь может случиться, что они убаюканы (если действительно так) этими палачами так, что перестали думать о своем позорном положении... Может случиться, что весь бунтовской дух Украинских тружеников, под давлением жестоких казней, пал; что его заменил дух уныния, разбавства, скывывающий вольную мысль держания на луче... Все это может быть, — рассуждал я сам с собою, в своей одинокой тихой каюте...

Но когда я это «может быть» отбрасывал в сторону, ставил себе вопрос, мог ли бы я лично примириться с тем, что сейчас воцарилось на Украине, с тем, что совершается над ее трудовым населением, — именно я, вышедший из недр этого населения, знавший его рабскую жизнь и то, как она наполювину свергнув гнет опуставшего его экономическое и политического рабства и ощутив на этом пути свободу, стремилось воспринять для своей жизни новые идеи, разбравшись в их содержании и, вступая на путь строения новых форм социально-общественной жизни, вооружало ее новыми порядками, новым правом, которое обеспечивало бы свободу и социальную справедливость одинаково за каждым человеком, — когда я ставил себе этот вопрос, тогда мое допущение, что, может-быть, Украинские труженики психологически изменились под давлением казней и утратили свой бунтовской дух, свою готовность новой, более цельной борьбе за свое освобождение, быстро теряло значение для моей оценки положения на Украине. В моей непримиримости с тем, чтобы на Украине надолго воцарилась корона гетмана и немецкое юнкерство, я чувствовал и видел непримиримость украинских революционных крестьян, на которых единственно была надежда, что они способны пережить всю деспотию гетманщины на себе, не помириться с нею. Наоборот, при первом удобном случае, они восстанут против нее и, не щадя себя, постараются уничтожить, как ее самое, так и те черные силы, которые способствовали ее приходу к власти над страной.

Эта моя глубокая вера в Украинское революционное крестьянство заслоняла для меня все те явления, которые на Украине развивались в это время на пользу гетманщины и которые, не имея их в себе веры в крестьянство, могли поколебать меня в моих планах возвращения нашей антигетманской группы на Украину и организации крестьянского восстания. С помощью этой веры в крестьянство, я сумел критически отнестись к тем явлениям, какие наблюдал в течение сорока-пяти лет назад на Украине, какие видел в будущем России и какие предполагал снова увидеть в недалеком будущем на Украине. И так-как это недалекое будущее представлялось мне отстоящим всего на один месяц, то к нему готовился, заранее радуясь той свободе, которую по моему, Украинское революционное крестьянство должно

было в будущем, намечаемом нами, восстание завоевать себе.

* * *

Пароход подходил к Царицынской пристани. Знал, что он здесь пристанет, я подумал: — А может-быть захватить за день-два к своим коммунарам, к подруге, которая вероятно уже родила мне сына или дочь?... Повидаться со всеми друзьями... Обнять, поцеловать дитя... И тут же вспомнил, что ведь Москва должна была взять у меня недели две, так как в центре бумажной революции я лелеял мысль встретиться с многими и разного направления революционерами... принужден был отказать себе в счастье увидеть своих родных, дорогих, близких. Я ограничился тем, что написал им несколько теплых приветственных слов на открытке и опустил ее в почтовый ящик.

На Царицынской пристани я купил свежие газеты. Они были полны сведений об Украине, о разгуде по ее городам и деревням экспедиционных карательных отрядов немецко-австрийских оккупационных контр-революционных армий и из армий «державной гарты» Гетмана. Все эти сведения об Украине переплетались со сведениями о боях Красной Армии с Чехословаками, прорывавшимися через центральную Россию в Сибирь, где в то время шла себе впрок плацдарм контр-революция адмирала Колчака, возглавлявших на него большие надежды, а потому облепивших его социалистов-учредителей.

Все эти сведения, вместе взятые, наводили на меня мысль, сменяющуюся подчас боязнью то за окончательную победу революции и всех ее завоеваний, то за то, что мне удастся пробраться в назначенному времени на Украину, и, если и удастся, то вряд ли я что успею сделать в области организации новой, более мощной по характеру и по вооружению социальными средствами действия, крестьянской революционно-боевой силы. Эта боязнь за то и за другое тогда овладевала мною настолько сильно, что бывали моменты, когда я не мог говорить ни с кем из пассажиров, даже если было необходимо, и не отвечал, когда кто-либо из них меня о чем-нибудь спрашивал.

Так, замкнувшись в самого себя, с подавленным чувством негодования на ход событий, на себя, на людей, так

или иначе ответственных за такие зигзаги в ходе этих событий, не замечая ряда пристаней между г. Царицыным и г. Саратовым, на которых, во время первого моего переезда их, я выходил, делая нужные покупки, наблюдал невольные приковывающие взор отлоги волжских берегов, я приехал в г. Саратов, из которого, всего две с половиною недели тому назад, бежал...

Теперь г. Саратов, как и его краевая «Советская» власть, показались мне совсем другими. За этот сравнительно короткий промежуток времени власть достигла больших «побед»: она разоружила отряд одесских террористов и посадила его в тюрьму; она сразилась на улицах города с организацией матросов Балтики, Черноморья и Поволжья и, хотя и потеряла свое роскошное здание «Смольный», в котором заседала и разрешала судьбы «своего» края (это здание было разрушено из орудий восставших), но разорвала и эту организацию. И теперь она, хотя и помещалась в одноэтажном хиленьком домишке, но чувствовала себя полной победительницей и хозяйкой города.

В Саратове я бросился сперва в сторону анархистов, но их уже там не было. Выехали в направлении г. Самары «Один только тов. Макс, с какими-то двумя барышнями гугається возле Революционного Комитета. Его там всегда можно найти», — сказал мне один из товарищей, знавший меня со времени Конференции приезжих анархистов.

Разыскивал я этого Макса и возле Ревюма, и в самом Ревюме, но не нашел. Это был период начала приспособленчества многих анархистов к официальным большевикам. Их трудно разыскивать в это время приезжему анархисту, в особенности при помощи распросов у тех, возле кого они вертелись. И то, что я не разыскал его, Макса, притом там, где он, по указаниям товарища, путался, лишь усилило во мне подозрение к нему. Я прекратил распросы и поехал и взял в Ревюме бумагу на получение внеочередного плацкартного билета до Москвы. На получение такой бумаги, по своим документам (Председатель Гуляй-Польского Районного Комитета Защиты Революции), имел право, я получил ее без всяких промедлений.

А чрез три-четыре часа я был уже снова в поезде и ехал в Москву.

В пути, вследствие каких-то железнодорожных недораз-

умений, которых мне не удалось выяснить, поезд задерживался очень часто на станциях и полустанках. Публика општалась, а кондуктора ее успокаивали пояснением причин таких частых задержек поезда. Причины эти были разные: здесь были и чехословаки, выступавшие против совласти, и дутовцы... Но, вернее всего, частые задержки поезда происходили от разрушенного железнодорожного транспорта, от нехватки угля, дров, и т. п.

В Тамбове я задержался на целые сутки. Спал в номере отеля. Днем бродил по городу, искал бюро анархистов. Хотел, увы, найти — не нашел. Попал к левым с.-револ. Среди них встретил немало бывших каторжан, знавших меня с московских Бутырок. От них я узнал, что в г. Тамбове сейчас что-то никого из анархистов не слышно. Не то ушли из Тамбовских тружеников, не то просто, не имея почвы в широкой массе, раз'ехались из города...

Больно мне было слушать от эсеров такое повествование об анархистах, но в нем была доля правды. Поэтому я опять, как только уселся в поезде на Москву, мысленно бросился в поисках тех социальных средств для социальных действий анархизма, которых анархизм, по-моему, не имеет, без которых анархизм бессилен организовать под своими знаменами широкие массы трудящихся и формулировать им в их решительной борьбе задачи дня.

Копаясь в этих мыслях, я невольно бросал взор на деятельность социалистов-революционеров, левых и правых, социал-демократов-большевиков и меньшевиков. В этом вопросе социализма я видел кипучую работу среди трудовых масс. Правда, работа социалистов этого рода сводилась, главным образом, к интересам их партии; но работа эта у них имела свое организационное лицо, с определенным выражением их воли, и была колоссальная работа. — Почему бы и нам, анархо-коммунистам, не заняться организацией своего движения и выявлением среди широких трудовых масс деревни и города организационных начал мыслимых нами социально-общественного строя? — задавал я себе вопрос. И тут же отвечал: — Мы не способны. У нас нет и нет навыка, нет практики держаться единства действий в делах нашего движения. Мы до сих пор не хотим понять того, что наши группы и группки, в разнородных, подчас все неанархических действиях, в которых мы привыкли

видеть цели нашего движения, не могут справиться с теми требованиями времени, идя навстречу которым, наше движение становилось бы все понятней трудовым массам, так-что они за него ухватились бы, как за единственное подлинное революционное движение... Но так ли будет у нас, на Украине, когда мы все благополучно возвратимся и займемся делом нашего движения, делом революции? — задавал я себе вопрос, и хотя не отвечал на него, но чувствовал, что так никогда у нас не будет...

Время на восходе солнца. Показалась Москва, со своими многочисленными церквями и фабрично-заводскими трубами. Публика в вагоне заворошилась. Каждый, кто имел у себя чемодан, вытирал его, так-как в нем было, у кого — пуд, у кого пол-пуда муки, которая от встрясок вагона давала о себе знать: высакивала мелкой пылью из сумок, сквозя замочные щели чемодана... Публика не рабочая. Предлагает повавшемуся встречному бешеные деньги за помощь пронести из вагона, сквозь цепи заградительного отряда при выходе из вокзала, свои вещи. Многие берутся, но большинство отказывается, заявляя: — Боюсь, попаду в Чрезвычайную Комиссию по борьбе со спекуляцией и контр-революцией...

Еще минута-две, и поезд подошел к вокзалу. А еще минута-две, пассажиры, с мукой в чемоданах, отмыкали свои чемоданы перед стоявшими агентами заградительных отрядов, арестовывались и, вместе с мукой, отправлялись в належащие штабы.

Глава XIII.

МОСКВА И МОИ ВСТРЕЧИ С АНАРХИСТАМИ, ЛЕВ. ЭСЕРАМИ И БОЛЬШЕВИКАМИ.

По приезде в Москву, как только я вышел из вокзала, я сразу же взял извозчика и поехал на Введенку, № 6, А. А. Боровому. Лично я тов. Борового не знал, но по газетам узнал, что у Борового можно встретить секретаря *Московского Союза Идейной Пропаганды Анархизма*, тов. Арши-

нова. Этот последний мне известен был еще с 1907 года, а на каторге я встретился с ним лично. И на каторге, и по выходе из нее, я верил, что мне придется с Аршиновым работать вместе на Украине. Но в скорости мы пошли, каждый, своим путем, то-есть: он, по примеру большинства анархистов, предпочел деревне город и остался в Москве, я же уехал в деревню и, хотя не порывал связи с городом, но работал в деревне, среди широкой массы населяющих ее тружеников.

Теперь, очутившись временно, не по своей вине, за пределами Украины, я решил посетить Москву. В этом центре «бумажной», как я уже выразился, революции нашли себе прочную оседлость все в и д н ы е революционеры всех толков и направлений. Именно со всеми ними, поскольку мне позволяло время, я, проделавший уже до некоторой степени опыт практической борьбы на Украине, и думал встретиться, поговорить, посоветоваться кое-о-чем. Но прежде всего я хотел встретиться с тов. Аршиновым, хотел узнать от него, в каком положении находится наше движение в Москве, после разгрома его большевистско-лево-эсеровскую «Советской» властью, 12 апреля.

Тов. Аршинов, как бывший секретарь «Федерации Тамбовских Анархических Групп», а в это время секретарь *Союза Идейной Пропаганды Анархизма*, должен был, по моему, знать положение нашего движения в Москве. Поэтому я его и искал.

Нашел я Введенку. Поднялся в квартиру Алексея Алексеевича Борового. Позволил. Дверь открылась, и меня встретил среднего роста интеллигентный человек, красивый и коропо, с особой четкостью, говорящий по-русски. Он провел меня далее, в коридор, и указал дверь в кабинет-библиотеку.

Не успел я перешагнуть порог этой двери, Алексей Алексеевич меня спросил: кого я здесь хочу видеть.

Я ответил: — Тов. П. Аршинова.

Последовал ответ: — Он здесь бывает два раза в неделю: по вторникам (если не ошибаюсь. Н. М.) и пятницам.

Тогда я попросил у Алексея Алексеевича разрешения оставить у него свой чемодан, полный тамбовских белых муток, которые я, слыша, что в Москве хлеба нет, привез собою. И услышав, что чемодан можно оставить, я оставил

его, простился с Алексеем Алексеевичем и ушел в город. Время подходило к обеду. Зашел, неподалеку от Пушкинского Бульвара, в ресторан. Пообедал. Обед плохой и дорогой, хлеба мало. Здесь я узнал, что хлеба можно достать, сколько хочу, но какими-то задними ходами и за большие деньги. Это меня так рассердило, что я готов был поднять скандал. Однако, не будучи уверен в том, что распродана хлеба за особую цену и задними ходами не производится самим хозяином ресторана, вместе с большевистскими и лево-эсеровскими чекистами, а также имея при себе револьвер, за который чекисты в то время могли даже не довести меня до Дзержинского — расстрелять, я воздержался от поднятия скандала.

И оказалось — был прав. Всего через пять минут по выходе из ресторана, я встретил бывшего своего товарища по категории, польского социалиста, некоего Козловского. В то время он был уже коммунист-большевик и занимал должность участкового милицейского комиссара. Он с большой радостью встретил меня. Повел меня в свой комиссариат, показал мне своих сотрудников и много кое-о-чем говорил со мною, извинительно подчеркивая мне, что если бы не требования революции, он ни за что не был бы на должности милицейского комиссара. Революция, дескать, от него этого требует.

Я изрядно посмеялся над его аргументацией, приведшей его на пост палача революции. Узнал я от него трамвайную линию до Анастасьевского переулка, где помещался комиссариат внутренних дел; а возле него (после разгрома Московских анархистов на Малой Дмитровке) большевистско-лево-эсеровская власть милостиво разрешила Московским анархистам занять себе, для нужд секретариата и редакции, помещение-сарай, в котором, до прихода анархистов, «упражнялись футуристы в своих футуристических занятиях», — сказал мне комиссар.

Мой бывший товарищ, комиссар Козловский, привел меня к нужному трамваю, и я простился с ним, пообещав еще встретиться. Поехал я в Федерацию Анархистов, надеясь встретить там и тов. Аршинова.

Подступ к Федерации для новичков казался прямо таки опасным. С одной стороны, потому, что он занят был беспрерывно шатающимися агентами чеки, наблюдавшими

за каждым проходящим, чуть не хватая его. С другой же стороны, вид здания Федерации не внушал к себе доверия: казалось, здесь помещается не Федерация анархистов, а живут агенты чеки, охраняющие сбоку стоящее роскошное здание, в котором находился Комиссариат Внутренних Дел.

Я долго стоял при входе в этот переулок со стороны Тверской, наблюдая за прохожими. А затем, прошел по переулку, минул дверь Федерации, пошел дальше, взшел по ступеням к двери Комиссариата Внутренних Дел. Она была заперта. Я повернул от двери, спросил чекиста, когда откроется Комиссариат Внутренних Дел и, получив ответ: «в три часа», пошел уже прямо в Федерацию Анархистов.

В Федерации я застал многих товарищей: одни сидели за низким широким столом и что-то записывали в большие книги; другие что-то переписывали; третьи перекладывали большие кучи связанной, видимо, нераспроданной ежедневной газеты «Анархия».

Как только я подошел к столу и спросил у сидевших там, где можно встретить тов. Аршинова, меня сейчас же отослали в другой угол, где стояли три-четыре товарища, о чем-то оживленно говорили между собою. Из них первым говорил со мною тов. Бармаш, которого я лично знал еще с марта месяца 1917 года. Он сказал мне, что тов. Аршинов сюда редко когда заходит. Товарищ же Гордин младший мне заявил: — Аршинов не захотел работать с рабочими и ушел к интеллигенции. — Он перечислил мне имена интеллигенции: Борового, Рошина, Сапдомирского и других.

Я сперва как-будто рассердился на тов. Гордина, а затем подумал: — Быть-может, он прав. Ведь люди, не сознавшие того, что без рабочих и крестьян они никогда не воспряли бы в себе революционеров дела (только честно наблюдая тяжелой жизнью и борьбой рабочих и крестьян, интеллигенты становились и становятся подлинными революционерами дела), эти люди так часто зазнаются перед рабочими и крестьянами. Может быть, что рабочий Аршинов больше Москвы не постарался заглянуть в рабочие ряды, и, следовательно, в дни Революции. И, может-быть, предпочел своим организациям группу интеллигентов...

Впрочем, это были отвлеченные мысли. Как только я вошел на Федерацию, я почувствовал еще большее желание

встретиться с тов. Аршиновым и воочию убедиться в том, что услышал от тов. Гордина.

Наступал вечер... Итти в отель мне не хотелось. Позже я возвратился опять в Федерацию Анархистов и заявил товарищам, что у меня нет квартиры, где я мог бы ночевать. Товарищ Середа, посоветовавшись со своей подружкой, предложил мне почевать у него, предупредив, что спать придется в одной с ними комнатухе, и на полу, так как нет кровати и постелей.

Предложение тов. Середы я принял и пошел с ним к его подружке и еще несколькими товарищами, которые жили в том же особняке, к нему на вартуру... Здесь, в доме, где жил тов. Середа, я впервые познакомился с известным автором «Ассоциационного Анархизма», Львом Черным. С этим последним я много говорил о нашем анархическом движении на Украине (которой он никак не признавал и называл только «Югом России»), об организационном ничтожестве там нашего движения. Все, что я говорил тов. Льву Черному, он принимал с особой болью. Но тут же противопоставил против моих мыслей о том, что анархизму пора отказаться от раздробленной на сотни и тысячи групп и группок формы организации; что анархизм, благодаря этой своей бессодержательной форме организации, выявил себя в революции беспомощным овладеть трудовыми массами, пойдя с ними в бой с капиталом и государством и вывести из этой боя труженников победителями...

Это был главный пункт нашего собеседования с Львом Черным. На нем мы резко разошлись. Однако, и после этого встречались в том же особняке.

Из наблюдений моих над тов. Львом Черным, я скоро убедился в том, какой он безвольный человек, как он бесхарактерен в своих отношениях и к друзьям, и к врагам. Помню, однажды, он ходил по комнатам с записной книжкой и переписывал мебель. На мой вопрос: — Что вы, тов. Черный, здесь хозяин, что-ли? — я услышал ответ: — В хуже....

Я поинтересовался расспросить об этом и его, и друзей. Я узнал, что большевистско-лево-эсеровские хозяйственники пришли в этот двор и заявили тов. Черному, что он командант этого двора, он за ним должен смотреть, он него ответственен...

— И что же вы, тов. Лев, им ответили? — спросил я его. Он сказал: — Что же я мог им ответить? Они так нахалы, так навязчивы, что я не мог им отказать в этом. От теперь вожусь здесь... Товарищи не понимают моего положения: и на-ночь, и в полночь появляются здесь. Есворота заперты, лезут через верх, нарушают покой обителей, которые обижаятся, заявляют об этом мне, а я не могу говорить об этом ни товарищам, ни квартальному кокету... Думал как-то сбежать отсюда, но устыдился этой мысли об этом.

Больно было слушать и смотреть на этого деликатного человека, но еще обидней было мне видеть в нем безвольного человека, человека-тряпку, с которым другие делают, хотя, а он, как безвольное существо, не имеющее необходимого в его положении характера, не может все это претерпеть и покинуть.

Да разве такие люди могут что бы то ни было сделать в разговоре революционных бурь, где у человека без воли, характера, не хватит ни терпения, ни нервов преодолеть те ненормальности, которые первыми всплывают на поверхность практической борьбы: той борьбы, через которую всякая масса трудящихся стремится обрести себе свободу равно на независимость от власти капитала и государства? Не такие безвольные люди могут быть способны находить в рядах этой массы и оказывать ей своевременно нужную помощь? Никогда в жизни!... Такие люди могут лишь считать прошлое, если им попадетса верный материал, и если правительственные хозяйственники не будут назначать в коменданты. Вот с этой лишь стороны они могут оказать помощь: но уже не тем, кто сейчас действует, а будущим им на смену поколениям.

От всей души жалел я тов. Льва Черного, и в то же время возмущался его безволием и бесхарактерностью. Черный этот обладал талантом оратора и писателя, был искренним в том, и в другом проявлении себя, но не умел уважать, ограждать свое достоинство от той грязи, которая, по моим расспросам и личным наблюдениям, липла к нему. Эта сторона его индивидуальности мешала ему, многим известным анархистам мешали другие стороны, мешаться на широкий путь массового действия анархизма

в революции и занять на нем надлежащее место, очень легкое от комендантского поста в московском особняке...

* * *

Расстался я с особняком и с тов. Середой и Львом Чининым лишь тогда, когда разыскал, наконец, тов. Петра Аршинова. Последний проживал в одном из отелей на базарной площади (близ Театральной площади) — не комендантском, конечно, а у коменданта, распорядившегося этим делом от имени Кретьянской Секции при ВЦИК Советов.

Встреча с т. Аршиновым, а также и с комендантом того отеля тов. Бурцевым, была для меня радостью. Все друг друга знали из Московской каторги. Все чувствовали взаимное уважение друг к другу. Это нас сближало без того, что мы все считались анархо-коммунистами.

От тов. Аршинова я узнал, что он действительно уходит от работы федерации московских анархических групп, потому что не нашел в ряде товарищей серьезного отношения к делу нашего движения.

Кто из них прав, я, конечно, не старался выяснить, старался понять, чем дышит теперь тов. Аршинов и чем занимается.

В ряде бесед, а также при совместном с Аршиновым посещении Алексея Алексеевича Борового и из бесед с последним, я выяснил, что Аршинов работает в качестве секретаря и организатора лекций для членов «Союза нашей пропаганды анархизма».

Вскоре после нашего посещения А. А. Борового, Аршинов организовал лекцию «О Толстом и его творчестве», которую читал тов. Иуда Гросман-Рошин, со вступительным словом тов. Борового.

Эта лекция, как и вступительное слово к ней Борового, крестьянина-анархиста, очаровали; в особенности должен сознаться, очаровало меня слово Борового. Оно было так широко и глубоко, произнесено с такой четкостью и ясностью мысли, и так захватило меня, что я не мог сидеть на месте от радости, от мысли, что наше движение не так бедно духовными силами, как я себе представляю. Помню, как сегодня, что я, как только Алексей Алексеевич окончил свою вступительную речь к лекции Рошина, выскочил

и побежал в фойе, чтобы позвать ему, Алексею Алексеевичу, руку и выразить свое чувство товарищеской благодарности. Зайдя в фойе, я встретился лицом к лицу с Алексеем Алексеевичем, прохаживавшимся по фойе. Я был полон радости за него, за его успех перед аудиторией, которую — я видел и переживал это вместе с ней, я был в этом уверен, — аплодировала с такой радостью и чувством благодарности. Затем, разговоровшись с ним, я подал ему руку и выразил ему все то, что чувствовал... По-моему, вполне заслужил такое выражение признательности. Но Алексей Алексеевич был скромен и, крепко держа меня за руку в своей, полусмеясь и глядя на меня и на стоявшего рядом со мной тов. Аршинова, сказал: — Благодарю, мне кажется, что я несколько обидел тов. Рошина: я ставил его долго ожидать конца вступительного слова. Я подхватил: — Нет, вам, Алексей Алексеевич, мало имени дали!... Мы обменялись еще несколькими фразами и разошлись. Он, Алексей Алексеевич, пошел на кафедру сел возле начинавшего свою лекцию тов. Рошина, а мы, я и Аршинов, — пошли в зал и уселись на скамьи слушателей.

Тов. Рошин говорил. Публика тихо, с напряженным вниманием, смотрела на него и слушала.

Лекция была серьезная и прочитана она была очень интересно. Успех был колоссальный. Помню, я говорил о ней тов. Рошину, и с тов. Аршиновым, который в то время считал Рошина звездой среди молодых теоретиков анархизма. Заметно было, что тов. Аршинов перед ним таял, и он отмечал, что он, Рошин, страшно бесшабашный. Я думал — это потому, что тов. Рошин на целый час опоздал на свою лекцию; за ним посылали товарища и, как выяснилось, он забыл, что сегодня читает лекцию). Я сказал тов. Аршинову, что лекция очень хороша, но язык, которым она излагалась перед аудиторией, ни к чорту не годится. Тов. Рошин смеялся, а тов. Аршинов как-будто был доволен этим моим замечанием.

Вскоре после этой лекции, я попал, в том же зале, на лекцию тов. Гордина. Он тоже показался мне с запасом знанием анархизма, но незнания того, что носители его идей должны делать во время революции, где они должны группировать свои силы. В общем же, лекция тов. Гордина мне

понравилась, я этого не скрывал, а тов. Аршинов называл «мусором возле анархизма». Это мне, правду сказать, понравилось.

Так протекали июньские дни моей жизни в Москве. Как-то тов. Аршинов затянул меня к тов. Александру Шапиро, который был в то время — если не ошибаюсь — главным издательством «Голос Труда». В этом издательстве Аршинов издавал ряд книг П. А. Кропоткина. Как раз в этот момент в нем закончилась печатанием книга «Хлеб и Воля». Тов. Аршинов разносил ее пачками по магазинам.

Тов. Шапиро тоже произвел на меня впечатление опытного и делового товарища. Однако, тов. Шапиро, еще встречи моей с ним, был мне известен, как крайний социал-революционер. Я над этим средством анархизма мало задумывался и продолжал по традиции считать его «меньшевистским» средством в анархизме. Поэтому я без особого интереса прислушивался к тому, что он говорил о некоторых вопросах с тов. Аршиновым, и без особого же интереса говорил ему, товарищу Шапиро, когда он расспрашивал меня о том, как трудящиеся на Украине (по Шапиро — на всей России) прониклись идеей революции? Какое сопротивление оказывали оккупационным немецким и австрийским контр-революционным армиям, и т. д.? Раза три я был вместе с тов. Аршиновым у тов. Шапиро, на складе «Голос Труда». Раза два я заставал его одного, с маленькой, называвшейся умницей, его дочуркой, за работой. Оба раза, в виде Аршинова и меня, он бросал свою работу, подходил к нам и подолгу говорил. И, нужно сказать правду, оставил во мне хорошее впечатление. Но одна мысль о том, что он синдикалист, да еще правого пошиба, который, с рядом своих единомышленников, перескакал, вслед за центральными большевистской и лево-эсеровской властью, из Петрограда в Москву только потому, дескать, что *стремится поставить там какой-то центр* (слова чужие), одна эта мысль дробила и разрушала во мне то более или менее цельное впечатление о т. Шапиро, которое я вынес при встречах с ним.

Впоследствии я встречался еще с рядом анархистов-студентов, из которых наиболее яркой фигурой мне показались тов. Саблин. С ним я часто встречался, много говорил. Он был особенно чуток и принимал близко к сердцу все

обе стороны нашего движения, которые тормозят его развитие. И глубоко верил, что все это скоро замечено и разрешено в пользу того, чтобы создать определенную организацию и жизненно усилить наше движение.

Однако я должен заметить, что все это, и со всеми этими беседами отрывочного характера, и только. Фактически не было таких людей, которые взялись бы за дело нашего движения и понесли бы его тяжесть до конца. Или, если они и были, то, видимо, не хотели задумываться над историческим положением нашего движения. Между тем его нельзя было не заметить с первых же дней, как только правящая орда большевиков разбила наше движение, объявив свое право сперва на чистку его рядов, а затем и на ликвидацию его боевых, не склонявших голов перед этой ордой, сил. У меня, по крайней мере, сложилось такое впечатление после того, как я встретился со многими товарищами и увидел, чем они занимаются в такой острый момент для революции, и для нашего движения. Не знаю, сознавали ли все товарищи то, что большинство из них болталось в это время без дела. Я-то видел это отчетливо. Часто тот или другой товарищ, осевши в Москве на более или менее продолжительное время, шатался там совершенно праздно, и даже находил такое дело, которое посильна была выполнять только организация, а он за него брался лишь с целью показать, что он и вне организации работает, что он вне организации проводит дело организации. Все это мешало силе контр-революции оторванного от кипучей массово-революционной работы на Украине и очутившегося временно в Москве, убеждало в том, что я прав был, мысли о том, как о центре бумажной революции, которая привлекает к себе всех, и социалистов, и анархистов, любящих особенно сильно в революции одно только дело: это — не говорить, писать, и бывающих не прочь посоветовать кому-нибудь, но на расстоянии, издалека...

Правда, тов. Аршинов мне не раз рассказывал, как товарищи из Московской федерации и известные революционные дивинцы (двинский полк солдат под командой нашего товарища Грачева) сражались на улицах Москвы. Эти его рассказы один раз вызвали во мне чувство гордости за московских анархистов и самого тов. Грачева и всех двинцев. Од-

нако, и при этих рассказах я не раз задавал себе вопрос — Почему же многие друзья и товарищи теперь, на мой взгляд, шагаются без дела?

Я не удовлетворялся даже той работой тов. Аршинова в «Союзе идейной пропаганды анархизма», которая была известна. Эта работа, как она товарищам ни представлялась важной и необходимой, казалась мне праздной — по крайней мере, в то время, когда я был в Москве. Для этого было на руках у тов. Аршинова. Но многие, очень многие считавшие себя работниками нашего движения, слонялись совершенно без дела. И это меня беспокоило. И это ставило передо мной вопрос: — Неужели же и я заражусь этим? — Не отвечал я себе, — никогда, ни за что! Разве не хватит сил, сделаюсь неспособным ходить, говорить с теми, кто хочет и хочет действовать в революции, растить и развивать в ней силы нашего движения, подымать его положение жизни и борьбе угнетенных, за свое освобождение, за освобождение всего своего класса, народа, человечества, — тогда да не ручаюсь, быть-может придется опуститься до этого... Но пока я в силах ходить, общаться с угнетенными до этого не опущусь. Ведь цель нашего движения в революции так велика! Здесь есть место каждому из нас. Этого места не умеет найти только тот, кто растерялся перед торжеством враждебных нашему движению доктринерских партий — большевиков и лево-эсеров, — тот, кто, благодаря своей духовной неопределенности и отсутствию твердой воли и практической организационной устойчивости, не видит, где в действительности зарождаются здоровые силы для нашего движения. И я спешил при этом успокаивать себя надеждой на то, что я скоро и благополучно переберусь на Украину, где постараюсь сделать все для того, чтобы показать всем друзьям бумажной революции, где искать живые и здоровые силы для нашего анархического движения. И чем глубже я погружался в этот вопрос, тем отчетливее сознавал, что старые методы анархистов, признававшиеся до этого дня, бессодержательны. И поэтому я решительно осуждал их, не думая ими пользоваться в будущей своей работе на Украине.

Здесь же, в Москве, я особенно остро почувствовал, как далеко ушел я, с рядом своих друзей и товарищей гуляй-польской группе анархо-коммунистов, в понимании

дополнительных задач нашего движения в революции, от большинства анархистов, которые до сих пор встречались мне на моем пути до России. Это последнее явление меня стоило, но не обескураживало. Я был глубоко убежден, что разброду в наших рядах будет положен конец; что мы их сровняем, вооружим новыми, более содержательными методами и средствами борьбы, и положение нашего движения улучшится. Это мое убеждение крепло в ожидании намеченной рядом товарищей из Одессы, Харькова и Екатериносла конференции. Я был приглашен на нее за неделю ранее и ожидал от нее очень многого.

Глава XIV.

КОНФЕРЕНЦИЯ АНАРХИСТОВ В МОСКВЕ, В ГОСТИННИЦЕ «ФЛОРЕНЦИЯ».

На конференции присутствовали ряд товарищей из Одессы, во главе с товарищами Молчанским и Красным, тов. Иуда Роцин (Гросман), тов. Аршинов, Борзенко Григорий, какая-то дама, гордившаяся тем, что была контролершей от большевистско-лево-эсеровского командования, что часто попадалась в руки контр-революционному командованию, что умело все узнавала от последнего и приносила сведения в штаб революционного командования. Был еще и целый ряд товарищей поменьше, болтавших попусту много чепухи.

Все товарищи, присутствовавшие на этой конференции, с уважением почитали Иуду Гросмана-Роцина. В него все верили, в особенности товарищи из Одессы: Красный, Мексель и упомянутая дама. От него, тов. Роцина, ожидали чего-то сверх-обыкновенного на этой конференции.

Но тов. Роцин оставался тем же бесшабашным, каким и до, видимо, был много лет до этого времени. Он засыпал товарищей фразами, подчас обещая помочь нам всем, желающим очутиться на Украине в царстве гегманщины. Конечно, не все из присутствовавших на этой конференции думали о поездке на Украину, и не все верили в его обещания. Это

было очень заметно. Но те, кто верили, что большевистская власть снабдит их документами и деньгами на дорогу, упивались его баснями. И лишь когда тов. Красный посетил т. Роцину прямо вопрос, чтобы он пошел и кому-нибудь из большевистских владык и раздобыл средства для бюро отправки анархистов на Украину для подпольной работы против гетманщины (которое одесситы мечтали создать) и когда тов. Гросман-Роцин от этой миссии отказался, мотивируя свой отказ тем, что он не видит цели этого бюро, лишь тогда у знаменитых одесситов вера в тов. Роцину несколько поблекла и потеряла свою выпуклость — по крайней мере, на то время, что длилась конференция.

После неудавшейся попытки прямых рощинцев использовать самого тов. Роцину (а через него и большевистских владык, которые в то время чувствовали уже оппозицию себе со стороны левых соц.-революционеров и действовали теперь в кое-каких делах на свой риск и страх) для дела, которое одесским анархистам во главе с т. Красным было более всего близко, ряд товарищей поставил перед конференцией общий вопрос: намереваясь пробраться на Украину для подпольной работы самостоятельно, не обращаясь к большевикам за материальной помощью, они хотят установить здесь, на конференции, определенный взгляд анархистов на то, какие методы борьбы наиболее целесообразны в нашей деятельности против реакции гетманщины за низвержение последней?

По этому вопросу высказались почти все товарищи. Однако, к определенному единому взгляду не пришли и ограничились лишь общим пожеланием быть бескомпромиссными в своей деятельности, идти в массы и воспитывать их в таком же духе...

Помню, когда мы оставили гостиницу «Флоренция» я шел по тротуару Тверской с тов. Аршиновым и перебрался с ним несколькими словами о конференции. Он выдел мое возмущение идеологическим разбродом и безответственным поведением тов. одесситов, которые, на мой взгляд, определенно склонялись на путь лакейства перед большевиками. Тов. Аршинов, по натуре человек более сдержанный, чем я, не был так резок в своем мнении о роли «одесситов», т. т. *Красного* и *Мекеля*, на этой конференции. Но принципе он целиком разделял мое мнение о их поведении

* * *

После этой нашей конференции, я еще раз подчеркнул для себя неопровержимую правду о том, почему наше движение в первые дни революции так быстро увлекало за собою трудящихся, а с течением времени начинало слабеть и отпугивать их от себя. По-моему, все это происходит потому, — записывал я для себя, — что в нашем движении не выявлены положения об общественности. Наше движение не имеет в своем распоряжении тех средств, к которым борющиеся массы питали бы доверие, веря, что с их помощью они могут выйти в своей борьбе на открытой, свободной и независимый путь нового социально-общественного строительства. Наше движение питается все еще чисто философскими принципами в своих подходах к массам и к их повседневной реальной борьбе. И поэтому, при всем превосходстве его идей перед идеями государственного социализма, оно бессильно убедить трудящиеся массы в том, что, поддерживая его, следуя за ним, они достигнут высшей, более свободной и счастливой формы организации для общественной и индивидуальной жизни.

Но значит ли это, что его нужно признать совсем неспособным справиться со своей исторической миссией в жизни и борьбе угнетенного трудового человечества? Безусловно нет, таким признавать его нельзя. Оно слишком сильно и могуче уже и в наш век. И располагай оно достойными его цели социальными средствами для своих социальных действий, большая часть трудового человечества давным-давно признала бы его и усовершенствовала бы его методы борьбы... И оно явилось бы в жизни и борьбе трудящихся руководящей идеей, дающей во-время и на все запросы дня точные ответы.

Увлекаюсь этими мыслями, я, однако, отдавал себе отчет, что осуществлять эти мысли в практической борьбе в настоящее время не легко, что для этого нужны силы, а их почти нет в России. При этом, я неоднократно думал о П. А. Кропоткине. Думал: Что же он, этот маститый вождь анархизма, делает теперь? О чем он думает? Неужели он не видит тех причин, которые делают анархизм бессильным выжить в действительности, полно и отчетливо, перед трудовыми массами все то, чего он ищет в великой борьбе? Ведь не мо-

жет же быть, чтобы этот великий борец, награжденный здоровьем и сильным умом, — борец, который всю свою жизнь проповедывал идею анархизма и боролся за права угнетенных, — не может быть, чтобы он не думал об этом, не принимал никаких мер!...

Мысленно рассуждая так, я не раз говорил себе: Пойду сейчас к нему, он на все исчерпывающе мне ответит. И потом спрашивал у тов. Аршинова: — Ты не знаешь, П. А. Кропоткин в Москве сейчас? (Хотя я хорошо знал, что он в Москве). А когда получал от тов. Аршинова утвердительный ответ, я находил почему-то неудобным идти к нему и продолжал мучительно терзать себя вопросами, на которые сам не мог дать исчерпывающих ответов.

Однажды, когда я проходил по одной из московских улиц вместе с тов. Аршиновым (кажется, после разнося по магазинам выпешей из печати книги «Хлеб и Воля»), тов. Аршинов мне говорит: — Ты хотел побывать у Кропоткина. Вот здесь недалеко живет Кропоткин. Я советую тебе посетить его...

— С тобою, что ли? — спросил я Аршинова.

— Нет, я сейчас не собираюсь посещать его, но тебе советую; тем более, ты уезжаешь в Екатеринославщину. Перед отъездом стоило бы посетить старика, поговорить с ним...

— Постараюсь зайти, — сказал я в ответ Аршинову и погрузился в размышления о том, с чем, с какими важными вопросами я зайду к старику, беспокоить его. Вопросов было очень много. На четырех из них — на вопросе об отношении к оккупации немецко-австро-венгерскими армиями в союзе с Украинской Центральной Социалистической Радой, Украины, на роли в этой оккупации украинских соц.-революционеров и соц.-демократов, возглавлявших Раду, на отношении к сменившему в это время Раду гетману Скоропадскому и, наконец, на анархических методах борьбы против всех этих видов контр-революции — я сосредоточил свое внимание и собрался к дорогому нашему старику, Петру Алексеевичу.

* * *

Я попал к нему накануне его переезда в Дмитров (под Москвой). Он принял меня нежно, как еще не принимал

никто. И долго говорил со мною об украинских крестьянах...

На все поставленные мною ему вопросы я получил удовлетворительные ответы.

Когда я попросил у него совета насчет моего намерения пробраться на Украину для революционной деятельности среди крестьян, он категорически отказался советовать мне, заявив: — Этот вопрос связан с большим риском для вашей, товарищ, жизни, и только вы сами можете правильно его разрешить.

Лишь во время прощания он сказал мне: — Нужно помнить, дорогой товарищ, что борьба не знает сентиментальностей. Самоотверженность, твердость духа и воли на пути к намеченной цели побеждают все...

Эти слова Петра Алексеевича я всегда помнил и помню.

И когда нашим товарищам удастся полностью ознакомиться с моей деятельностью в русской революции на Украине, а затем в самостоятельной украинской революции, в авангарде которой революционная махновщина играла особо выдающуюся роль, они легко заметят в этой моей деятельности те черты самоотверженности, твердости духа и воли, о которых говорил мне Петр Алексеевич. Я хотел бы, чтобы этот завет помог им воспитать эти черты характера и в самих себе.

Глава XV.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД ТЕКСТИЛЬНЫХ ПРОФСОЮЗОВ.

В июне месяце, под председательством Максима Горького, открылся съезд Текстильных Профсоюзов.

— Это — съезд тружеников. Вопросы, которые будут разрешаться на нем, должны быть важны и для меня, — думалось мне. И, вместе с т. т. Аршиновым, Масловым и другими, я пошел на его заседание, надеясь увидеть там и услышать виднейших социалистов.

Действительно, у стола президиума этого съезда сгруппировался лучший цвет проживавших в то время в центре

бумажной революции социалистов. Они выступали один за другим, говорили, махали руками, кричали один сильнее и лучше другого. Лишь обиженный лидер центра социал-демократии, гражданин Мартов, который много и времена, — помню, мне так казалось, — неискренно, но дельно говорил, лишь он, этот непримиримый враг Ленина, как ни надвигался выкрикнуть громче и сильнее, чтобы как можно ярче оттенить в своей речи то, что, видимо, считал самым важным, лишь он бессилен был кричать. Его хриплый голос не позволял ему сравняться с гораздо менее крупными и по мысли, и по ее выражению, ораторами. Он махал руками, кричал, сопел, но остался мало услышанным, мало понятным, по крайней мере задними колоннами делегатов и простых посетителей съезда. Кроме того, специально большевиками мобилизованные свистуны своим демонстративным шумом и свистками мешали делегатам слушать этого маститого правового социал-демократа меньшевика. Правда, эта специально мобилизованная большевиками шайка демонстрантов мешала делегатам выслушивать не только социал-демократических меньшевистских ораторов, но и лево-эсеровских, и даже большевистских. По крайней мере, я был очевидцем того, как один из ораторов-большевиков (не помню точно его фамилию) выступил и уже чуть не на половине речи был заглушен свистком. Этот свисток имел большие шансы быть подхваченным и пополненным другими свистками, если бы свистун не был своевременно одернут и предупрежден (видимо, специальным руководителем шайки), что, де, *«речь двигает наш, большевик!»*

Все вопросы, какие съезд Текстильных Профсоюзов съехался обсудить, а также и решения по ним, меня, крестьянина-революционера, и радовали, и в то же время угнетали.

Радовали они меня тем, что по ним я видел в пролетариях города понимание их трудовых интересов и целей, связанных с этими интересами. По ним можно было убедиться, что боевой фронт городских пролетариев растет, что намечаемые им пути социальных достижений уже вполне могут быть предохранены от покушения на них со стороны новой государственной политической власти, и что, благодаря этому, можно питать надежду, что революцию, столь во многом уже обкарманную — во имя государственности и в противовес свободной общественности — двумя господ-

ствующими в стране политическими партиями, революционные пролетарии могут еще спасти.

Угнетало же меня в вопросах и решениях съезда то, что я не видел на нем выражения прямой воли представленных здесь пролетариев. Мне лично казалось, что, хотя вопросы съезда и разрешались самими, как-будто, пролетариями и именем их класса, кровно заинтересованного в них, они все-таки разрешались под влиянием воли и интересов политических партий, которые, каждая по своему, и в своих партийных интересах, истолковывали перед пролетариями их цели и обязанность в смысле строительства социалистического государства, со всеми его многочисленными органами власти. А это резко отмежевывало всегда, и отмежевывает теперь, городских пролетариев от трудового, не эксплуатирующего чужого труда крестьянства, которое все определеннее и резче проявляет в своей практической жизни оппозицию к власти, к ее претензиям выдумывать и писать для него законы.

Без тесного сотрудничества с крестьянством властолюбивому городу и заражающему поневоле его властолюбием городскому пролетариату самому не построить новой свободной общественной жизни. Эта истина уже подтвердилась на опыте, даже при условии, когда, вместо строения подлинного социалистического общества, строилось полусоциалистическое, полукapиталистическое государство, каковым, в сущности, являлось, под именем «государства диктатуры пролетариата», государство большевистско-лево-эсеровского блока. Это государство взяло на себя руководство социально-общественным строительством, что не требовало от пролетариев ни самостоятельности и инициативы, ни здорового трезвого ума и соответственного организационного подхода к общественному делу. За них подходили к нему, по рецепту буржуазного государства, большевики и левые эсеры. Пролетариям же оставалось лишь выполнять то, что говорили большевики и левые эсеры.

И если, даже при таком урезанном порядке вещей, город без деревни не мог ничего широкого и плодотворного начать и с успехом закончить, то, при подлинном и полном социалистическом строительстве, городские пролетарии, без прямого братского содружества с трудовым, не эксплуатирующим чужого труда, крестьянством, засосутся омутом го-

сударственных доктрин, которые крестьянство не признает, и в долгих муках недостатка самого главного — хлеба и пищи — принуждены будут или во многом отказываться от государственности, или же пойти против крестьянства, извратив идеи социализма и предаться своему исконному врагу — буржуазии. Это во-первых.

Во-вторых, подчинение пролетариев, как класса, как бы то ни было политическим партиям, которые никогда не имеют в виду подчинить свои политические цели экономическому освобождению пролетариев, отдаст их, пролетариев в распоряжение этих партий на самое позорное издевательство во всех отношениях: и в экономическом, и в политическом, и в моральном.

Отсюда, в наиболее политически развращенных умах пролетариях зарождается мысль о борьбе не за полное экономическое и политическое освобождение их класса, а за смену ролей на пути политического господства одного класса над другим.

— Мы осуществили диктатуру пролетариата! — криковали некоторые ораторы на съезде текстильных профсоюзов, — и мы в праве сказать врагам своим, чтобы они замолчали, ибо воля пролетариата — их сокрушить...

Видимо, эти безответственные крикуны, а с ними и их соперники — пролетарии с мест, и не думали о том, что с заданием этой диктатуры они разбивали единство своего классового трудового организма на пользу не революции, а в угоду ей. Они не думали о том, что, в недалеком будущем им самим придется бороться против подобного распыления трудовых сил. На это их толкнул само существование власти — «диктатуры пролетариата», — которую они, по своему невежеству, создали, и против которой, можно ожидать, окажутся долгое время бессильными бороться реальными средствами, чтобы заменить ее чем-то другим, более соответствующим, которое отвечало бы идеям трудящихся этого авангарда человечества, который создал все богатства мира и должен ими пользоваться свободно, и в зависимости от потребностей, а не затрачивать снова своих сил на то, чтобы оплатить их еще дороже.

Правда, политические партии, восторжествовавшие в русской революции, над этим менее всего задумывались. Политическая государственная власть, это юридическое пра-

во, в котором вожди государственного социализма ищут средство избавления угнетенных от экономического рабства, была в их руках. Они строили, согласно принципам своей власти, программы борьбы и жизни для трудящихся, указывая последним, что, следуя только их программам, можно отыскать, понять и устранить причины рабства, и отвести себе место в их жизни. Городские пролетарии впервые бросались в объятия власти этих программ, первые стремились реализовать их в своей жизни и властвовать, править, согласно этим программам, своими братьями и сестрами — крестьянами.

Отсюда начало развиваться в более отчетливом виде историческое недоверие крестьян к городским пролетариям, которое нам известно на протяжении всей истории. Это усиливающееся недоверие ставило под прямую угрозу Великую Русскую Революцию и все те прямые завоевания трудящихся, которыми последние начинали жить.

Таково было положение Великой Русской Революции в июньские дни 1918 года. Спрашивается, сознавали ли это положение создавшие ее партии? Можно с уверенностью ответить, что нет: они его не сознавали и продолжали свою борьбу из-за своего партийного престижа в трудовых массах. Лишь часть городских пролетариев и трудовое крестьянство, под влиянием анархических идей, спохватились, что их обманули, что, за их счет, правящие партии перевели революцию с пути ее прямого действия на путь правительственных декретов и этим загнали ее в тупик. Они, эти трудящиеся, требовали простора для революции. Но их голос заглушался окриком Вильгельма Второго, который, через своего посланника Мирбаха, ставил препятствие развитию русской революции, угрожая и ей, и тем, кого пролетарии деревни и города, по своей наивности, допустили править ее судьбами. И партия большевиков-коммунистов, во главе с Лениным и Троцким, которая в это время фактически уже брала перевес над партией левых-эсеров, предпочла пойти на уступки Вильгельму II-му, чем поднять выше знамя революции или, по крайней мере, не мешать пролетариям, заметившим, что оно поникло до земли и топчется, поднять его.

Правда, это предательское поведение партии большевиков по отношению к революции раздвинуло окончательно

в большевистско-лево-эсеровском блоке трещину, которая с резкой определенностью наметилась уже 3 марта 1918 г. в день заключения Брестского договора. Но, благодаря «мудрости» и особенно политическому влиянию Ленина эта трещина искусственно склеивалась, сжималась и временами, казалось, становилась почти незаметною.

Теперь эта трещина раздвинулась окончательно, и «мудрость» Ленина становилась бессильной повлиять на главарей партии левых эсеров, чтобы еще раз склеить ее. Левые эсеры устыдились своего лакейства перед Лениным, который раньше никогда не имел такого авторитета среди российских тружеников и интеллигенции, каковой имела их мать — старая, революционно-боевая партия соц.-революционеров, мать, убитая провокатором Азефом. Теперь сироты этой матери — левые эсеры — готовы были на все, но не на то, чтобы идти за Лениным или, что еще хуже, обезличить себя в истории русской революции. Нет, они попытаются поравняться с Лениным и посягнуть на самый «ленинизм». По крайней мере, мне это так казалось, когда я прислушивался к голосу большевистских ораторов, которые уже не скрывали того, что левые эсеры готовятся дать им бой по всем вопросам внешней политики на предстоящем Всероссийском Съезде Советов. Хотя, я должен признаться, у левых эсеров шансов на успех этого боя, по-моему, не было, потому, что у них не было, кроме двух-трех человек людей, подготовленных, ну, скажем, на посты Ленина и Троцкого, заменить которых ни Спиридоновой, ни Камковой, ни тем более Штейнбергом, ни даже Устиновым, имевшим до некоторой степени ленинскую практику, в то время нельзя было. Правда, эта партия, за время своего блокирования с большевиками, сумела воспитать и выдвинуть из числа своих членов, под идейным и практическим руководством большевика Ф. Дзержинского, кадр чекистов; и такие из них, как Зак и Александров, были хорошими головами. Но разве из людей, заразившихся аракчеевской полицейщиной, могут выйти серьезные политики, какие нужны были в это время лево-эсеровскому государству? Я думаю, что если этого не могли понять некоторые горячие головы среди главарей лево-эсеровщины, то это понимали в ее же рядах люди с более спокойными первыми и с более трезвым умом. Эти люди, я думаю, способны были так же искренно

известно, как М. Спиридонова и Б. Камков, отстаивать против узурпации большевиков права трудящегося, угнетенного народа. Так же, как Спиридонова и Камков, они могли бороться своим личным благополучием, даже самими собой, ради лучшей жизни этого народа, но только не с такой возможностью, не с таким, до истеричности, пафосом, какими обладали эти два, в своем роде, вождя лево-эсеровщины, когда они блокировались с большевизмом-ленинизмом, когда они примкнули к управлению революционной страной, употребляя доверием страны, копируя, во многих случаях, права революционных трудовых масс на свое свободное, трудовое и независимое от государства, с его полицейщиной, самоопределение.

Правда, левые эсеры не признают таким уж гнусным и поведение по отношению революционных масс, приживавшихся анархических идей в русле русской революции. Как говорят некоторые из них, они не признали за большевистскими лидерами — Лениным и Троцким — права разгром, 12-13 апреля 1918 года, федерации московских анархических групп, о котором знаменитый в своем лево-эсеровский чекист Зак, по долгу своей роли в ЦК и партии, делал Ц. К. партии доклад. Говорят, что М. Спиридонова не желала даже слушать этот доклад и, якобы возмущением, покинула зал, где Ц. К. партии его заслушала. Но мы хорошо знаем, что *возмущаться*, это — одно, *действовать* в согласии со своим возмущением против несправедливости — совсем другое. Этих действий, против величайшего злодеяния чекистов и главарей партии большевиков по отношению к анархистам, со стороны левых эсеров не было, потому ли, что возмущение М. Спиридоновой было слабо, сравнительно с другими ее возмущениями, или же потому, что левые эсеры из ЦК партии того времени, боясь надеждами низвергнуть большевиков и стать непосредственно у кормила власти, считали для себя удобнее официально скрыть это возмущение и перед большевиками, перед революционной страной. И они заняли свой про-тивоположный курс, поправив свободу и права анархистов на деятельность в революции. А между тем, анархисты были наипреданнейшими сынами этой революции. Они были в ее авангарде. Правда, шли они раздробленными, но первыми и честно отдавая ей эти свои раздро-

бленные силы. Судить анархистов по тем одиночкам, которые попадали в ряды анархизма с корыстной целью и, вместо боты среди трудящихся для общего дела освобождения, разбегались по стране из города в город, ничего не делая, — судить по этим одиночкам анархизм и анархистов было несправедливо. И если большевистские лидеры прибегали к такой аргументации против анархистов, а левые эсеры с определенной целью обходили этот акт своих союзников молчанием, то причиной в этом является та традиционная безответственность и легкомысленность большевиков, которые ведут свое начало еще от Карла Маркса, в его борьбе с М. Бакуниным. Хотя эти черты и известны были левым эсерам, но о них последние, ввиду «долгу» блокирования с большевиками, напоминать, видимо, не могли. Не могли они говорить большевикам, что они устыдились лгать на своих идейных противников и что бы сознались, что эта ложь по отношению анархистов не может быть полезной для революции. Повидимому, лидеры партии левых эсеров думали, по низвержению большевиков по провозглашению и утверждению себя у власти над страной и над ее дальнейшим революционным развитием, разбраться в этом исторически и фактически столь важном для дела революции вопросе... Но это только наше предположение, не более.

Глава XVI.

В КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕКЦИИ ВЦИК'а СОВЕТОВ

Как только я приехал в Москву и попал на временное жилье в отель, который находился в распоряжении Коменданта от Крестьянской Секции ВЦИК'а Советов, я заинтересовался этой секцией и ее президиумом, во главе которого стояла лидерша лево-эсеровщины — М. Спиридонова. Ее, как заслуженного революционера, я считал своим знакомым и хотел увидеть лично, услышать непосредственно. И я посетил заседание этой Крестьянской секции. На этих заседаниях я много раз слышал М. Спиридонову и Б. Камкова. Из других эсеров, я этими двумя фигурами больше всего интересовался. Они были наиболее популярны в рядах лево-

эсеровщины в тот период. Правда, бывали там иногда и другие члены лево-эсеровщины, но они широкой массе трудящихся были менее известны. Они были менее воодушевлены и менее привлекательны. Во всяком случае, имена Спиридоновой и Камкова прозвучали массами всюду с явным чувством уважения к ним. Казалось, они были первыми среди равных главков лево-эсеровской партии.

На многочисленных заседаниях Крестьянской Секции ВЦИК'а Советов М. Спиридонова проявляла свою яркую волю и знание задач своей партии. Все ее выступления с такой четкостью выявляли задачи партии на предстоящем Всероссийском Съезде Советов. Ее выступления всегда наполняли зал заседания каким-то радостным чувством революционера, доблестного за судьбу революции. В них всегда можно было уловить, что левые эсеры почувствовали свои промахи и ошибку своего блока с большевиками; что они не сегодня-завтра круто повернут в сторону углубления расширения революции. А в этом направлении они были поддерживаемы анархистами-коммунистами и синдикалистами, ибо такое направление было бы родственным тем целям, которые преследовались авангардом революционного трудового народа, жаждавшим революции, хотевшим ее вынести на своих плечах.

Однако, я относился осторожно к впечатлению, что левые эсеры опомнились. Мне казалось, что, вообще-то, они, как и большевики, менее всего думали о своих первоначальных промахах на пути революции, — промахах, которые положили начало их преступлениям по отношению к беднейшей. Все они не хотели считаться с тем, что революция в селе проявляла себя в явно анти-государственном характере. Они, как и большевики, не брезгуя нарушением доброй воли крестьянства, уродовали этот дух революции в селе во имя идеи государственности и всех, вытекающих из нее, властных институтов. Кроме же того, цели политических партий во многих случаях бывают чуждыми для трудящихся. Это особо ярко показали большевики и левые эсеры, придя к государственной политической власти над страной по низвержению «кренделин». Всего этого я не мог не замечать в жизни и борьбе трудового крестьянства, находясь в его революционном авангарде. И это было передо мной вопросом: смогут ли левые эсеры пойти

настолько далеко в своей оппозиции большевикам, что впечатления о их готовности посчитаться с ленинизмом оправдаются целиком? А если бы так случилось, то стали бы левые эсеры на верный путь революции: не мешать трудящимся углублять и развивать революцию, без указов и приказов лево-эсеровской власти, которую эти люди будут стараться навязать трудящимся. Ибо без нее они не могут быть эсерами. На этот вопрос я отвечал: Нет. У левых эсеров, как и у нас, анархистов, хороших желаний очень много, но очень мало тех сил, которые оказались бы достаточно мощными на такое грандиозное дело, как реорганизация пути революции. Оставаться же на том пути, по которому левые эсеры шли до сих пор вместе с большевиками, им нельзя: они и пять дней не продержатся на нем; большевики разобьют их одним авторитетом Ленина и Троцкого, укрепленным которого в массах левые эсеры до сих пор содействовали столько же, сколько ему содействовали сами большевики.

— Ну, а если допустить, — рассуждал я однажды тов. Масловым, — что левые эсеры окажутся в большинстве на V-м Съезде Советов, что провалят большевики с их политической ориентацией на «передышку», неужели анархисты что-либо выиграют от этого? Конечно, и вот почему. Первое: Спор между левыми эсерами по моему, не есть спор о глубоком, основном идейном расхождении по тем или иным вопросам политики управления революционной страной. Глубокой сущностью этого спора между ними, — отмечал я тогда, — является то обстоятельство, что большевики, по всему фронту советской власти начали заметно брать перевес над левыми эсерами. Этот факт с одной стороны, подбодрил большевиков на то, чтобы считаться с протестом партии левых эсеров против заключения «Брестского Договора». А, с другой стороны, не большевиками реально встал вопрос о том, чтобы как можно скорее и полностью развернуть свой авторитет над трудящейся революционной страной, а затем заявить левым эсерам, что, де, они, большевики, являются полными представителями политического и социального положения в стране и потому, им, левым эсерам, ничего не остается делать, кроме как только влиться в партию большевиков-коммунистов и заняться более решительно экспериментом «научного» по-

рственного социализма-коммунизма. — Или же, нам, левым, с вами не по дороге.

Такова была, по-моему, политическая ориентация большевиков по отношению к своим соратникам в борьбе за захват государственной власти. Партия левых эсеров не могла не замечать этого намерения партии большевиков-коммунистов. Она его и замечала. Однако, она сознавала, что фактически уже бессильна противостоять большевикам. Она видела, что позорный «Брестский Договор» фактически вхо-дит в силу. Другой, более сильной, аргументации против большевиков у нее не было. И это приближало ее, как партию, мечтавшую играть историческое первенство в окончательном решении судеб русской революции, к неминуемому разрыву с большевиками. Вот почему она, эта партия, была так гром и молнии против «Брестского Договора», да и тогда, когда он уже был подписан. Она стремилась теперь как можно тщательнее заглушать то, что неминуемый разрыв с большевиками у нее должен произойти в силу полного господства большевиков во всех государственных и профессиональных учреждениях, — господства, повелевающего требующего от диктаторствующей большевистской партии полной и единой ее воли по всему фронту государственной власти. Для партии левых эсеров было несравненно выгоднее показать, будто этот назревавший разрыв с большевиками происходит отнюдь не по причине того, что большевики, окрепшие за счет левых эсеров и вообще революционеров, взяли перевес над ними и теперь, не нуждаясь больше в них, как в самостоятельных социально-политических силах революции, стараются высосать их в свою трубу или просто ликвидировать. И партия левых эсеров была готова оказать этим замыслам большевиков решительное сопротивление, вплоть до провозглашения их Контр-Революцией. Это чувствовалось в речах и просто беседах левых эсеров — руководителей крестьянской секции В. И. Ц. К. на Съезде Советов. Так дело понималось и мною лично, и рядовыми эсерами. Событие ожидалось многими с особым напряжением нервов. Бесцеремонная позиция большевиков, которую последние, в связи со своим явным партийным торжеством над эсерами в деле их обоюдного властвования над революционной страной, уже не скрывали, выявляя ее все более и понятней для масс и для несравнившейся с делом

организации масс партии левых эсеров, — эта позиция большевиков, обольщенных властью и ее безответственным хвостом, с злейшим ненавистием уже не только над безымянной, слепо доверившейся массой, но и над массой, большевикам не доверявшейся, над массой, осознавшей себя и объединившейся под знаменем других революционных партий и организаций, — эта позиция тревожила, заставляла нервничать каждого революционера, и партию левых-эсеров в особенности потому что она начинала понимать, что недооценила свои силы и государственных организационных способностей, на основе коих она мечтала и революцию «спасти», и партию большевиков оборвать, дав ей почувствовать, что она одиозна без блока с нею (с лево-эсеровской партией) не справится с революцией, что революция высвободится из-под власти... А если революция действительно высвободится из-под власти, то это, для социалистов-государственников (большевиков-«коммунистов» и левых эсеров), почти уже оседлавших революцию, будет прямым историческим позором...

Но партия большевиков уже настолько опьянела своей фактической и формальной государственной властью в стране, что подумать о чем-либо, связанном с лево-эсеровским политическим беснованием, не находила времени. Она все решительнее толкала свои силы и связанные с ними трудовые массы на то, чтобы целиком и полностью перейти на свой собственный путь, который, в ее партийном представлении, понимался, как путь создания прочного «пролетарского» государства, с такой же прочной «пролетарской» властью во главе.

Все то, что я услышал в Москве, за чем наблюдал и в рядах анархических рядов, и в рядах социалистов, большевиков-коммунистов и левых соц.-революционеров, — все это меня, вовсе не интересовавшегося «правом» тех или других на власть, считавшего спасение революции первым важнейшим делом в этой реакционной обстановке, которая в силу нашей дезорганизованности, не позволяла анархикам ставить решительные ультимативные условия зарывавшему большевизму, — все это, говорю, меня угнетало, по час так тяжело, что я собирался прекратить все свои наблюдения, все свои знакомства с людьми и их делами, и уехать без всяких документов на Украину, поближе к Гуляй-

путь, раньше, чем это было условлено с товарищами на нашей грангогской Конференции. Подчас казалось, что все революционные завоевания народа гибнут по вине самого народа, и что помешать этому процессу окончательно удастся уже поздно. Кроме того, я заметил, что комитет отеля, наш тов. Вурцев, начинал тяготиться нашим проживанием у него. Это обстоятельство поставило передо мной задачу: использовать мои официальные документы для получения бесплатной комнаты от Московского Совета Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов. Я пошел в Совет. Однако, в Моссовете мне дали только пропуск в Кремль, в ВЦИК Советов, где я должен, де, предъявить свои документы, и уже тогда ВЦИК Советов сделает на них свою отметку, по которой Московский Совет может дать мне право на занятие бесплатной комнаты.

Глава XVII.

КРЕМЛЬ. СВЕРДЛОВ И МОЯ БЕСЕДА С НИМ.

Я подошел к воротам Кремля с определенным намерением: во что бы то ни стало поговорить с Лениным и, по возможности, с Свердловым, поговорить с ними.

У ворот, ведущих в Кремль, дежурная комнатуха. Рядом сидит доверенное лицо, которое, по предъявлении документа-ордера из Московского Совета, осматривает его, выдает и влагает к нему свой маленький ордерок и отпускает желающего пройти в Кремль. Тут же, сбоку этой комнатухи, выжидает часовой-красноармеец из латышского стрелкового полка. Проходишь мимо этого часового, при входе в ворота во двор Кремля, и натыкаешься на другого часового. Можешь спросить его, в какой корпус ты хочешь пройти, тебе укажет. А далее, хочешь — ходи по двору и осматривай разнокалиберные пушки и ядра к ним, донпетровских петровских времен, Царь-Колокол и другие достопримечательности, о которых ты мог только слышать, но до входа во двор Кремля ты их не видел, или же иди в дворцы-пала-

При входе во двор Кремля я повернул влево, прямо во дворец (не помню его названия), поднялся по трапезнице, кажется, на второй этаж и по коридору этого этажа пошел влево, не встречая ни одного человека и лишь читая — в одних дверях: «ЦК партии» (коммунистов-большевиков) и в других: «Библиотека» (не узнал, какая). И так-как «ЦК партии», ни «Библиотека» мне в это время не были нужны, то я прошел мимо них, не уверенный даже в то, что за дверями с этими надписями кто-либо был.

Проходя далее по тихому длинному коридору, я встречал еще какие-то надписи на дверях, но все они не говорили мне ничего о тех, к кому я пришел. Я повернул назад и, дойдя до двери с надписью «ЦК партии», постучал в нее. Раздался голос: «Войдите». И я вошел. В комнате сидело трое человека. Один из них мне показался Загорским, которого я всего два или три дня назад видел в одном из большевистских партийных клубов. К ним, этим сидевшим в гробоватой тишине за какой-то работой трем людям, я и обратился просьбой показать мне, где помещается ВЦИК Советов.

Один из них (если не ошибаюсь, Бухарин) вскочил, взяв под-руку портфель, сказал, обращаясь к своим товарищам, но так, чтобы и я слышал: — Я сейчас уйду и этому товарищу — показывая на меня кивком головы — покажу, где ВЦИК. — И в ту же минуту направился к двери. Я поблагодарил их всех и вышел вместе с казавшимся мне Бухариным в коридор, в котором попрежнему царил гробовая тишина.

Мой проводник спросил меня, откуда я приехал. Я ответил ему: — Из Украины. Он очень заинтересовался тем, какой террор царит на Украине, и как я пробрался в Москву. При этом мы уже не шли, а стояли у ступеней, по которым я поднимался на этот коридор.

Затем, мой случайный проводник указал мне на дверь по правую сторону от входа в этот коридор, за которой, по его словам, мог узнать все, что касается ВЦИК'а, попрощавшись, спустился вниз, к выходу из дворца.

Я пошел к указанной мне двери. Постучал. Вошел. Меня встретила девица. Спросила, что мне нужно.

— Я хочу видеть председателя Исполнительного Комитета Совета Рабочих, Крестьянских, Солдатских и

Военных Депутатов, товарища Свердлова, — ответил я на вопрос девицы.

Девица, ничего мне не говоря, села за письменный стол. Затем взяла мой документ и пропуск в Кремль, кое-что выписала из них, написала мне карточку и указала № другой двери, куда я должен зайти.

Там, куда меня направила барышня по особому пропуску, помещался секретарь ВЦИК'а Советов — крупный мужчина, видно выхолонный, но с изнуренным лицом. Он спросил меня, что мне нужно. Я пояснил. Тогда он попросил бумаги, удостоверения. Я дал. Мои бумаги его заинтересовали. Он переспросил меня:

— Так вы, товарищ, с юга России?

— Да, я из Украины, — ответил я ему.

— Вы Председатель Комитета Защиты Революции времен Керенского?

— Да.

— Значит, вы — социалист-революционер?

Я отвечаю: — Нет.

— Какие связи имеее или имели от партии коммунистов вашей области?

— Я имею личные связи с рядом работников партии большевиков, — ответил я ему. И тут же назвал председателя александровского Ревкома, тов. Михайлевича и кое-кого из Екатеринослава.

Секретарь замолк на минуту, а затем принялся спрашивать меня о настроении крестьян на «юге России», о том, как крестьяне отнеслись к немецким армиям и отрядам Центральной Рады, каково отношение их к советской власти и т. п.

Бегло я ему ответил и видел, что секретарь был доволен; а я лично жалел, что не мог распространяться с ним на эту тему.

Затем он позвонил куда-то по телефону и тут же предложил мне пройти в кабинет председателя ВЦИК'а, товарища Свердлова.

Это напомнило мне легенду и контр-революционеров, революционеров, и даже моих друзей — противников политики Ленина, Свердлова и Троцкого, распускавших слухи, что к этим в своем роде земным богам добудется нечестиво. Они окружены, дескать, большой охраной, на-

чальники которой на свое лишь усмотрение допускают к ним посетителей и, следовательно, простым смертным богам этим не дойти.

Теперь я остро почувствовал вздорность этих слухов и свободно подходил к двери кабинета тов. Свердлова. Последний сам открыл нам дверь и с мягкой, казалось, товарищеской улыбкой подал мне руку и провел меня к креслу.

Секретарь вернулся в свой кабинет.

Тов. Свердлов показался мне несколько бодрее, чем его секретарь. Мне показалось, также, что он глубже заинтересовался тем, что в действительности происходило на Украине за последние два-три месяца. Он сразу выпалил мне:

— Товарищ, вы с нашего бурного юга; вы чем там занимались?

— Тем, чем занимались широкие массы революционных тружеников украинской деревни. Трудовая украинская деревня, приняв живое, непосредственное участие в Революции, стремилась к полному своему освобождению. В ее передовых рядах я, можно сказать, был всегда первым на этом пути. Лишь теперь, в силу поражения и отступления общего революционного фронта из Украины, я очутился временно здесь.

— Что вы, товарищ, говорите, — перебил меня тов. Свердлов: — ведь крестьяне на юге в большинстве своем кулаки и сторонники Центральной Рады.

Я рассмеялся и не слишком распространяясь, но выпуло нарисовал ему действия организованного анархистами крестьянства в Гуляй-Польском районе против нашествия немецко-австро-венгерских экспедиционных армий и отрядов Центральной Рады.

Т. Свердлов, как-будто и поколебленный, не переставал, однако, твердить: — Почему же они не поддерживали наших красногвардейских отрядов? У нас есть сведения, что южное крестьянство заражено крайним украинским шовинизмом и всюду встречало экспедиционные немецкие войска и отряды Центральной Рады с особенной радостью, как своих освободителей.

Я начал нервничать и горячо осуждать их сведения об украинской деревне. Я сознался ему, Свердлову, что сам являюсь организатором и руководителем ряда крестьянских вольных батальонов для революционной борьбы против

немцев и Центральной Рады, и что я знаю, крестьянство могло бы выделить из себя могущественную революционную армию против немцев и Центральной Рады, но оно не делало боевого фронта революции. В красногвардейские отряды, которые вели борьбу по линиям железных дорог, всегда держась своих эшелонов и при первом же неудачном походе не всегда даже грузившихся в эти эшелоны, а отступавших на десятки верст, не видя противника (движется он по их следам или остановился), — в эти отряды крестьянство не верило, ибо сознавало, что, будучи без оружия, оно останется само одиноким в своих селах на растерзание палачам революции. Красногвардейские отряды свои эшелоны не просят в 10-20 верстах от деревни, чтобы прийти в нее и не только вооружить их, подбодрив, толкнуть крестьян на революционный подвиг, в бой против вооруженных врагов революции, но и самим пойти вместе с ними на этот подвиг...

Свердлов слушал меня с особым вниманием и лишь в порыве до времени переспрашивал меня: — Да неужели это так?

Я указал ему на ряд красногвардейских отрядов из групп Богданова, Свицкого, Саблина и других; указал в более спокойном тоне на то, что красногвардейские отряды, будучи прикреплены к путям железных дорог, к эшелонам, при помощи которых они привыкли быстро наступать, но еще всего отступали от противника, не могли внушать серьезного доверия к себе со стороны крестьянской массы. Сама эта масса видела в революции средство избавления от гнета не только помещика и богатея-кулака, но и от власти последних — власти политического и административного чиновника сверху, и поэтому совершенно сознательно была готова защищать себя, защищать свои завоевания и разрушения их немецким юнкерством и гетманщиной.

— Да, да, на счет красногвардейских отрядов, вы, пожалуй, правы... Но мы их уже реорганизовали в красную армию. Теперь у нас растет могучая Красная Армия, и если южное крестьянство так революционно, как вы мне это представили, то мы имеем большие шансы на то, что кулаки будут разбиты, гетман низвергнут в самом недалеком будущем, и власть Советов на местах восторжествует и там, в Украине, — сказал мне Свердлов.

— Это будет зависеть от того, какая подпольная работа будет вестись там. Я лично считаю, что теперь больше, чем когда-либо, там нужна подпольная работа революционеров, работа главным образом организационная, боевого характера, которая помогла бы массам выйти на путь открытого восстания по городам и деревням против немцев и гетмана. Без восстания чисто революционного характера внутри Украины, нельзя немцев и австрийцев заставить отступить из Украины, а гетмана и гетманцев пленить или заставить бежать вслепую за немцами и австрийцами. Наступление Красной Армии немыслимо, в силу Брестского договора и тех условий чисто политического характера, которыми наша Революция окружена извне.

Когда я все это говорил товарищу Свердлову, он делал какие-то отметки для себя, говоря мне: — Вашу точку зрения в данном случае я целиком разделяю. Но скажите мне — кто вы такой, коммунист или левый эсер? О том, что вы украинец, видно из вашего разговора, а к какой из этих двух партий принадлежите, нельзя понять.

Этот вопрос меня, если, и не смутил (потому, что секретарь ВЦИК'а мне его уже задавал), то во всяком случае поставил в затруднительное положение. Передо мной встал тоже вопрос: Как быть? Сказать ему, Свердлову, прямо, что я — анархист-коммунист, товарищ и друг тех, чья организация его друзья по управлению революционной страной и по партии разрушили всего два месяца тому назад в Москве и в ряде других городов, или скрыться под другим флагом?

Я боролся с самим собой, и это было заметно для тов. Свердлова. Открыть свою социально-революционную и политическую принадлежность в середине разговора я не хотел. А скрываться под другим флагом мне было противно. Поэтому я, после некоторого раздумья, сказал Свердлову: — Почему вас так интересует моя партийная принадлежность? Разве вам не достаточно моих документов, удостоверяющих, кто я, откуда и какую роль играл в известном районе в организации труженников деревни и города, в организации их боевых отрядов и вольных батальонов против контрреволюции, разгуливающей на Украине?

Тов. Свердлов извинился передо мной, просил меня не подозревать его в революционной чести и недоверии

ко мне. Извинение его показалось настолько искренним, что я почувствовал себя нехорошо и без всяких дальнейших колебаний заявил ему, что я — анархист-коммунист, баку-приско-крапоткинское толку.

— Да какой же вы анархист-коммунист, товарищ, когда вы признаете организацию трудовых масс и руководство ими в борьбе с властью капитала?! Для меня это совсем не понятно! — воскликнул Свердлов, товарищески улыбаясь.

На это удивление председателя ВЦИК'а я ответил коротко: — Анархизм, — сказал я ему, — идеал слишком реальный, чтобы не понимать современности и тех событий, в которых так или иначе участие его носителей заметно, чтобы не учесть того, куда ему нужно направить свои действия и с помощью каких средств...

— Так-то так, но ведь вы же совсем не похожи на анархистов, которые здесь (в Москве) осели было на Малой Дмитровке, — сказал мне Свердлов и хотел рассказать мне что-то об анархистах из Малой Дмитровки, но я заметил ему: — Разгром вашей партии анархистов на Малой Дмитровке следует считать печальным явлением, которого в дальнейшем нужно избегать, хотя бы во имя революции...

Свердлов несколько раз буркнул что-то себе под нос, затем быстро поднялся со своего кресла, подошел ко мне, взял меня за плечо и, полунагибаясь, сказал мне:

— Знаете что, товарищ, вы очень многое знаете о нашем общем отступлении из Украины и, в особенности, о действительном настроении крестьян. Ильич, или т. Ленин, выслушал бы вас с особым вниманием и был бы доволен этим. Хотите, я позвоню ему об этом?

Я ответил, что больше того, о чем я говорил с ним, я ряд ли скажу и тов. Ленину, но Свердлов уже позвонил по телефону к Ленину и сообщал ему, что он имеет у себя товарища, который привез весьма важные сведения о крестьянах на юге России и их отношении к немецким экспедиционным армиям. И тут же уговаривался, когда можно будет зайти к нему.

А через минуту Свердлов положил трубку и быстро написал мне, за личной своей подписью, пропуск к себе. Вручая мне этот пропуск, он сказал: — Товарищ, завтра в

час дня зайдите прямо сюда, ко мне, и мы пройдем к тов. Ленину... Смотрите, непременно зайдите.

— Я найду... Но как же с тем, чтобы достать от секретариата ВЦИК'а бумагу в Московский Совет, чтобы указали мне временную и бесплатную квартиру? В противном случае, я принужден буду ночевать где-нибудь в сквере на лавке, — спросил я Свердлова.

— Все устроим завтра, — ответил он мне. И я, распрощавшись с ним, вышел из царских палат во двор Кремля. снова обошел круг лежавших по-под стенами разнокалиберных ядер и пушек, бросил лишний раз свой взор на Царя Пушку и покинул Кремль. До завтра...

Теперь я не пошел в номера, принадлежавшие крестьянской секции ВЦИК'а Советов, где заведующим был однопроцесник тов. Аршинова — Бурцев, который многие в том числе и Аршинова, приютил возле себя и постепенно начинал тяготиться ими. Я пошел к заведующему домом Профсоюзов, тоже судившемуся вместе с Аршиновым, но не долюбивавшему последнего за его замкнутость и за какое-то, как он говорил, «маниакство»: к анархисту Маслоу.

Будучи знаком с тов. Масловым по каторге, я заявил ему, что, не имея сейчас, где ночевать, я останусь на ночь две у него.

Тов. Маслоу не возражал мне, и я остался у него.

Сверх ожиданий, Маслоу оказал мне особое гостеприимство, несмотря на мое издевательство над его своеобразным индивидуализмом, поставившим его вне всяких более или менее серьезных товарищеских связей со своими бывшими товарищами по старой московской организации анархистов коммунистов.

Глава XVIII.

МОЯ ВСТРЕЧА И РАЗГОВОР С ЛЕНИНЫМ.

На другой день, ровно в час дня, я был опять в Кремле у Председателя Всероссийского Центрального Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов — тов. Свердлова. Он провел меня к Ленину. Последний

встретил меня по-отцовски и одной рукой взял за руку, другой, слегка касаясь моего плеча, усадил в кресло. Затем попросил Свердлова сесть, а сам прошелся к своему, повидимому, секретарю или переписчику и сказал ему: — Вы, пожалуйста, закончите это к двум часам, — и лишь тогда сел против меня и начал расспрашивать.

Первое: из каких-у местностей?... Затем: как крестьяне этих местностей восприняли лозунг «вся власть Советам на местах», и как реагировали на действия врагов этого лозунга вообще и Украинской Центральной Рады, в частности? И бунтовались ли крестьяне моих местностей против наших действий контр-революционных немецких и австрийских армий?... Если да, то чего не доставало, чтобы крестьянские бунты вылились в повсеместные восстания и не слились с красногвардейскими отрядами, с таким мужеством защищавшими наши общие революционные достижения?..

На все эти вопросы я отвечал Ленину кратко. Ленин же, со свойственным организатору и руководителю умением, старался так обставлять свои вопросы, чтобы я как можно подробнее на них останавливался. Так, например, на вопрос, как крестьяне тех местностей, откуда я, воспринимали лозунг «вся власть советам на местах», Ленин переспрашивал меня три раза; и все три раза удивлялся тому, что я говорил ему: а именно, что этот лозунг крестьянами воспринят своеобразно: власть Советов на местах — это, по-крестьянски, значит, что вся власть и во всем должна отождествляться непосредственно с сознанием и волей самих трудящихся; что сельские, волостные или районные советы Рабоче-Крестьянских Депутатов есть не более, не менее, как единицы революционного группирования и хозяйственного самоуправления на пути жизни и борьбы трудящихся с буржуазией и ее хвостами — правыми социалистами и их коалиционной властью...

— Думаете ли Вы, что это понимание крестьянами нашего лозунга «вся власть Советам на местах» — правильное понимание? — спросил меня Ленин.

Я ответил: — Да.

— В таком случае, крестьянство из ваших местностей выражено анархизмом, — добавил Ленин.

— А разве это плохо? — спросил я его.

— Я этого не хогу сказать. Наоборот, это было бы

отрадно, так-как это ускорило бы победу коммунизма над капитализмом и его властью.

— Для меня это лестно, — сказал я Ленину, полуулыбаясь.

— Нет, нет, я серьезно утверждаю, что такое явление в жизни крестьянства ускорило бы победу коммунизма над капитализмом, — повторил мне Ленин, и добавил: — Не только думаю, что это явление в крестьянстве не естественно: оно занесено в его среду анархистскими пропагандистами и может быть скоро изжито. Я готов допустить, что это настроение, будучи неорганизованным и под ударами восторжествовавшей контр-революции, уже изжило себя.

Я заметил Ленину, что вождю нельзя быть пессимистом и скептиком.

Свердлов перебил меня: — Так, по Вашему, нужно развивать это анархическое явление в жизни крестьянства?

— О, ваша партия развивать его не будет, — ответил я ему.

А Ленин подхватил: — А во имя чего нужно бы его развивать? Во имя того, чтобы раздробить революционные силы пролетариата, чтобы открыть путь росту и развитию контр-революции и, в конце концов, пойти самим и повести весь пролетариат на ее эшафот?

Я не сдержался и нервно заметил Ленину, что анархисты и анархисты к контр-революции не стремятся и не ведут ее пролетариат.

— А разве я это сказал? — спросил меня Ленин, и далее пояснил: он хотел этим сказать, что анархисты, не имея серьезной своей организации широкого масштаба, не могут организовывать пролетариат и беднейшее крестьянство следовательно, не могут подымать их на защиту, в широком смысле этого слова, того, что завоевано всеми нами и всеми нам дорого.

Далее мы перевели разговор на другие его вопросы. На один из них, — на вопрос о «красногвардейских отрядах и их революционном мужестве, с которым они защищают наши общие революционные достижения», — Ленин ответил меня отвѣтить ему подробнейшим образом. Этот вопрос видимо, беспокоил его или же он воссбавлял в памяти

что еще так недавно проделано было красногвардейскими группами и отрядами на Украине, проделано как-будто чудом, с достижением той цели, которую Ленин и его партия ставили перед собой и во имя которой посылали эти группы и отряды из далекого Петрограда и других больших городов России на Украину. Помню, как Ленин с особым нервным беспокойством, которое может быть только у человека, живущего страстью борьбы с ненавистным ему строем, жаждал победы над ним, тревожился, когда я сказал ему: — Я — участник разоружения десятков казачьих эшелонов, бывших с противогерманского фронта в конце декабря 1917-го и в начале 18-го года, и хорошо знаком с «революционным мужеством» красногвардейских групп и отрядов, в особенности их командиров... И мне кажется, что Вы, товарищ Ленин, имея о нем сведения из восторженных и естественных рук, преувеличиваете его.

— Как так? Вы его не признаете? — спросил меня Ленин.

— Были и революционность, и мужество в красногвардейцах, но не такие уж великие, как вы себе их представляете. Были моменты в борьбе красногвардейцев с гайдаками Центральной Рады и, в особенности, с немецкими отрядами, когда революционность и мужество, и самих красногвардейцев, и их командиров, были очень бледны и ничтожны. Правда, по-моему, это объясняется во многих случаях тем, что красногвардейские формирования производились спешно и придерживались методов борьбы с противником, похожих ни на партизанские, в глубоком смысле этого слова, ни на фронтовые. Ведь для Вас должно быть известно, что красногвардейские группы и отряды, как бы они были многочисленны или малочисленны, производили наступления свои против противника по-над линиями железных дорог. Расстояние в 10-15 верст от железных дорог оставалось свободным; в нем могли находиться либо сторонники революции, либо контр-революции. И в зависимости от этого в большинстве случаев находился успех наступлений. Лишь на подходах к узловым станциям или одам и селам, пересекемых ж. дорогой, красногвардейские части принимали фронтовую линию и производили атаки. Но и тыл, и окружность атакуемого места оставались невыясненными. От этого наступательное дело ре-

волюции страдало. Потому, что, при таком ведении красногвардейские части, не успевали даже выпустить свое воззвание ко всему району, как контр-революционные силы уже переходили в контр-наступление и зачастую заставляли красногвардейцев бежать на десятки верст, бежать опять-таки, по путям линий желез. дорог, в эшелонах. Таким образом, население деревень их и не видело. И только поэтому оно не могло их поддержать...

— Что же революционные пропагандисты делают в деревнях? Разве они не успевают подготовить деревенских пролетариев к тому времени, когда красногвардейские части проходят мимо них, чтобы пополнять их свежими борцами или создавать новые самостоятельные красногвардейские отряды и занимать новые боевые участки против контр-революции? — нервно спросил меня Ленин.

— Не нужно увлекаться. Революционных пропагандистов по деревням так мало, и они там так беспомощны. А там же сотни пропагандистов, тайных врагов революции приезжают ежедневно. Ожидать от рев. пропагандистов что они создадут новые силы революции в деревнях и организованно противопоставят их контр-революции, — во многих местах и в большинстве случаев не приходится. В это время, — в заключение ответил я Ленину, — требуются решительных действий всех революционеров и во всех областях жизни и борьбы трудящихся. Не учитывать этого, — у нас на Украине, в особенности, — значит дать возможность контр-революции гетманщины свободно развиться и укрепить свою власть.

Свердлов, глядя то на меня, то на Ленина, с несдержанным восторгом улыбался. Ленин же, сложивши правую руку меж-палец кисти своих рук и нагнувши голову, о чем-то задумал. Затем выпрямился и сказал мне:

— Обо всем, что Вы мне сейчас осветили, приходится сожалеть. — А далее, поверчивая голову к Свердлову, добавил: — Реорганизовав красногвардейские отряды в Красную Армию, мы идем по верному пути, к окончательной победе пролетариата над буржуазией.

— Да, да, — быстро сказал Свердлов. Потом, Ленин спросил меня: — Чем вы думаете заняться в Москве?

Я ответил, что здесь задержался не надолго: по ре-

волюции нашей повстанческой конференции, в Таганроге, я должен быть к первым числам июля на Украине.

— Нелегально?
— Да.

Ленин, обращаясь к Свердлову, говорит: — Анархисты всегда самоотверженны, идут на всякие жертвы; но, близорукие фанатики, пропускают настоящее для отдаленного будущего... И тут же просит меня не принимать во внимание реальности и кипучей злобы дня. Если бы таких анархистов-коммунистов была хотя бы одна треть в России, то мы, коммунисты, готовы были бы идти с ними на известные условия и совместно работать на пользу свободной организации производителей.

Я лично почувствовал, что начинаю благоговей перед Лениным, которого недавно убежденно считал виновником разгрома анархических организаций в Москве, что послужило сигналом для разгрома их и во многих других городах России. И я, глубоко в душе, начал стыдиться самого себя, быстро ища подходящего ответа ему.

Я выпалил в него словами: — Анархисты-коммунисты не дорожат революцией и ее достижениями; а это свидетельствует о том, что они с этой стороны все одинаковы...

— Ну, этого вы нам не говорите, — сказал, смеясь, Ленин: — Мы знаем анархистов не хуже вас. Большинство из них, если не ничего, то во всяком случае мало думают о настоящем; а ведь оно так серьезно, что не подумать о нем не определить своего положительного отношения к нему революционеру больше, чем позорно... Большинство анархистов думают и пишут о будущем, не понимая настоящего: и разделяет нас, коммунистов, с ними.

При последней фразе, Ленин поднялся со своего кресла, пройдясь взад и вперед по кабинету, добавил:

— Да, да, анархисты сильны мыслями о будущем; в настоящем же они беспочвенны, жалки, исключительно потому, что они, в силу своей бессодержательной фанатичности, фанатично не имеют с этим будущим связи...

Свердлов усмехнулся и, обращаясь ко мне, сказал: — Вы этого отрицать не можете. Замечания Владимира были верны.

— А разве анархисты когда-либо сознавали свою бес-

почвенность в жизни «настоящего»? Они об этом никогда не думают, — подхватил Ленин.

На все это я сказал Ленину и Свердлову, что я — подграмотный крестьянин, и о такой запутанной мысли об анархистах, какую тов. Ленин сейчас мне выражал, спорить не умею: — Но скажу, что Ваше, т. Ленин, утверждение, будто анархисты не понимают «настоящего», реально не имеет с ним связи, и т. п., — в корне ошибочно. Анархисты-коммунисты на Украине (или, так-как вы, коммунисты-большевики, стараетесь избегать слова Украина и называете «Югом России»), анархисты-коммунисты на этом «Юге России» дали уже слишком много доказательств тому, что они целиком связаны с «настоящим». Вся борьба революционной украинской деревни с Украинской Центральной Радой велась под идейным руководством анархистов-коммунистов и отчасти русских эсеров (которые, правда, имеют совсем другие цели в своей борьбе с Радой, чем мы, анархисты-коммунисты). Ваших большевиков по деревням совсем почти нет; или, если есть, то их влияние там совсем ничтожно. Ведь почти все сельско-хозяйственные коммуны и артели на Украине были созданы по инициативе анархистов-коммунистов. А вооруженная борьба трудового населения Украины с вооруженной контр-революцией вообще, и с контр-революцией в лице экспедиционных немецко-австро-венеских армий, была начата исключительно под идейным и организационным руководством анархистов-коммунистов. Правда, не в ваших партийных интересах признать все это за нами, но это — факты, которые вы не можете опровергнуть. Вам, я думаю, хорошо известны, по численности и боеготовности, все революционные отряды на Украине. Ибо не споря же вы мне подчеркивали революционное мужество с которым они так героически защищали наши общие революционные достижения... Из них добрая половина находилась под анархическими знаменами. Ведь командиры отрядов — Мокроусов, М. Никифорова, Чередиак, Гарин, Черняк, Лунев и многие другие, имена которых, чтобы перечислить потребуют много времени, — они все анархисты-коммунисты. Здесь я не говорю еще о себе лично, о группе, к которой принадлежу и обо всех тех отрядах и «вольных батальонах» защиты Революции, которые были нами созданы и которые не могли быть неизвестными вашему высшему красному

командованию... Все это достаточно убедительно говорит о том, как ошибочно Ваше, товарищ Ленин, утверждение, что мы, анархисты-коммунисты, беспомощны, жалки «настоящем», хотя любим много думать о «будущем». Выше сказанное не подлежит сомнению, оно верно, и оно говорит обратное вашим заключениям о нас. Оно говорит нам, в том числе и Вам, что мы, анархисты-коммунисты, своим существом погрузились в «настоящее», работаем в нем, и именно в нем ищем приближения нас к будущему, о котором, да, мы думаем, и думаем серьезно...

В это время я взглянул на Председателя ВЦИК'а, т. Свердлова. Он покраснел, но улыбался мне.

Ленин же разводил руками и говорил: — Возможно, я и ошибаюсь...

— Да, да, Вы, тов. Ленин, в данном случае жестоко ударили нас, анархистов-коммунистов, только потому, — думаю, — что Вы плохо информированы об украинской действительности и о нашей роли в ней, — заметил я ему.

— Может-быть. Я этого не отрицаю. Ошибаться свойственно каждому человеку, в особенности в такой обстановке, в какой мы находимся в настоящий момент, — твердил, разводя руками, Ленин. И тут же, видя, что я немного разволновался, старался отцовски успокаивать меня, с утонченным мастерством перевода разговора на другую тему.

Но скверный, если можно так выразиться, характер мой, во всем моем уважении к Ленину, которое я питал к нему в данном разговоре, не позволил мне интересоваться дальнейшим разговором с ним. Я чувствовал себя как-бы выжатым. И, вопреки сознанию, что передо мною сидит человек, с которым следовало бы о многом и многом поговорить, у которого многому можно научиться, настроение не изменилось. Я не мог уже быть таким развязным в своем ответе, ибо почувствовал, что во мне что-то оборвалось, мне стало тяжело.

Нельзя сказать, чтобы этих быстрых перемен в моем настроении Ленин не заметил. Он их заметил и старался сорвать перемену во мне разговорами на совершенно неважные темы. И, заметив, что я начал постепенно вытеснять свое настроение (я это чувствовал) и таять перед красноречием, он вдруг, совершенно неожиданно для ме-

ня, повторно спросил меня: — Итак, Вы хотите перебраться нелегально на свою Украину?

Я ответил: — Да.

— Желаете воспользоваться моим содействием?

— Очень даже, — ответил я.

Тогда Ленин обратился к Свердлову со словами:

— Кто у нас непосредственно стоит теперь в бюро по переправе людей на юг?

Свердлов ответил: — Тов. Карпенко, не то Затонский. Лучше всего справиться.

— Позвоните, пожалуйста, и узнайте, — попросил его Ленин, а сам повернулся ко мне.

В то время, как Свердлов звонил по телефону, спрашиваясь, кто — Затонский или Карпенко — непосредственно стоит у дела переправы людей на Украину для подпольной работы, Ленин убеждал меня, что из его отношения ко мне я должен заключить, что отношение партии коммунистов к анархистам не так уже враждебно: — И если раньше — сказал Ленин, — пришлось энергично и без всяких сантиментальных колебаний отобрать у анархистов с Малой Дмитровки особняк, в котором они скрывали всех видных московских и приезжих бандитов, то ответственны за это мы, а сами анархисты с Малой Дмитровки. Впрочем, мы теперь уже не беспокоим. Вы, вероятно, знаете: им разрешено занять другое здание, там же, недалеко от Малой Дмитровки, и они свободно работают.

— А имеются ли у вас данные, — спросил я Ленин, — которые уличали бы анархистов с Малой Дмитровки, что они скрывают у себя бандитов?

— Да. Всер. Чрезвычайная Комиссия их собрала и проверила. Иначе наша партия не позволила бы ей действовать, — ответил Ленин.

В это время к нам снова подсел Свердлов и сообщил, что непосредственно у дела стоит тов. Карпенко, но тов. Затонский тоже в курсе всех этих дел.

Ленин тотчас же подхватил: — Так вот, товарищ, завтра завтра, после завтра, или когда найдете это нужным, тов. Карпенко и попросите у него все, что Вам нужно для нелегальной поездки на Украину. Он Вам укажет и надежный маршрут через границу.

— Какую границу? — спросил я его.

— Разве Вы не знаете? Теперь установлена между Россией и Украинной граница. Она охраняется немецкими войсками, — нервно заметил Ленин.

— Да Вы же считаете Украину «югом России». — заметил я ему.

— Считать — одно, товарищ, а в жизни видеть — другое, — ответил Ленин.

Я на это ничего ему не возразил, так-как он продолжал: — Т. Карпенко Вы скажите, что я направил Вас к нему. Если будет сомневаться, пусть справится по моему телефону. Адрес, где Вы можете видеть тов. Карпенко, такой-то.

И мы все трое поднялись, пожали друг другу руки, сердечно — казалось — поблагодарили друг друга, и я вышел из дома Ленина, забыв даже напомнить Свердлову о том, чтобы он распорядился по своему секретариату сделать нужную пометку на моих документах, на право получения от Моссовета ордера на занятие бесплатной квартиры.

Я быстро очутился во дворе Кремля, так же быстро вышел из него и пошел в номера, к тов. Бурцеву.

Глава XIX.

МОИ ВСТРЕЧИ С НОВЫМИ ЛЮДЬМИ И НОВЫЕ ЖЕЛЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ. МОИ ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ОТЪЕЗДУ НА УКРАИНУ.

Как я уже отмечал выше, тов. Бурцев тяготился тем, что мы зажились в заведомых им номерах. Тяготился он этим, быть-может, потому, что свихнулся в сторону левой революции, в гущу которой он попал по приезде на IV Всероссийский Съезд Советов, в качестве делегата от одного из крестьянских районов Смоленской губернии. В крестьянской секции ВЦИК'а Советов он и был избран заведывать номерами, в которых жили как постоянные, так и приезжающие и отъезжающие члены этой секции. А может-быть, что-либо другое побуждало его тяготиться тем, что не-

сколько товарищей (и не все постоянно) у него жили... Труду было бы выиснить это, а он сам ничего не говорил. Поэтому идти к нему мне было тяжело. Однако, и не пойти нельзя было, так-как мне нужен был тов. Аршинов, которого можно было найти только у Бурцева... Я пошел. И, в радости моей, застал тов. Бурцева в хорошем расположении духа. Он меня встретил с распростертыми объятиями. Рассказал мне, что много крестьян приехало из провинции, привезли и ему хлеба (которого в то время в Москве трудно было достать: его не хватало; поэтому только чиновники правительственных учреждений получали его; рабочие же и, тем более, обыватели получали по карточкам, вместо хлеба, с ледку или крупу). Дружески справился он о том, голодали ли я, и накормил меня.

На вопрос мой, здесь ли ночевал тов. Аршинов, и сколько он будет тут, тов. Бурцев ответил, что трудно сказать, когда придет, — не раньше ночи, во всяком случае. И, с особым недовольством, начал рассказывать мне, что все наши товарищи ни черта не делают. Все поделались лентяями: проводят время от 12-2 часов дня после обеда, до 12-3 часов ночи, где-либо по паркам, а остальное время за снами.

— Конечно, ты и тов. Аршинова к этим лентяям причисляешь? — спросил я тов. Бурцева.

Ответ последовал: — Да.

— Но ведь он же занимается изданием книжек Кропоткина, — возразил я Бурцеву.

— Разве это работа?... Книжечки по месяцу, по два лежат в типографии, — ответил Бурцев.

Этому неожиданному для меня мнению тов. Бурцева о том, перед кем он прежде преклонялся, я не придавал значения, ибо я видел тов. Аршинова за работой в качестве секретаря «Союза Идейной Пропаганды Анархизма». Хотя эта работа мне лично (да и вообще, для того момента революции) казалась праздною, но Аршинова и его сотоварищей — Родина, Бороваго, Саидомирского и других — она, очевидно, удовлетворяла.

Однако, как бы легко я ни отнесся к словам тов. Бурцева, дышавшим гневом, рассуждения его подчеркнули мои собственные выводы после наблюдений во многих городах, в том числе и в Москве, за положением и развитием нашего анархического движения в то время. Я сравнивал

то и другое с тем влиянием анархизма, которое мне хотелось бы видеть, если не на самый ход событий, то хотя бы на руководителей этими событиями... Рассказ Бурцева глубоко впечатлелся в моей душе, что я заметил, как только ушел от него на почлег к тов. Маслову, где мог вспомнить его и продумать...

На другой день я опять зашел к Бурцеву, где и встретил тов. Аршинова. Оба они, и Бурцев, и Аршинов, выражали мне свое удивление, почему я не прихожу к ним ночевать. Ответив на их вопрос, я сказал тов. Аршинову, что был «богом», в Кремле. Но он особенного значения этому не придавал, и я прекратил разговор, заявив, что в ближайшие дни выезжаю на Украину.

Этим последним вопросом тов. Аршинов интересовался. Мы обсуждали его, начиная с первой же встречи нашей с ним. Аршинов заручился от меня согласием на то, что, зная, в каком положении находится наше движение в Москве вообще, и в «Союзе Идейной Пропаганды Анархизма» в частности, не буду забывать поддерживать его, движение, в финансовом отношении. И я ушел в город — искать адреса тех, у кого можно было получить паспорт на Украину, способствующий совершенно свободно перейти с Русско-Украинскую — Гетманско-Немецкую границу.

Ленин направил меня за содействием по адресу какого-то Карпенко. Встреча же моя с тов. Михайлевым, Председателем Александровского Уездного Революционного Комитета, и беседа с ним о возвращении моем на Украину помогли мне уяснить конспиративный характер выдачи паспортов из местностей, занятых теперь немцами и гетманщиной. Дело это сосредоточивалось в руках тов. Затонского. Поэтому я, с тов. Михайлевым, и направился к Затонскому.

Михайлевич имел к нему какое-то еще дело и позвал вперед, а через несколько минут позвал и меня. Он рекомендовал меня Затонскому, как своего хорошего знакомого и человека, известного на революционном поприще деревне, на Украине.

Затонский, стоя, выслушал меня о том, чего я от него хочу. Я объяснил ему, что он, как член Украинского Советского Правительства, может и должен дать мне надлежащий

паспорт из местности, оккупированной немецко-австрийскими армиями, чтобы я мог свободно перебраться в Харьковском направлении через границу на Украину.

Он долго, с особым интересом расспрашивал меня в какой район я думаю пробираться; знаю ли, что путь мой связан с большим риском и, главным образом, не в пограничной полосе и не на самой границе, а внутри Украины и т. д.

На все это я ему ответил, что все это мною продумано. Затем, перебросившись несколькими фразами чисто отвлеченного характера со мною и с Михайлевичем, он попросил меня зайти к нему на другой день...

* * *

В ожидании завтрашнего дня, я использовал время и разыскал польского социалиста — друга своего по каторге — Петра Ягодзинского, где встретился с Махайским (основоположником особого рода теории и формы классовой борьбы трудящихся с капиталом). У Ягодзинского я и провел время за взаимным рассказом о том, кто из нас и наших друзей по каторге за что взялся по возвращении в свои местности.

Здесь же я узнал, что следственная комиссия из бывших политических Московской каторги при Чека обратилась ко всем узникам этой каторги с предложением сообщить ей данные, какие у кого имеются, о деспотах надзирателях каторги. Последние были по распоряжению чека переезжавшие и теперь находились под следствием.

Помню, во мне закипело чувство гнева по отношению к этим деспотам-надзирателям и зародилось желание помстить им. Я думал пойти в эту следственную комиссию и дать о многих из них свои показания. Но мысли эти разлетались в клочья, когда я сосредоточивался на вопросе: допустимо ли революционеру-анархисту питать в себе такие чувства к тем, которые побеждены революцией? Я ответил себе: — Нет. Я допускаю месть, и жестокую месть, только по отношению к тем, кто являются виновниками строя, не могущего обойтись без тюрем. Этот вывод заставил меня воздержаться от участия с другими политическими каторжанями в обвинении даже тех деспотов, тюремных палачей

которые, по моему, должны были быть убиты в первый же день нашего освобождения. Такое убийство не вызвало бы ни у кого из нас, — тех политических каторжан, которые не имели ни денег, ни склонности подкупать этих палачей, как это делала вся почти, и всех политических группировок, (специальная интеллигенция), — ни боли, ни печали. Все были бы довольны тем, что революция не прощает никому злодейских преступлений по отношению к ее сынам. Сейчас же, когда время прошло, революция торжествует, — сейчас смерть, как и жизнь, этих негодяев, казались мне безразличными... С таким решением я вышел от тов. Ягодзинского и поспешил отправиться на митинг Л. Троцкого, которым, как оратором, увлекался не только я, за время своего пребывания в Москве, но и многие друзья и противники его. Л. нужно сказать правду, он этого заслуживал. Его речей нельзя было равнять ни с речами щелкопера Зиновьева, ни с речами Бухарина. Он умел говорить, и им можно было увлекаться. Правда, этому много помогало особо острое, в смысле боевизма партии большевиков, время.

В этот же день я встретился с тов. Ривой, которая, не казалась, была ответственным членом Мариупольской группы анархистов-коммунистов: таковой ее считали и другие члены этой группы, которые, вместе с нею и со мною, от самого Ростова, ехали вглубь России. Лишь в Астрахани мы раз'ехались. Она держалась своих друзей и с ними застряла в Астрахани.

Теперь она перебралась в Москву. Хорошей была товарищи, но как-то быстро покатились по наклонной плоскости от анархизма к большевизму, нашла себе друга большевика и затерялась в рядах большевиков до полного революционно-политического обезличения...

Поздним вечером возвратился я на ночлег к Бурцеву, который, сверх ожидания, встретил меня дружески. Тов. Кришнова еще не было. Я улегся спать.

На утро я опять пошел к тов. Затонскому. Теперь он был более определенен. Расспросил меня более основательно о том, почему я стремлюсь в село, а не в город. Сообщил мне, что тов. Михайлевич отрекомендовал ему меня с очень хорошей стороны. На этом основании, он, дескать, говорит со мною совершенно откровенно. Предлагал связать Харькове. — Ведь если Вы поедете на Украину с целью

организации боевых повстанческих групп против немецких войск и гетмана, — говорил мне Затонский, — то Харьковский район самый подходящий для этого. И сейчас все анархисты и большевики обращают внимание на этот район.

На откровенность Затонского я ответил ему, что никакими посторонними обязанностями я свой путь на Украину не могу загромадить. Ни в одном городе задерживаться не могу и не хочу. Направляюсь на Запорожье — в села, где я со своими товарищами слишком много поработал и могу глубоко верить и питать надежды, что мое присутствие и готовность ко всяким жертвам там в настоящее время принесут пользу для Украинской Революции.

— Гм... гм... Ну, тогда скажите: на какое имя и фамилию вы хотите сделать себе паспорт? — спросил меня Затонский.

Я ему написал: *Иван Яковлевич Шепель*, Матвеев-Курганской волости, Таганрогского округа, Екате. губернии. — Учитель. — Офицер.

— Почему же вы избрали такую отдаленную от Запорожья местность?

Я ответил: — Чтобы отвести всякое желание у пограничных властей подозревать меня, что я из тех районов, где революция имела наиболее яркое свое практическое выражение и чтобы не погибнуть прежде достигнутой цели.

Затонский засмеялся и сказал: «Верно». И тут же попросил меня зайти к нему за паспортом чрез два дня.

Это меня несколько смutilo, но делать было нечего. Я попрощался с ним и ушел.

Казалось, что я не получу этого паспорта и застряну если не в самой Москве, то в каком-либо другом городе на продолжительное время. А июль месяц надвигался быстро и не быть в первых его числах в Гуляй-Поле, или где-либо по близости от него, это значило не выполнить нашего, Гуляй-Польцев-революционеров, Таганрогского постановления и впасть в общую болезнь — отделиться от всех и всею и в одиночку пугаться из города в город, бесстыдно лицемеря перед незнающими тебя, будто ты раз'езжаешь с каким-то поручением, будто ты чем-то занят и что-то делаешь в этом своем шагании. Этой болезни я не мог терпеть; всем своим существом я презирал ее. Поэтому ожидание, пока пройдут эти два дня, по истечении которых я должен буду

получить паспорт, мучило меня, в особенности, когда я встречал то тех, то других приезжих в Москву революционеров, которые, чуть не все, беззастенчиво лицемерили, что они озабочены судьбами революции на Украине и жили, жили, ничего или почти ничего не делая; а жили, как достойные бойцы после неравной, но успешной борьбы с врагами. В особенности так жили люди из правительственных партий большевиков и лев.-социалистов-революционеров. Противно было смотреть на все это лицемерие. Но выйти из его пошлого омута, чтобы не замечать его, хотя бы среди своих близких, нельзя было. Кольцо его слишком крепко охватывало в это время жизнь Москвы, и из него можно было выбраться только, покинув Москву, эту бестолково-шумную Москву, подлинно-революционный дух которой в это время постепенно уже замирал во властичном политическом круговороте... можно сказать, растерянную Москву, в которой я питал особую злобу, как к содержанке тысяч путавшихся в ней бездельников, не перестававших не только говорить, но и орать во все горло о себе, как о неустанных работников движения.

Когда по деревням и другим городам в них нуждались; когда там они могли бы, если не сделаться действительно неустанными работниками нашего движения, то, по крайней мере, стать полезными для него и для тех, силой которых наше движение ставит себе задачу осуществить исторические цели революции, — многие и многие из нас, анархистов, — в особенности чуть-чуть теоретически определившихся, — попусту тратили время на ложные потуги отыскать в анархизме что-то сверх-совершенное, чему нет места в жизни настоящего. Место ему, дескать, только в будущем, и то неизвестно, в каких формах. Эти бессодержательные для работы революционного анархизма потуги искажали самый смысл и содержание анархистского действия в революционных «настоящих». Благодаря им, анархист должен теперь называть свое организационное ничтожество, несмотря на то, что был одним из первых предвестников идеи социальной революции, и по долгу должен был быть не только морально, но и организационно оправдать ее зачатки, дать толчек дальнейшему их развитию и углублению. Да неужели же так будет и там, куда я лечу, чтобы страдать и радоваться в борьбе за освобождение угнетенных?

Нет! Нет! В Украинской действительности, повторный этап революции пойдет, хотя и более резким, но зато и более верным путем, — думал я в последние минуты перед выездом из Москвы. Здесь революция приняла окончательно бумажный характер: все ее дело проводится по декрету. Но Украинские труженики, наученные горьким опытом, будут избегать этого, и революция будет подлинно трудовой революцией; социальные вехи ее неминуемо должны принять глубоко революционный характер; и это поможет труженикам деревни и города сместить на своем пути весь партийный политический авантюризм. При этом, перед мною беглой вереницей проходили все съезды, собрания, митинги — анархистов, большевиков, левых эсеров... Я погружался целиком в самого себя. Многое мешало мне, однако, полностью останавливаться на всем, что привлекало мое внимание. Поэтому все мои воспоминания носили отрывочный характер. Так, например, я сосредоточился на съезде текстильщиков. Я вспомнил, как представители рабочих разрешали те или другие вопросы, хотя и от имени своего класса, но не его подлинной волей, а волей политических партий, из которых, как известно, каждая, хотя и считала себя представительницей пролетарского класса, но по своему и, прежде всего, в своих партийных интересах, принимала и истолковывала его цели и обязанности в момент строительства социалистического государства (которое ему, пролетариату, нужно, как пятое колесо в телеге). Понимание и истолковывание это в умах и устах политических партий сводилось к тому, что пролетариат должен создать себе власть и надеяться, и ожидать, что она, эта власть, создаст для него новые условия свободы и радости в жизни. А это, по-моему, во-первых, резко отмежевывало пролетариат и его цели в революции от трудового крестьянства, без взаимного сотрудничества с которым трудовая жизнь и классовая борьба за нее не могут достичь своих целей настолько, чтобы не дать места внутри себя политической и даже экономической реакции пролетариев города против пролетариев деревни. Во-вторых же, такое автоматическое подчинение пролетариев вообще, как класса, каким бы то ни было политическим партиям отдаст его этим партиям на самое позорное издевательство, как в духовном, так и в физическом отношении. Это соответствует зарождению и развитию

большинства городского пролетариата России и Украины. Мысли о необходимости «своей» государственной политической власти и ее диктатуры, именно в духе толкований или других политических партий. Во имя этой власти, пролетариата, которая сама коренным образом изменить не может (это ей одной не под силу), разбивает и разрушает все трудовое организмы. Во имя нее же, эта часть пролетариата создает новые, яко-бы «пролетарские» кадры, совершает поход против не согласившихся с нею, хотя и вредящих ей; или борется зачастую за то, что в недалеком будущем, во имя свободы, вольного труда и равенства, она же будет отбрасывать в сторону, как хлам, искусственно вызванный к жизни в момент революции, которая сама первыми своими практическими шагами показала, что она перешагнула через этот хлам и движется вперед. Благодаря всем этим явлениям, в тружениках деревни и города все время закрадывается (и развивается) недоверие одних к другим. И, благодаря ему же, труженики всегда, в результате всех своих исторических битв с властью капитала и его слуги — государства, оставались в плену этой власти.

Идеологи политического авантюризма, по которому равняется почти все их принципиальное отношение к каждому свободительному движению тружеников, подхватывают это недоверие одних тружеников к другим, истолковывают причины, вызвавшие его, в ложном виде, и на нем строят свои партийные программы, указывающие труженикам, и, только следуя их положениям, можно отыскать, правильно понять и устранить причины этого недоверия. Городской пролетариат, а также и трудовое крестьянство, потеряв свою целостность, — то трудовое единство, из которого единственно можно было бы черпать силу для общей и великой борьбы за общее и полное свое освобождение, за своевременную взаимную поддержку и за знание, — подпадают на эту точку политического авантюризма и бросаются в объятия или другой политической партии, воспоенной и воспитанной на этом авантюризме. Тем самым пролетариат и крестьянство дробят, распыляют свой трудовой фронт, обессиливают свою классовую мощь, за счет которой все, кому только угодно, и во всех отношениях, живут и наживаются во благо свое, своих близких, но только не на благо рабочих и кре-

стьян. Правда, устои этой подлости революция пошатнута в корне. Но уничтожит ли она их совсем, это — вопрос на который я не могу ответить утвердительно теперь, но я проехал десятки городов и побывал в самом сердце этих городов — их политическом руководителе — Москве, вижу, как слабы, ничтожны, да к тому еще и неорганизованы те наши общие революционные силы, которые с историей, казалось, были призваны в революцию, чтобы вести ее из буржуазно-политического тушика на просвет революционно-социального действия. Простором этого действия завладели политические партии. Они не задумывались серьезно ни над временем, ни над его подлинными требованиями. На их долю выпало стать во главе революции. Правда, революция эта чревата последствиями; но, в то что, они хозяева и властители дум широких трудовых масс. Они уродуют эти думы и направляют по своему партийному руслу, считая все это, ввиду таких-то и таких-то причин (как они обыкновенно выражаются), неизбежным, да необходимым.

То обстоятельство, что двум политическим партиям — большевиков и левых эсеров — посчастливилось стать во главе революции; что эти партии умело подошли к широкому трудовым массам в деревне и городе и организовано овладели ими, — это обстоятельство в значительной степени помогло им лишиться профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты и производственные кооперативы, в которых возможна развиваться в духе подлинной революционной хозяйственности, возможности создать из этих организаций исходный пункт и операционную базу, чтобы двигаться вперед в борьбе с контр-революцией, опираясь на сознательные свои цели, предостерегая себя от недочетов и ошибок. Весь политический путь революции — профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты, производственные кооперативы трудящихся, а также и самих трудящихся, не только бессильными, но и неспособными без опеки политических партий и их государственной власти самостоятельно отвоевывать себе право на социальную независимость, самостоятельно отвергать одни принципы во имя других, наиболее отвечающих характеру революции.

Политические партии, даже самые левые из них, не

серьезно никогда не задумывались. Не задумываются и над последствиями своих действий в русской революции. Увлекаясь сами своими «успехами», они увлекают собой и слепо им доверившиеся трудовые массы, увлекаются в такой омут сумятицы и неопределенностей, которыми сами не в состоянии ни понять, ни расхлебать... Такого положения я сейчас лично наблюдаю и думаю, что его не чувствуют в эти июньские дни 18 года в России, не только в рядах широкой трудовой массы, но и внутри самого большевистско-лево-эсеровского блока, когда, с одной стороны, Вильгельм Второй, через своего посланника Мирbach, через самих большевиков, ставит препятствия развитию этой революции, а, с другой стороны, пролетариат и крестьянство на всех своих съездах требуют для революции широкого простора. Хотя, благодаря этому, большевистско-эсеровский блок и дал окончательную трещину, и не ожидать боя, но это обстоятельство не может стереть преступления, какое этот блок уже совершил по отношению к широкому трудовым массам, которыми и во имя которых революция совершалась.

Так думалось мне. И еще задумывался я над тем, что будут тогда широкие трудовые массы, которые так искренно и бодро верили в чистоту принципов октябрьской революции, узнают, как эти принципы попираются в Москве, в которой, как и духовному центру, они все-таки прислушивались. Ведь им легко будет убедиться в том, в чем теперь для я, т.-е., что, совершая революцию, борясь и умиряя ее, они прежде всего приносят пользу политическим партиям, которые управляются особой интеллигентской интригой; а последняя, по самому существу своих специфических классовых интересов, чужда тех идеалов широких трудовых масс, во имя которых последние совершают революцию. Утешал я себя тем аргументом, что *таков исторический ход всякой революции, кроме подлинно социальной. Это последняя в своем стихийном беге сметает всякий политический авантюризм — прежде чем переходит на свой организационный созидательный путь. Это, быть-может, и составляет ее положительные результаты...*

В период развития Социальной Революции, — думал я — политические авантюристы со своей демагогией отстают больше всего в ее хвосте. А те из них, которые

идут вместе с массами, но и со своими лукавыми намерениями при всей их хитрости, зачастую погибают на этом пути. И лишь те революционеры, кто вступает в ряды борющихся трудовых масс не с лукавыми намерениями своих партий или групп, и не как повелители, а как бойцы и советчики, зачастую выигрывают вместе с массой или, если поражение оставляют глубокие, даже неизгладимые следы для будущих битв.

Были ли такими образцами в стихийном беге русской революции: из большевиков — Ленин, Троцкий, Свердлов, Каменев, Коллонтай; из эсеров — Спиридонова, Казанский, из анархистов — А. Боровой, Рошин, Атабек'ян, Баранский, с которыми я встретился в Москве и которых слышал в тингах, — я не знал. Но после всего передуманного, во мне еще более укрепилась мысль о необходимости стараться, чтобы трудовое крестьянство и пролетарии города заботились о себе сами, непосредственно у себя на местах. Теперь же во мне бурлила кровь — желание во что бы то ни стало вырваться на Украину. И все взоры мои были направлены туда, совместно с народом учесть все недочеты, все ошибки прошлого и броситься в жестокую борьбу против польско-австро-венгерских и гетманских сатрапов и их вооруженных контр-революционных банд; в борьбу, чтобы истребить, или освободить Украину от них.

В душе поднялось властное желание, путем воли самого трудового народа, создать на Украине новый строй жизни,

Где не было бы ни рабства,

Ни лжи, ни позора!

Ни презренных божеств, ни цепей,

Где не купишь за золото любви и простора,

Где лишь правда и правда людей...

Такой строй в настоящее время я мыслил вполне возможным в форме вольного советского строя, при котором вся Украина и Россия, все другие страны мира, должны быть покрыты местными, совершенно самостоятельными, местными и общественными самоуправлениями или комитетами тружеников, что одно и то же.

Через свои районные, областные и обще-национа-

льные органы, эти местные, хозяйственные и общественные органы самоуправления устанавливают общую схему порядка и условий взаимности между собою. Создают учетно-статистическое, распределительное и посредническое федеративное ядро, вокруг которого тесно объединяются и при помощи которого, в интересах всей страны, всего ее свободного трудового народа, согласовывают, на поприще всестороннего национально-общественного строительства, свою работу.

Над практическим осуществлением вольного советского строя я часто задумывался. Часто болел из-за того, что дел, как все в то время шло по ложному пути и этим говорило мне, что, чтобы разрушить этот ложный путь, нужны большие усилия и жертвы трудящихся, которые одни только могут это сделать. Но они к этому неподготовлены. Более того, они от этого своего прямого дела уже отведены политиками-государственниками в сторону и прикованы к плечу этих политиканов. Вместо воли, началась коватьсь воля самими трудящимися и для самих себя. Политиканы-либералы и коммунисты-государственники, стоявшие во главе на этом ложном пути революции и приведшие трудящихся к партийному повиновению, довольны своими успехами. Широкие же трудовые массы, которыми и во имя которых совершалась революция, этого чисто политического вольства политиканов не могут заметить и еще решительно отстают свои права на свободу и независимость в жизни борьбе за новые общественные идеалы, самих себя, свою жизнь под опеку этим поистине зарвавшимся вершителям неба трудящегося народа.

И опять, размышляя об этом, я находил некоторое успокоение в своей глубокой вере в то, что на Украине, при новом оживлении революции, труженики будут осмотрительнее и не отдадут себя и свое прямое дело под опеку политиканов. Волнуемый этой верой и вытекавшими из нее надеждами, что я сам буду работать в этом направлении, буду работать все мои друзья и идейные товарищи, я решил в один лишний день не оставаться в Москве. Решил зайти к тов. Затонскому, спросить его, приготовил ли он обещанные мне украинские документы, и получить их, если они подготовлены; если же нет, в тот же день уехать в направлении г. Курска.

Затонский принял меня на сей раз совсем по-товарищес-

ски. Сообщил, что документы сделаны и тут же вручил мне.

Затем мы долго говорили об Украине, о ее революционных районах и т. п. Он еще раз предложил мне остановиться в Харькове, где я могу, по его заверениям, встретить многих анархистов и хороших работников-большевиков и отсюда действительно может начаться серьезная революционная работа против немецко-гетманской реакции.

Я и на этот раз заявил Затонскому, что я обусловлю большой ответственностью быть в первых числах июля сядя в Запорожье, в селах, и спешу только туда. Всякая задержка может дурно отразиться на работе, начатой нами, анархо-коммунистами.

Затонский засмеялся и сказал: — Разве анархисты способны организовать что-нибудь серьезно и в большом масштабе? Анархисты способны только разрушать...

— По вашей демагогии, — ответил я ему, и тут добавил: — Когда-либо увидите, что мы способны и создавать.

Он пожелал мне хорошего успеха, и я вышел от него. Лишь идя по дороге от Затонского, я искренне сам себе признался, что и переборщил, сказав, что мы способны создавать. Как организация, мы, анархисты, ни на что серьезное и в широком масштабе в это время способны не были. Это убедительно говорил мне каждый шаг моих дерзких попыток увидеть, что наша анархическая организация способна по городам за этот период революции. Я ничего не знал, потому что ничего и не было. Все разрозненные группы многих анархических групп заложить прочный фундамент нового свободного строя на совершенно новых началах, без государства и его инициативы, потерпели полное поражение только потому, что они были единими и повсеместными попытками. Порознь, они легко, и с надеждой, не повторяясь, властью разрушались. Противостоять своему гнусному делу революционной власти они не могли своими разрозненными силами. А единой и мощной организацией, которая знала бы, чего она хочет и как действовать среди тех безыменных крестьян и рабочих-революционеров, которыми выносятся вся тяжесть событий, мы, анархисты, не имели и, пока-что, не имеем. Впрочем, человеку-политикану я сказал, что мы способны создавать, думал я даль-

было бы лучше и правильнее, если бы я сказал ему, что власть мешает нам создать что-либо большое и серьезное. И это соображение меня успокаивало.

Глава XX.

В ДОРОГЕ НА УКРАИНУ.

Итак, распрощавшись с товарищами-москвичами, я в сопровождении тов. Аршинова отправился 29 июня 1918 г. в Курский вокзал в Москве. Здесь, в ожидании поезда на Харьков, т. Аршинов еще раз напомнил мне, чтобы я, если благополучно доберусь до места, не забывал страждущей материально анархической Москвы. Конечно, он имел в виду, в данном случае, анархическую Москву в лице «Союза единой пропаганды анархизма», и только это меня удерживало, чтобы не разразиться по адресу анархической наземной Москвы руганью за ее бессодержательное, пустое болтовней вдали от живой, плодотворной работы среди крестьян. Удержанно и с чувством сознания анархической обязанности помогать всем, чем можешь, движению, ответил ему, помогать буду, если буду жив...

А когда поезд подошел, тов. Аршинов помог мне влезть в вагон, и мы, распрощавшись, расстались, мне казалось, всегда; ибо я, и по своему темпераменту, и по своему сознанию, считал долгом быть в этот грозный для революции момент среди масс, в самой их гуще. Я сознавал ответственность за возможное поражение революции, хоть и в разной степени, но за всеми революционерами, и мне казался провальным слет анархистов в Москву и бессодержательное шатанье по ней. Передо мной во всей своей ясности стояли простые и, хотя злобные, но правдивые слова П. Буржуа о том, что большинство, если не все приезжие наши толпы в Москву путаются в ней почти без дела, или, если и бьются за какое-либо дело, то только от стыда перед своим провинником, и часто для того лишь, чтобы не пухнуть с места.

Я краснел перед самим собою за подобного рода явление в наших рядах. И если что-либо меня утешало, так это

полнота веры в то, что, если мне удастся пробраться на Украину в Гуляй-Польский район, и если удастся также остальным моим товарищам пробраться к Гуляй-Поллю, построить хорошее общение с крестьянами и рабочими Гуляй-Поля и района, наша организационная и боевая работа будет освобождена от случайных элементов и примет совершенно новый вид, как по форме, так и по практическому содержанию: вид борьбы против контр-революции, за идею свободы, равенства и вольного труда.

Утешаясь этим, я чувствовал себя, несмотря на тесноту духоту и вонь в вагоне, лучше, чем в Москве, — этой соблазнительной издальи и как-будто способной чему-то научить Москве, из которой я теперь бежал на простор живодействующей украинской революционной деревни. На этом просторе, в гуще тех, кто способен его создать и на его основе закладывать фундамент новой жизни, я найду духовное увлечение, — говорил я себе, — и уношусь мысленно к этому простору...

Так, с полным чувством увлечения и неописуемой радости, я доехал до г. Орла. Здесь поезд задержался. Я утерпел и вышел из вагона, а потом уже, за давней, не успев понасть в него и остался на целые сутки в Орле.

Побродил по этому городу. Он многое напоминал мне собою. Ведь это — город, в котором, при самодержавии глупого Николая II Романова, существовала каторга. На этой каторге, в особенности, не было предела разнузданности отношению политкаторжан. Дух антисемитизма здесь проявлялся в той мере, в какой только смогли проявлять его управители каторги, начиная от начальника и кончая темным вежественным надзирателем — ключевым или постовым у дверей камер, при выходе на прогулки, на самой прогулке. Это в Орловской каторге чуть не каждого прибывающего в нее политкаторжанина, под воротами, спрашивали: — Жид? — И если отвечал: — Нет, заставляли показать крест, когда не оказывалось последнего, били, приговаривали: — Скрывает, мерзавец, свое жидовство. — Били до тех пор пока не срывали с него арестантского костюма и не убили на половом члене. Но и в этом случае били, только перь уже за то, что не носит креста...

Одно воспоминание об Орловском Центральном, о кото-

рые мои друзья так много рассказывали, сдавливало мне горло и леденило мозг.

Хотелось мне разыскать анархическое бюро, повидаться с анархистами, узнать, уничтожены ли надзиратели и начальство этой каторги. Чувствовалось, что было бы легче на душе, если бы знал, что революция этим палачам не простила за их подлые злодейства. Однако, анархистов я в Орле не нашел: революционная власть большевико-лево-эсеровского блока дико плясала на мертвом теле революции, как ведре.

На другой день, ночью, я был уже в г. Курске. Здесь я встретил много анархистов и большевиков. Все они готовились к отъезду на Украину. Они были несколько смелее меня насчет отъезда. Они имели связи и проводников. Не были они стеснены и материально.

В Курске я пробыл недолго. Я побывал там, где должен был встретиться с Веретельником и другими товарищами и, как только выяснил, что их никакого еще не было, я сейчас же направился к границе по направлению г. Белгорода. Высадился я на ст. Беленикино и, по дороге от нее к границе, встретился, в тысячной толпе мешечников и людей других профессий, со многими гуляй-польцами. Один из них — сын одной хорошо знакомой мне еврейской семьи, некий Шапиро — бросился мне на шею. Он многое сообщил мне о положении крестьян в Гуляй-Полле, ни словом, конечно, не заикнувшись о гнусной провокаторской роли еврейской роты вольного Гуляй-Польского батальона, благодаря первым, инициативным действиям которой, под руководством агентов Украинской Центральной Рады и немцев, гуляй-польские крестьяне попали в это тяжелое положение.

От этого Шапиро и ряда других еврейских парней я узнал, что дом моей матери сожжен немецкой и украинской властями. Старший мой брат, Емельян, который, как инвалид войны, не принимал никакого участия в политической организации, расстрелян. Другой старший брат, Савва, который участвовал в революционном движении с 1907 года, как только возвратился после нашей таганрогской конференции, тотчас же был схвачен и посажен в Александровскую тюрьму. За мое отсутствие из Гуляй-Поля, немцами совершенно много расстрелов, главным образом крестьян-анархистов. А мать моя скитается по чужим квартирам...

Эта коротенькая весть о жизни в Гуляй-Поле так повлияла на меня, что я душевно заболел. Я способен был на то, чтобы возвратиться в Москву, — в ту самую Москву, которую я возненавидел за мое пребывание в ней. Это смятенное состояние еще более усиливало боль моей души. Я остановился на дороге. Толпы народа шли непрерывно из Украины в Россию с радостными улыбающимися лицами, видимо потому, что благополучно пронесли что-то с собой через границу.

Долго я раздумывал. Гуляй-Польцы, с которыми я встретился на этом месте, уходя от меня, не советовали мне пробираться на Украину. Но разум диктовал мне совершенно противоположное. Он напоминал мне ответственность мою перед тем, что я наметил, будучи еще в Гуляй-Поле, что формулировал особо выразительно на Таганрогской конференции гуляй-польцев, и что целиком было конференцией принято. Ведь во имя этого решения я еду на Украину. Я переборол свое чувство боли, подбодрил себя мыслью, что кому-либо нужно было умирать и из моего рода за освободительные идеи народа, но что смерть их, рано или поздно, вызовет за собою взаимные смерти, я в этом иляшусь перед своей совестью. И я, упоенный этой мыслью, тронулся дальше в путь.

Теперь я больше ни о чем другом не думал, как о том, чтобы благополучно пройти мимо немецких пограничных пунктов. Я нанял, по примеру других, подводку, положил свой чемодан, сам уселся в нее и спокойно, по праву гражданина Гетмано-Немецкой Украины, проехал пикеты Красной Армии и немецкие пикеты.

Дорога была удачная. Никто никого не трогал. Я освободил своего подводчика, поставил чемодан и сел на него, чтобы отдохнуть, только потому, что так делали все переезжавшие.

Освободившись быстро от мысли, что за мной могут следить, я подошел к одному, к другому из граждан, чтобы узнать, какая и где же находится станция. Все указывали назад, на ст. Беленинго, находящуюся в зоне красных. Этой же станции, где мы сидели, никто не знает. Перестал и я заботиться о том, чтобы узнать ее название. Тем более, что я уже узнал, что поезд из Белгорода подойдет к этому месту, где сидят «пассажиры», и мы здесь будем садиться в него.

В скором времени, поезда один за другим начали походить, забирать пассажиров и отправляться обратно в Белгород и далее, до Харькова.

Пассажиров было очень много. Поезда наполнялись в мгновение ока через двери и через окна вагонов. На крышах вагонов было также полно. Я поджидал случая, что мне удастся попасть в вагон через дверь, и остался на месте посадки до самой ночи. Правда, были вагоны железнодорожных служащих, в которых место было, но немецкие власти запрещали им брать к себе пассажиров. Кроме того, железнодорожные служащие гетманского царства поделались такими «украинцами», что на вопросы, обращенные к ним на русском языке, совсем не отвечали.

Я например, хотел от них узнать, идет ли этот эшелон и где, из г. Белгорода. Мне пришлось подходить к целому ряду вагонов, но ни один из железнодорожников на мой вопрос ни слова не ответил. И только позже, когда я, истомленный, проходил обратно рядом с этими вагонами, один из них одолав меня и предупредил, чтобы я ни к кому не обращался со словами «товарищ», а говорил бы «шановний добродію», противном случае я ни от кого и ничего не добьюсь.

Я поразился этому требованию, но делать было нечего, я, не владея своим родным украинским языком, принужденно должен был уродовать его так, в своих обращениях окружавшим меня, что становилось стыдно...

Над этим явлением я несколько задумался и, скажу правду, оно вызвало во мне какую-то болезненную злость, вот почему:

Я поставил себе вопрос: от имени кого требуется от меня такая ломота языка, когда я его не знаю? Я понимал, что это требование исходит не от украинского трудового народа. Оно — требование тех фигтивных «украинцев», которые продились из-под грубого сапога немецко-австро-венгерского юнкерства и старались подделаться под модный тон. Я был убежден, что для таких украинцев нужен был только украинский язык, а не полнота свободы Украины и населения ее трудового народа. Несмотря на то, что они внешне становились в позу друзей независимости Украины, внутренне они цепко хватались, вместе со своим гетманом коронадским, за Вильгельма немецкого и Карла Австро-венгерского, за их политику против революции. Эти «ук-

раинцы» не понимали одной простой истины: что свобода и независимость Украины совместимы только со свободой и независимостью населяющего ее трудового народа, без которого Украина — ничто...

Ночью, с немалым трудом, на свой риск и страх, я взобрался с рядом, видимо, подобных мне стрельцов, на крышу одного вагона и таким образом приехал в Белгород, где переоделся в офицерский костюм, к которому имел соответствующий документ. Это помогло мне беспрепятственно доехать до г. Харькова.

Тут я, в ожидании поезда на Ростов, задержался на несколько часов и потом переехал в Синельниково (в 60-70 верстах от Гуляй-Поля). Радости моей не было границ. И, вероятно, из-за нее я попал бы в руки немцам и гетманским агентам, если бы не считался с тем, что того Синельникова, которое я знал раньше, уже не было, как не было уже вообще всего того, что было 2 ½ месяца тому назад. Теперь ничего ни украинского, ни русского, нигде по станциям в дороге и в самом Синельникове я не видел. Всюду: у дверей станции, на досточках, висевших на паровозах, красовались надписи: «Deutsch-Vaterland», а по перонам шатались или сидели группами солдаты контр-революционных армий выпешедших из этого «Deutsch-Vaterland» (немецкое отечество).

Это сдерживало порыв моей радости. Я непрерывно думал: Где же я? Неужели же я попал не туда, куда так рвался из Москвы? И зло, о как зло смеялся я над всеми этими надписями!...

Но этот мой смех быстро сменился ужасом, когда один из гуляй-польских евреев подошел ко мне и, протягивая мне руку, назвал меня по фамилии. Я ужаснулся, хотя знал, что он был честный человек и на то, чтобы предать меня властям, не пойдет. Я просил его быть осторожным с моей фамилией и в ту же минуту убежал от него, переоделся в штатское платье и с первым попавшимся поездом выехал по направлению Гуляй-Поля.

Теперь положение мое несколько изменилось. Если от Белгорода до Синельникова — около 400 верст — мне везло в пути (помогали: военная форма, погоны прапорщика, фальшивое расшаркивание и такие же поклонь), то от Синельникова до Мечетной, каких-либо 30-40 верст, путь мой сделался чрезвычайно тяжелым. Каждую минуту ожида-

смерть. Мое старание выглядеть «ширым гетманцем» кой-как сходило с рук, по глупости гетманской государственной стражи. Но рассчитывать на этот прием оказалось возможным только до ст. Мечетное. Начиная же от этой станции, мое имя начало все чаще упоминаться в вагоне. И на одном из разъездов мне гуляй-польский гражданин Коган и другие сообщили, что немецкие жандармы ищут меня в других вагонах.

Я быстро передал Когану свой чемодан с вещами; сказал, кому сдать его в Гуляй-Поле; а сам, накинув на себя плащ, вышел из вагона в поле и скрылся в его зарослях. Когда же поезд отправился дальше, я поднялся и ушел.

25 верст я прошел пешком и попал в нужное мне село Рождественское, с левой стороны которого, всего в 20 верстах, находилось мое родное Гуляй-Поле, которое я даже видел, подходя к Рождественке. На сердце чувствовалась нежная любовь к одному имени: Гуляй-Поле... Однако, в Рождественке, крестьянин З. Клешня и все близкие сообщали мне нерадостные вести о Гуляй-Поле, о жизни в нем трудового населения, о расстрелах лучших сынов его, и т. д.

Однако, как ни трудно было мне снести с гуляй-польскими крестьянами и рабочими-анархистами (теми, которые не были известны, как анархисты, шовинистической украинской и буржуазной еврейской сволочи, выдававшей всех революционеров немцам палачам на казни, и только поэтому оставались в живых), я, все-таки, письменно снесся с ними, дав им знать, что, не сегодня-завтра, буду среди них, чтобы вместе с ними обсудить ряд важнейших вопросов революционно-боевого характера. И, несмотря на то, что от них я получил ответ — воздержаться от переезда в Гуляй-Поле, пока они не пришлют за мною своего человека, а это делало меня пленником, я чувствовал, что я — на Украине, и верил, что отсюда я раскачаю начатое еще весною дело организации восстания.

Да, именно этот район оказался центральным пунктом организации революционного крестьянского восстания, под моим личным и всей нашей группы идейным и организационным руководством.

Гуляй-Поле, со своим трудовым и революционным населением и его стремлением — возродить казенную революцию, стало основным руководящим ядром этого восстания.

В нем, в Гуляй-Поле, я, с рядом преданнейших делу социальной революции анархистов-крестьян, создали операционную базу, на основе которой Гуляй-польское трудовое население первое восстало против палачей революции — немецко-австро-венгерского юнкерства и гетманщины. Своими усилиями, своей отвагой и революционным мужеством на этом пути оно сделало все, чтобы увлечь за собою другие села и районы трудового населения.

Все это, конечно, не сделалось в мгновение ока, по мановению «волшебных палочек», как это многие паяцы из политиканов-социалистов, большевики и многие анархисты, не понимая широкой массы и чаще всего стоя в стороне от нее, позволяют себе не только думать в своей среде, но и писать с пафосом для других, пафосом, обыкновенно заменяющим знание предмета.

Все это требовало от нас величайших усилий и упорства стоять на одном, бить в одном направлении, чтобы убедить широкую трудовую массу в нашей преданности ей не только на словах, но и на деле, в ее практической жизни, в ее борьбе за ограждение своего революционного пути от мусора, со стороны главным образом замаскированных врагов революции, которые чаще всего появляются в ее рядах под знаменем социализма.

Этого предмета я уже касался во вступительной книге к моим запискам («Русская Революция на Украине»).

Исчерпывающим изложением всей этой столь важной темы я займусь в последующих моих книгах: в третьей и в четвертой, т.-е. там, где будет речь о практической и организационной стороне руководимого мною крестьянского революционного восстания на Украине, представлявшего собою Украинскую Революцию.

К О Н Е Ц .

ПРИМЕЧАНИЯ Т. ВОЛИНА.

К главе V.

В этой главе, как и в некоторых других местах своей книги, Н. Махно подвергает резкой критике деятельность анархистов во время революции. Я нахожу, что его критика не может быть принята целиком, без некоторых существенных оговорок. Я очень хорошо понимаю, что, во время своей поездки по России, летом 1918 г., Махно был глубоко потрясен картиной разложения анархического движения и фактом морального упадка среди встреченных им анархистов. Его огорчение и возмущение естественны и трогательны. Но я считаю, что, в своем огорчении и в пылу своего гнева, а также в силу своей неосведомленности о многих событиях, имевших место среди анархистов Питера, Москвы и других городов, Махно не мог оценить положение с необходимыми пиротой, глубиной и беспристрастием. Отсюда — неизбежные преувеличения и, подчас, необоснованные нападки. Напомню некоторые основные факты, вовсе ускользнувшие от внимания Махно или же недостаточно им учтенные.

Во-первых, необходимо помнить, что анархическое движение, с трудом терпимое большевиками уже с ноября 1917 г. и вынужденное, уже тогда, пробиваться через всякого рода чинимые ему властью препятствия, было окончательно разгромлено и задушено в Великороссии в апреле 1918 г. Ко времени поездки Махно, ряды движения были разбиты, и разложение ничтожных, бездеятельных остатков организаций было совершенно естественным.

Во-вторых, следует знать, что, по сравнению с политическими партиями (социалистическими и др.), анархисты в России, в момент революции, были горсточкой людей, беззаветно преданных революции, но, по самому положению вещей, бессильных занять в этой революции крупное место. Необходимо знать, что, с одной стороны, сколько-нибудь широкие массы городов и деревень не имели об анархизме и синдикализме ни малейшего понятия; и что, с другой стороны, самым анархистам необходимо было известное время, чтобы организовать свои силы и приступить к широкой работе. Совершенно неверно, будто анархисты представляли собою, с начала и до конца, «множество разрозненных групп и группок, не связанных между собой даже единством цели, не говоря уже о единстве действий в момент революции». В Питере имелся «Союз анархо-синдикалистской пропаганды», начавший, несмотря на все препятствия, широкую и прочную организационную работу, издававший, с августа 1917 г., еженедельную (а одно время ежедневную) газету («Голос Труда») и имевший все шансы создать сильное движение, если бы не события и не разгром в апреле 1918 г. (Махно, повидимому, не знал об этой работе на севере, так-как он нигде о ней не упоминает). В Москве развертывала работу сравнительно крупная «Федерация анархических групп», также разгромленная большевистским правительством в апреле 1918 г. В других городах работа тоже быстро

налаживалась. Разгром оборвал ее. Несомненно, в деревне анархическая работа совершенно не велась, просто по недостатку сил и времени. В этом пробеле виноваты обстоятельства, а не сами анархисты, у которых было, пока, по горло работы в городах. А затем, вся начатая работа была ликвидирована арельским разгромом, причем анархисты, и без того не многочисленные, понесли крупные потери арестованными, сосланными и расстрелянными товарищами.

Наконец, в-третьих, необходимо помнить, что, после разгрома анархического движения в Белороссии, целый ряд товарищей не сложили оружия и пробрались на Украину, где они основали сильную, хотя и не долго просуществовавшую — тоже разгромленную — Конфедерацию «Набат», вошедшую, впоследствии, в прямую связь с крестьянским движением «махновщины» и давшую этому последнему немало преданных работников.

В общем, русские анархисты, несмотря на свою численную слабость и на огромные препятствия, выполнили в революции значительную работу и дали максимум того, что, в данных условиях, могли дать. Можно только удивляться тому, что, вопреки всем трудностям, влияние их идей и работы оказалось достаточно сильным, чтобы принудить большевиков к длительной насильственной борьбе с этим влиянием.

Упрек анархистам в недостаточной организованности их движения совершенно справедлив. Борьба за большую организованность их рядов необходима. Но отсюда не следует, чтобы надо было преувеличивать недостатки и недооценивать достоинства. Во всяком случае, оценка анархического движения в русской революции требует широко, углубленного и беспристрастного анализа, а не только огорчения и возмущения. Упреки же и обвинения, разбросанные в воспоминаниях Н. Махно, ни этой беспристрастностью, ни достаточной широтой и глубиной понимания, к сожалению, не отличаются.

Упомяну вкратце еще об одном пункте. Говорить о «целях веренищ» анархистов, яко-бы потянувшихся на работу с большевиками, значит, с одной стороны, опять-таки преувеличить зло, а, с другой, оставить в тени некоторые существенные факты.

Совершенно верно, что, после разгрома, некоторое число анархистов «прияли» большевизм и вошли с ним, так или иначе, в сделку. Это явление было тогда же окрещено «советским анархизмом». И товарищи, сблизившиеся с большевиками, получили наименование «советских анархистов». Но, во-первых, совершенно невозможно говорить о «веренищах» таких анархистов. А, во-вторых, — и это главное, — позиция «советского анархизма» встретила тогда не резкий отпор со стороны подавляющего большинства анархистов. Привожу текст резолюции, единогласно принятой, по этому поводу, на сезде Конфедерации Анархистских Организаций Украины «Набат» (в апреле 1919 г.): «Сезд считает необходимым открыто и прямо заявить, что, по его мнению, представители так-называемого «советского анархизма», ставшие на платформу признания и поддержки «советской власти», тем самым автоматически перестали быть анархистами.»

Еще одно замечание. Я никогда не слышал, чтобы анархисты считали необходимым только «советовать», а не работать и не нести за свое дело ответственности. Как-раз наоборот: всегда и всюду анархисты настаивали и настаивают на том, что необходимо именно *работать*: но не *над* массами, а *вместе с* массами, в самой гуще их, помогая им указаниями, разъяснениями, пропагандой, советом и примером, и, конечно, неся за эту работу полную ответственность, а-одно с самими массами. Если анархисты упоминают иногда о том, что они могут только «советовать», то они добавляют: а не «управлять»; то-есть, они противопоставляют помощь *советом* (и, конечно, *делом*) принципу управления и принуждения. Точно так же, если анархисты говорят порой о том, что нельзя брать на себя *ответственность*, то говорят они это в том смысле, что ответственность *каждый* есть должная ответственность. Здесь Махно или не понимает вопроса или же, как это с ним иногда бывало, бросает камень в чужой огород каких-то «научившихся красиво говорить и писать» анархистов, которых он не долюбивал. Возможно также, что кто-нибудь из встреченных им «лиже-анархистов» высказывал подобные несуразные мысли. Но мысли эти совершенно чужды подлинным анархистам, и Махно, приписывая этим последним благоглупости первых, бросает здесь анархистам незаслуженный упрек.

К г л а в а м VIII, IX, XII и некоторым другим.

Во всех этих главах, Махно, рядом с недостаточно широкой и бегливой оценкой деятельности анархистов и причин их слабости, занимает, по-моему, и еще в одном отношении недостаточно продуманную и не совсем беспристрастную позицию. Неоднократно, и подчас резко, он противопоставляет *достоинства* своего класса — крестьянства — *недостаткам* класса городских рабочих и слатам представителей интеллигенции в анархическом движении. У него, нет-нет, да и сквозит, рядом с фанатической верой в крестьянство (притом, именно в *украинское* крестьянство), настороженное, недоверчивое, подозрительное отношение ко всему не-крестьянскому (и не-украинскому). Многие в суждениях и поступках Махно объясняются именно этим унастроением.

Между тем, нельзя не видеть, что такой подход к очень сложной проблеме взаимных достоинств и недостатков, проблеме взаимоотношений и взаимной роли различных слоев населения в данной реальной революционной обстановке, а также и к проблеме положений и роли анархистов в революции, — такой подход одностороннен и поверхностен.

Здесь не место, конечно, подвергать эту проблему исчерпывающему анализу. Ограничусь лишь несколькими краткими указаниями. Несомненно, во-первых, что и крестьянство, и городские рабочие, и анархическая интеллигенция обладают — каждый — своими специфическими *достоинствами* и *недостатками*. Необходимо учесть те, и другие. Необходимо сопоставить одни с другими, чтобы правильно оценить положение. Махно видит в украинском крестьянстве *лишь достоинства* и резко подчеркивает *недостатки* других элементов. Он безусловно верит в мощь и в победу своего крестьян-

ства, и эта вера заставляет его целиком отдаться делу крестьянского восстания на Украине. И, однако, *это восстание также оказалось сломленным и разложившимся*. Ясно, что поражение других ступеней в русской революции и разгром анархистов зависели не только от недостатков и слабостей тех и других, но и от целого ряда общих объективных причин. Махно не учитывает этих общих причин, не анализирует беспристрастно плюсов и минусов различных сил революции. Мы понимаем всю его горечь, весь ход его мыслей и чувствуем всю искренность и цельность его выводов, но мы не можем признать его рассуждения и выводы правильными.

Во-вторых, Махно совершенно не замечает, что каждый из действующих в революции элементов — крестьянство, рабочие, интеллигенция — имеет в ней свою, особую задачу. Он мерит все и все своей, крестьянской меркой. Он не видит, что главной задачей анархической интеллигенции является организация широкой пропаганды; задачей анархистов-рабочих — организационная работа в рабочих массах; задачей анархистов-крестьян — такая же работа среди крестьянских масс. Совершенно естественно, что Махно, *как крестьянин*, развернул свою работу в этих *крестьянских* массах. Но он не хочет понять, что и на *городских* анархистах — рабочих интеллигентах — лежала огромная задача, которую они могли и должны были решить *именно и только там, где они находились*. И он, наконец, упускает из вида, что специфические условия революции на Украине (оккупация ее немцами, слабость власти и пр.) дали возможность подлинной революции на Украине продержаться и сопротивляться дольше, чем в Великороссии, где новая власть смогла быстро задвинуть движение. Махно упускает из вида, что крестьянское восстание на Украине было, в значительной мере, вызвано именно иностранной оккупацией и воцарением гетмана. Не будь там налицо этих особых условий, — крестьянство, возможно, вело бы себя на Украине так же, как оно вело себя в Великороссии.

Свою задачу на Украине Махно выполнил блестяще. Но он понимает, что у рабочих, у крестьян и у анархистов *Великороссии* просто не оказалось для осуществления их задачи ни достаточного времени, ни достаточной сил, ни благоприятной обстановки.

Мне несколько странно занимать здесь позицию защиты от уток Махно русским анархистам, так-как я прекрасно сознаю несостоятельность анархического движения и давно борюсь против дезорганизационности наших рядов, за организованное объединение всех анархических сил. В свое время, я сам упрекал многих русских товарищей в том, что, после разгрома анархического движения в Великороссии, они не двинулись на Украину, на помощь тамошнему маховому движению. Но если я возражаю здесь Нестору Махно, то делаю это в силу *односторонности и преувеличений*, допускаемых им.

Справедливость требует отметить, что попадаются в записках Махно места, где он сам подходит к несколько более объективному взгляду на вещи (См., напр., конец главы XV-ой). К сожалению, эти немногие, глубоко продуманные и справедливые строки остаются почти незаметными в общем поверхностном подходе к затронутым вопросам и тонут в основной односторонней оценке событий.

Любопытно, в этом отношении, собственное признание Махно (см. главу XIII-ую) в том, что он мало задумывался над проблемой *индикализма*. А между тем, отсутствие в России, до революции, индустриального движения объясняет, на мой взгляд, очень многое о слабости анархического движения в революции. Прибавлю, что, наши дни, проблема объединения и организации анархических сил в различных странах решается, по-моему, отнюдь не в форме бора всех анархистов под эгидой «крестьянского анархо-коммунизма», как это казалось в России Нестору Махно, а в совершенно иной, гораздо более широкой и свободной форме, на которой здесь не место останавливаться.

СОДЕРЖАНИЕ

	СТР.
Предисловие т. Волина.....	3
Глава I. — На пути отступления.....	7
Глава II. — Разоружение отряда Марии Никифоровой.....	13
Глава III. — Наша Конференция.....	18
Глава IV. — Отступление сельско-хозяйственных ком- мун и поиски их.....	24
Глава V. — Моя встреча с Ростово-Нахичеванскими и приезжими в Ростов анархистами.....	26
Глава VI. — В пути с эшеленом красной артиллерий- ской базы.....	32
Глава VII. — Бой отряда Петренко с Царицынской вла- стью. Хитрости власти и арест Петренко.....	47
Глава VIII. — Встреча с людьми из «революционных» кругов.....	61
Глава IX. — Встреча с Коммунарами, размещение их на хуторе Ольшанское и мой от'езд от них.....	66
Глава X. — Г. Саратов. Анархисты приезжие и сара- товские. Мое бегство с рядом товарищей.....	71
Глава XI. — Г. Астрахань. Мой уход от полупучиков. Поиски работы. Встреча с астраханскими анархистами и выезд из г. Астрахани ..	80
Глава XII. — В пути от Астрахани до Москвы.....	86
Глава XIII. — Москва и мои встречи с анархистами, лев. эсерами и большевиками.....	92
Глава XIV. — Конференция анархистов в Москве, в го- стиннице «Флоренция».....	103
Глава XV. — Всероссийский съезд текстильных проф- союзов.....	107
Глава XVI. — В крестьянской секции ВЦИК'а Советов.....	114
Глава XVII. — Кремль. Свердлов и моя беседа с ним.....	119
Глава XVIII. — Моя встреча и разговор с Лениным.....	126
Глава XIX. — Мои встречи с новыми людьми и новые тя- желые впечатления. Мои приготовления к от'езду на Украину.....	135
Глава XX. — В дороге на Украину.....	149
Примечания т. Волина.....	157

Imprimerie L. BERESNIAK, 12, Rue Lagrange. Paris (5).